

Фрэнк Герберт

МАШИНА
БЫТИЯ

Мастера фантазии

Фрэнк Герберт
Машина бытия

«Издательство АСТ»

1952-1979

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Герберт Ф.

Машина бытия / Ф. Герберт — «Издательство АСТ»,
1952-1979 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-113670-3

Представляем вашему вниманию авторский сборник рассказов, публиковавшихся с 1952 по 1979 год, – самое полное собрание короткой прозы автора. Собрание блестящих идей, многие из которых получили развитие в его романах. Редчайшая коллекция от одного из самых выдающихся фантастов в истории литературы – впервые под одной обложкой. Рассказы смешные и тревожные, философские и приключенческие, поэтичные и циничные, иллюстрирующие самые разные направления научной фантастики. Снова и снова, облекая свою мысль в простые или весьма замысловатые сюжеты, Фрэнк Герберт задает читателю «проклятые» и бессмертные вопросы: что есть человек? Что такое разум и достаточно ли одного только разума, чтобы достичь понимания с иными формами жизни? Где проходит грань ответственности ученого за его изобретение? И что в конце концов спасет этот странный жестокий мир: гуманность, красота, совесть – или просто любовь? Не ждите – готовых ответов Фрэнк Герберт вам не предложит. Вам предстоит найти их самостоятельно.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-113670-3

© Герберт Ф., 1952-1979

© Издательство АСТ, 1952-1979

Содержание

Введение	6
Что-нибудь ищите?	13
Синдром управления	21
Исчезнувшие собаки	55
Планета грызунов	69
Крысиные бега	87
Оккупационные силы	105
Пустышка	108
Перемирие	115
Все дело в постройках	130
Старый блуждающий дом	139
Ты пойдешь высокой дорогой	145
Недостающее звено	156
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Фрэнк Герберт

Машина бытия

Сборник

Введение

Творить, развиваться и отдаваться процессу – это прекрасно, но совсем иное – углубиться в дебри самоанализа и переосмыслить свой труд. Подобный анализ был необходим для того, чтобы пересмотреть двадцать лет творчества и прокомментировать его. Заставив себя заняться этим, я обнаружил множество приятных воспоминаний.

Анализ – хитрая штука.

Иногда, когда человек *просто занимается своим делом*, ему сложнее всего описать, чем именно он занимается. Анализ может высосать жизнь из любой деятельности, а толку в этом **будет** мало.

«Скажите, доктор Ливингстон, о чем вы думали, когда мистер Стэнли произнес свое знаменитое приветствие при встрече с вами?»

Вы правда хотите это знать?

Я продолжал делать свою работу, поскольку надеялся, что мои труды пригодятся тем, кто тоже захочет сделать карьеру в данной области. В свое время мнегодились похожие работы других авторов – особенно практические советы Джека Вудфорда и потрясающе искренняя книга Сомерсета Моэма «Подводя итоги».

Надеюсь, я смогу быть таким же искренним и таким же практичным.

Для того чтобы описать то, чем я занимаюсь, не нужно много слов.

Я пишу.

По человеческим меркам я занимаюсь этим уже довольно давно – более сорока лет. Сюда входит и написанный от руки печатными буквами экземпляр одного из моих ранних трудов. Я написал его, когда мне было всего семь. Несколько месяцев спустя, придя к выводу, что этот процесс мне нравится, я высокопарно объявил членам семьи, что собираюсь стать «автором».

Это было утро того дня, когда мне исполнилось восемь, и с тех пор я не сходил с выбранного пути.

Во введении к тому, раннему, труду написано: «Это история о любви и приключениях».

Уже в семь лет я угадал элементы хорошей истории: *любовь и приключения*.

Видимо, я также осознавал, что словами невозможно выразить все. Семилетний ребенок предупреждает вас, что в своей книге расскажет лишь *немногое* о том, как живут звери в лесной чаще.

Семилетний ребенок также преподносит читателям завязку. В том возрасте я не отличил бы завязки от глагола, но писательские инстинкты взяли верх. Завязка – это крючок, на который автор ловит читателя и вызывает желание узнать больше о том, что происходит в истории.

Рассказ семилетнего мальчика начинается с того, что человек и его собака заблудились в лесу. Вас сразу предупреждают: лес – это страшное место. В лесу раздаются звуки, предупреждающие о присутствии опасных тварей, особенно ночью. Обратите внимание, что подобные твари кажутся более угрожающими, если вы их не видите, а только слышите. Неизвестное может быть очень пугающим.

Несмотря на шероховатости, бесстыдное высокомерие и орфографические ошибки, этот детский рассказ удивляет тем, что в нем содержатся все необходимые повествовательные элементы: люди, место, время, таинственная опасность и обещание любви и приключений.

Вкратце это все, что нужно, и мне повезло, что я так рано к этому пришел.

Впрочем, это было не столько писательство, сколько работа конструктора. Все фрагменты на месте, но собраны они плохо, и все провода торчат наружу.

Я пытался преподавать писательское мастерство, но обнаружил, что это невозможно. Можно преподавать мастерство конструктора – какая деталь с какой деталью соединяется. Но настоящее писательство – это то, чему вы должны научиться сами. Вы учитесь в процессе работы. Знание исходит изнутри и опирается на устные языковые традиции. Это повергает в отчаяние тех, кто предпочел бы иметь четкие правила, которым можно было бы следовать.

Многих воспитанников нашей зависящей от печатного слова цивилизации удивляет, что *язык*, основной инструмент писателя, вещь скорее устная, нежели письменная. Задумайтесь о тысячах лет устной традиции, предшествовавших первым символам, вырезанным в глине и камне. Для нас язык – это в первую очередь речь. Письменное слово пришло позднее.

Для того чтобы вы могли поверить в *реальность* истории, кто-то на печатной странице должен заговорить с вами. Его слова должны напоминать устную речь и достигать вашего слуха через зрение. Это становится все более значимым под напором других, непечатных средств информации: телевидения, радио, кассет... Устная традиция никогда не была до конца подавлена.

Следуя этой традиции, я понимаю, что должен испытывать радость от того, что делаю. Должно быть некое ощущение веселья, которое чувствуется даже в самый мрачный момент истории. Это развлекательная индустрия. Я как жонглер, посетивший ваш замок. Я приношу песни и новости из других замков, где я побывал, и некоторые из них весьма странные. Я пою ради пропитания, и те *другие замки*, о которых я пою, лишь отчасти являются плодом моего воображения. Возможно, мы разделяем реальность, которая требует наших услуг, но когда пишешь научную фантастику, обычно пребываешь где-то на грани этой реальности.

Говоря о «научной» фантастике, обычно имеют в виду технику. Научная фантастика тесно связана с вопросами развития техники и человеческого будущего. Когда пишешь научную фантастику, устанавливаешь связь между техникой и мифом-мечтой человека о бессмертии. Мы неизбежно разбираем вопросы отчужденности человека, его погружения в неразбериху тех вещей, которые, как ему говорят, ему нужны, но которые всегда будто изолируют его от необходимого соприкосновения с собственной жизнью.

На самом деле это не новый жанр.

В жанре научной фантастики творило почтенное воинство писателей. Все началось с Лукиана Самосатского во втором веке н. э., а может, и раньше. В наши ряды входят такие светила, как Платон, Сирано де Бержерак, Томас Мор (подаривший нам слово *утопия*), Жюль Верн, Г. Д. Уэллс, Эдгар Аллан По, Олдос Хаксли и Джордж Оруэлл – и это далеко не все.

Как правило, нас интересует жизнь человечества на других планетах. (Лукиан отправил своего героя на Луну в водяном смерче.) К этому интересу часто примешивается осознание, что живые существа неспособны вечно выживать на одной планете. Свободно выражая наши страхи перед тем, что человек как вид находится на грани вымирания, в своих историях мы подчеркиваем наши отличия от животных. У нас есть воображение, а иногда даже здравомыслие. Большая часть произведений научной фантастики утверждает, что это наши сильные стороны, позволяющие противостоять постоянной неизвестности, угрожающей стереть нас с лица Земли.

Фрейд как-то сказал: «Ни один смертный неспособен хранить секрет. Если молчат его губы, говорят кончики пальцев; предательство сочится из него сквозь каждую пору».

Когда пишешь, страница поглощает все, что сочится из тебя, – поглощает всего тебя, всю мудрость и глупость, все глубокое и поверхностное и все остальное. Все это оседает в этих говорящих буквах. Я хочу писать для как можно более широкой аудитории, всех тех, кто сидит у камина в замке после обильного ужина, наслаждаясь мелодиями моей лютни. Нет смысла

это скрывать. Это проявляется во всем, что я делаю. А на горизонте всегда маячит будущая история, в которой я надеюсь сделать это еще лучше. Моя нынешняя работа – не стану распространяться о ней, чтобы попусту не тратить энергию, необходимую для творчества – остается моей любимой. Я вложу в нее столько себя, сколько смогу. В этой игре невозможно проиграть. Вы ничего не уничтожаете. Вы создаете яйцо, а не утку. Но хотя еще только созревающее яйцо остается моим любимым, я так же тепло отношусь к творениям дня минувшего.

Тот отрывок из детства особенно ярко напоминает мне о ребенке, которым я был. И хотя я вместе с вами смеюсь над его неуклюжестью, я вспоминаю его неукротимое стремление к совершенствованию данной формы общения. Лишь позднее я узнал, что совершенство навеки остается недостижимым; что к нему всегда стремишься, будто пародируя апории Зенона; что совершенство всегда меркнет, стоит лишь его коснуться.

Анализируя собственные труды, я многое узнал. Не могу описать здесь все, чему меня это научило. Вы, несомненно, заметите, что у меня двойственное отношение к такому анализу. То, что научную фантастику теперь изучают в колледжах и университетах (это заслуга таких академиков, как Уиллис Э. МакНелли из Калифорнийского университета, Фуллертон и Беркли Драйссел из Стэнфорда), лишь усиливает эту двойственность. Мы уже видели, как литературный анализ делает другие жанры скучными и выпивает из них жизнь. Будьте уверены: комментируя тексты, я стараюсь сохранить им жизнь.

Рассказы в этом сборнике являются для меня вехами на пути. Я вспоминаю творческие мучения, атмосферу рабочих мест, которая неизбежно сказывается на работе. Сегодня я написал бы эти рассказы иначе. Тони Бучер, покойный журналист и критик «Нью-Йорк таймс», назвал «Феномен Марии Целесты» одним из лучших рассказов, которые он когда-либо читал. Из любви, которую я испытывал по отношению к Тони, я, может быть, не стану менять этот рассказ, хотя наши мнения расходятся. На мой взгляд, «Семенной фонд» лучше.

«Мария Целеста» очень ломкая. В ней остались следы процесса оттачивания, через который она прошла, пока я писал ее. Как и в случае с анализом, в этом процессе тоже можно зайти слишком далеко. Натыкаешься на своего рода стену Гейзенберга, и все твои первоначальные намерения идут прахом. На мой взгляд, в этом недостаток «Марии Целесты».

Мой первый рассказ в жанре научной фантастики – «Что-нибудь ищите?». Как и тот детский отрывок, он не отшлифован.

В «Что-нибудь ищите?» рассматривается тема, к которой я потом возвращался и которую рассматривал более подробно: грань сознания, на которой обретаются все наши мании. В этом рассказе говорится, что вы, возможно, не осознаете весь спектр мотиваций, которые движут вашими каждодневными действиями. А когда начинаете искать эти мотивации, обнаруживаете их больше, чем хотелось бы.

«Кошмарный блюз» («Синдром управления») был моим первым рассказом, который покойный Джон Кэмпбелл принял в журнал «Astounding/Analog». Я продолжал исследовать те же темы, что и в «Что-нибудь ищите?». Однако «Блюз» развивается свободнее и содержит больше научно-фантастической яркости: телезонд, аэропоезд, переключатель звука возле окна, подводный ночной клуб. В нем есть конкретные детали, которые, на мой взгляд, должны быть в тексте для того, чтобы дать читателю прочувствовать место, где действуют персонажи. В нем содержатся вещи, которые уже знакомы современному читателю, но действие происходит в мире будущего.

Кроме того, «Блюз» дает понять, что завтрашний мир может оказаться не самым приятным местом, которое вы могли себе вообразить. Он напоминает о старинной китайской поговорке: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен».

Научная фантастика в основном рассматривает мир и будущее человека скорее с еврейской позиции, нежели с китайской. Еврейское проклятие гласит: «Чтоб расти тебе, как лук на грядке, головой в землю!» В данном случае писатель становится пророком, призывающим:

«Поднимите голову и посмотрите, что вы творите!» Оглядываясь назад, я вижу, что эта тема преобладает в рассказе «Перемирие» – современной фантазии на тему «Ученика волшебника».

Впрочем, обратите внимание на огромную ошибку провидца в «Перемирии». В этом рассказе, написанном в 1958 году, действие происходит в 1972 году. Вьетнамская война продлилась на десять лет дольше, чем я предсказывал, и разворачивалась в более теплом климате, чем я описывал. Насколько я знаю, после Вьетнама не появилось никого, подобного Ларри Халсеру, моему главному герою, и ничего, подобного его изобретению. «Перемирию», однако, есть что сказать о синдроме войны и примитивном мировоззрении тех, кто утверждает, что «мы могли бы положить конец всем войнам, если бы только...».

Изобретению Халсера придется подождать, но я предвижу появление чего-то подобного в будущем. Если помните, динамит должен был положить конец войне, потому что он был слишком страшен. До этого подобные надежды возлагались на арбалет. Очевидно, новые инструменты насилия не способствуют прекращению войн.

Моя ошибка в предсказаниях напоминает историю о том, как в 1847 году Эдгар Аллан По, гуляя с товарищем по Нью-Йорку, внезапно воскликнул: «Я только что увидел будущее! Через сто лет (к 1947 году) в Нью-Йорке будут здания высотой в десять этажей!»

По, отец современного научно-фантастического рассказа, не учел изобретение лифта и стальной арматуры.

С фантастикой происходит то же, что и с пророчествами. Пока что мы не достигли свободного от сюрпризов будущего. Нам никак не удастся предугадать какое-нибудь удивительное развитие событий.

Впрочем, иногда все-таки удастся попасть в яблочко, и это наши величайшие достижения. Вспомните, как Артур Кларк описал спутниковые коммуникации задолго до того, как подобные чудеса появились на самом деле. Он предсказал их развитие так детально, что эту концепцию нельзя запатентовать. Этому помешает предыдущая публикация. Чего-то подобного мне удалось достичь в романе «Дракон в море», в котором я предсказал появление складных грузовых платформ и телевизионных перископов. Поистине классический пример – повесть Клива Картмилла, написанная в середине Второй мировой войны, в которой он описал конструкцию атомной бомбы. Даже сегодня в правительстве США наверняка еще найдутся те, кто уверен, что основой для произведения Картмилла послужила утечка информации из Манхэттенского проекта. Люди, обделенные воображением, всегда недооценивают его возможности.

«Яйцо и пепел» и представленная в нем тема возрождения является одной из моих ранних попыток включить в рассказ тему лингвистики. *Как* может реагировать существо, которое слышит в том спектре, в котором мы видим? Этот рассказ строится на обычном для фантастики элементе – одержимости как признаке присутствия инопланетян. Почему бы и нет? В большинстве своем научная фантастика предполагает бесконечную Вселенную, где чудесам нет конца. Если изучить будущее через литературу, разве это не подготовит вас к удивительной действительности?

Подобный вопрос мог бы задать себе Мартин Фиск из «Синдрома Марии Целесты». Фиск мог бы быть любым из нас, обитателем мира, который движется так быстро, что мы не понимаем, что время кончается, и не можем достаточно быстро отреагировать на шок от столкновения с будущим. Сильно ли отличаются наши безумные современные скоростные шоссе от автострад из мира Фиска, для которых скорость триста миль в час нормальна, а семьдесят пять или пятьдесят пять – это уже медленно?

«Комитет всего» может кому-то показаться знакомым. Это мир сегодняшний или тот, который наступит уже послезавтра?

Вот как отличить людей, которые «растут, как лук», от тех, кто принимает как данность то, что их жизнью управляет китайская поговорка. К сожалению, в «Комитете» я выражаю свое

представление о неизбежной реальности. Будущее склонно завораживать нас мифами о *прогрессе* и в то же время готовить для нас более сильные потрясения. «Берегитесь моей атомной бомбы!» – заявляет будущее. И все это время какой-то неизвестный человек у себя в подвале готовит сюрприз, после которого атомная эпоха покажется «добрыми старыми временами».

Расщепление атома – лишь одна веха на долгом пути. По крайней мере научная фантастика говорит нам, что мы разрабатываем все более мощную энергию, для управления которой нужно все меньшее количество людей. Если так пойдет и дальше, то скоро один человек сможет управлять энергией, способной уничтожать планеты.

Роль неизвестного человека в этом исходе вполне ясна. По крайней мере со времен Герберта Уэллса научная фантастика писала портрет такого человека – успешно и с пугающей точностью. Близость, случайность и любопытство поджидают неосторожную луковую голову. Мои собственные труды в области научной фантастики показывают, что куда бо́льшую опасность для нашего мира представляют фармацевт и биотехнолог, работающие в частной подвальной лаборатории, нежели деление атомного ядра.

Учитывая объемы энергии, которые становятся доступными каждому из нас, наибольшую опасность представляет ожесточенный человек, озлобленный фанатик. Сейчас у нас, судя по всему, нет возможности предотвратить появление его сюрприза – не важно, будет ли это биологическое оружие или способ разнести на куски всю планету с применением тока смещения. Самые ужасные лупоглазые монстры научной фантастики не сравнятся с тем, что происходит в нашем «реальном мире».

Основная задействованная в этом процессе энергия – это, конечно, *знание*. Как можно подавить то, что уже стало или скоро станет *общественным достоянием*? Для контроля мыслей не хватает надежных контролеров. Как только Лиза Мейтнер опубликовала результаты своих исследований, деление атомного ядра стало достоянием общественности. Кливу Кармиллу достаточно было зачерпнуть из общего корыта, чтобы написать свою повесть. Материалы и информационные инструменты, ответственные за подобный неконтролируемый рост, так широко распространены в нашем мире, что слова «безопасность» и «секретность» кажутся жутковатыми шутками в стиле черного юмора. Законы о государственной тайне и основанные на них концепции безопасности представляют собой страшную путаницу, от которой человечеству становится еще более не по себе. Я смело утверждаю это здесь, а не в *литературе*, но я не первый, кто считает, что «не судьбы вина – мы сами виноваты...»¹

Таким образом, «Комитет» представляет тот вид научной фантастики, который пытается изобразить более глубокую реальность: историю будущего. В рассказе, который читатель легко может воспринять, поскольку это «всего лишь рассказ», говорится, что суть этого вымысла когда-нибудь станет реальностью. Только после прочтения читатель начинает замечать связь с реальной жизнью.

Это превращает аккуратный мыслительный процесс в нечто, похожее на инструкцию по применению, своего рода учебник. Этот учебник навязывает вам миф об упорядоченном мире, скрывая за иллюзорными правилами все шероховатости и несовпадения. Такие инструкции нередко разрабатывают комитеты. (Как говорится, «верблюд – это лошадь, разработанная комитетом».) Я обожаю справочник для новобранцев морфлота США, в нем встречается много ставших классикой перлов, как например: «Корабль должен быть водонепроницаемым».

Вряд ли кто-то может в этом усомниться, особенно если от этого зависит ваша жизнь. Но, разумеется, между инструкцией и исполнением пролегает бездна творческой оригинальности. Именно это промежуточное состояние вдохновило меня на рассказ о просвещенном невежестве будущего, который называется, конечно, «По инструкции». В нем говорится, что все эти четкие и аккуратные рамки, которыми мы отгораживаемся от вечного внешнего хаоса, могут

¹ У. Шекспир «Юлий Цезарь» (акт 1, сцена 2).

служить на благо, но могут стать и ловушкой. Все зависит от того, как истолковать инструкцию. Так я обычно отвечаю тем, кто спрашивает меня о «правилах написания книги».

Конечно, такие руководства уже существуют, и написано их немало. Мое начинается примерно так:

Правило первое. Установите почти органическую связь между вами и вашим основным инструментом.

Правило второе. Ваш основной инструмент – это *язык*, не важно, письменный или устный.

Правило третье. Пишите регулярно, не ждите, пока в дверь постучится любимая муза.

Правило четвертое. Будьте внимательны к своей аудитории, но не подчиняйтесь ей полностью.

И так далее...

Я говорю серьезно об *органической связи*, ведь все мы связаны с языком посредством инструментов. В моем случае это печатная машинка. Эта связь уникальна для каждого, и по мере использования она, если можно так выразиться, растворяется. Каждый раз ее приходится развивать заново.

Какие уж там инструкции...

Поговорим о «Дикарях».

Изначально его должен был написать Ной Аркрайт. Этот псевдоним мы с Джеком Вэнсом и Полом Андерсоном выбрали, когда задумывали сюжет и одновременно строили лодку, на которой потом плавали в дельте Сакраменто-Сан-Хоакин до залива Сан-Франциско. Мы собирались ради развлечения вместе написать эту историю, но нехватка времени вынудила Вэнса и Андерсона отказаться от проекта, и они настояли, чтобы я закончил его без них. Я сделал из нашего сюжета новеллу.

На мой взгляд, в этом произведении отличная логика. В конце концов, что дикарь может сделать из алмаза? Посмотрим, согласитесь ли вы.

В «Дикарях» также представлена моя попытка иначе осветить роль женщин в прошлом. По-моему, человечество было матриархальным куда дольше, чем патриархальным. Мужчины, скорее всего, заняли доминирующую позицию довольно поздно, после ранней истории человечества как вида животных, когда у нас, вероятно, была структура, напоминающая структуру стай высших обезьян, а *также* долгого периода женского превосходства уже после развития у человека высшего интеллекта.

Картина, рисующая женщину, спрятавшуюся в пещере со своим выводком, пока мужчина бьется с саблезубым тигром, всегда казалась мне неправдоподобной. Куда легче представить главенствующую Мать Пещеры, хранительницу тайн рождения и священный сосуд жизни. Какому же дикарю захочется навлечь на себя гнев всемогущих духов?

Возможно, в этом отношении мы не так уж сильно изменились. Это тоже частая тема научной фантастики: «Возможно, что-то *кажется* новым, но на самом деле это хорошо известное старое».

В «Создателях небес» обыгрывается дзен-сознание/даосские представления о вечности, адаптированные для западного понимания. Однако слова не бесконечны, а Вселенная (даже вселенная вашей собственной книги) меняется при прикосновении к ней. Этот роман признает наш совместный выбор использовать линейную модель Вселенной вместо нелинейной. Но что делать, если обнаруживаешь, что линейность превращается в непрерывный круг? Неужели бесконечные цепочки событий просто повторяются? Таковы некоторые концепции «Создателей небес». Мы думаем, что боги наших предков больше не пробуждают таинства в нашем сознании. Наш миф – бесконечная личная история, отрицающая видения более древних тайн в надежде обнаружить новые *научные* ответы. Таким образом мы обожествляем науку и ее потомство – технологии. Научная фантастика стала особенной игрушкой для тех, кто осознает

этот спектр. Она раскрывает чудовищ сознания, которые таятся в нашем совместно созданном видении вечности. Мы знаем, что в этой вечности скрывается то, что мы не хотим видеть, но, словно дети, выглядывающие из-за ног взрослых, обеспечивающих им защиту, мы жаждем взглянуть на чудовище с *безопасного* расстояния.

«Создатели небес» предполагают, что у бессмертных нет морали, которую можно было бы сравнить с моралью смертных. Оглянитесь вокруг. Мораль целого вида превосходит жалкую мораль индивида. Возможно, мы сотворили *законы*, чтобы уравнивать мораль вида с моралью индивида. А вид, конечно, не может быть бессмертным.

За «Создателями небес» и всеми предшествующими им историями в естественном порядке следует «Машина бытия» («Бомба разума»). Отчасти это тоже история о том, как внешние силы манипулируют человеком. В ней рассматривается концепция так называемой «свободной воли». Это влияние разума в восстании против любого контроля, даже самоконтроля. Это парадокс манипуляции в уравнивающей (энтропической) Вселенной. Это *закон и порядок* на грани разрушения, вид, населяющий далекое будущее, в котором контроль над индивидом доведен до саморазрушающего предела. В этом произведении говорится, что *закон и порядок* неизбежно ведут к хаосу.

Очередной парадокс?

В «Семенном фонде» рассматривается частая для научной фантастики тема: человечество колонизирует/заселяет другую планету (это миф о вечности для нашего вида). Однако в упомянутом рассказе ясно говорится, что эти колонисты должны превратиться в детей *той* планеты, даже если им придется отвергнуть родную Землю. Как следствие, для того чтобы воплотить миф в реальность, человечество должно снова стать детьми этой планеты, детьми *любой* планеты.

В общем и целом, это представляет мотив надежды в большинстве научной фантастики: то, что мы пишем о каком бы то ни было будущем, даже о *переменах*, подразумевает, что будущее наступит. Мы балансируем на лезвии Оккама, где, с одной стороны, наши предположения, с другой – наши мифы, и мы не всегда можем отличить их друг от друга. Как и другие виды искусства, научная фантастика стремится вложить наши старые мечты в новые и в процессе этого сделать кошмары менее страшными.

Фрэнк Герберт
Порт-Таунсенд, Вашингтон
29 апреля 1973 года

Что-нибудь ищете?

Мирсар Вис, главный индоктринатор супрефектуры Сол III, использовал Комнату расслабления у себя дома не по назначению. Он яростно метался от одной металлической стены к другой. Отрываясь от пола, вакуумная присоска его ножной мембраны издавала резкие стрекочущие звуки.

«Дураки! – думал он. – Глупые, некомпетентные, безмозглые дураки!»

Мирсар Вис был денебианином. Его раса зародилась более трех миллионов земных лет тому назад на четвертой планете, вращавшейся вокруг звезды Денеб, – планете, которая больше не существовала. В профиль он до смешного походил на высокую женщину в длинном, до пола, платье. Под «юбкой» располагалась вакуумная присоска ножной мембраны, которая прилипала к полу. Восемь специальных мышц-разгибателей в данный момент волнообразно сокращались в типичном для денебианцев выражении гнева. Тонкая поперечная щель его рта, отделенная от находившегося прямо под ней отверстия обонятельного легкого, изрыгала разноразличный поток ругательств в адрес съжившегося от страха ассистента.

– Как такое могло случиться? – кричал Вис. – Впервые за сто лет я уйду в отпуск, а вернувшись, узнаю, что твоя некомпетентность чуть не погубила мою карьеру!

Развернувшись, Мирсар Вис метнулся в противоположную сторону комнаты. С помощью зрительного кольца, органа, чем-то напоминавшего сверкающую белую велосипедную шину, насаженную ему на голову примерно на треть, он снова принялся изучать доклад о землянине Поле Маркусе, не сводя при этом мрачного взгляда с ассистента у себя за спиной. Активировав зрительные клетки с левой стороны, Вис посмотрел на хронометр на стене.

– Времени совсем мало, – пробормотал он. – Будь у меня в Центральном офисе хоть кто-то, кто умел бы замечать отклонение, если таковое происходит! Теперь придется самому разбираться в этой путанице, пока всё окончательно не вышло из-под контроля. Еще не хватало, чтобы об этом узнали в Управлении...

Денебианец Мирсар Вис, винтик в машине огромной галактической империи, занимающейся производством корабля, повернулся на ножной мембране и вышел в бесшумно открывшуюся перед ним дверь. Если бы этой ночью люди увидели его пылающий гневом профиль, то на ум им пришли бы сказания о призраках, джиннах, маленьком народце, феях, эльфах, пикси...

Сумей они его увидеть, они поняли бы также, что перед ними разгневанный надзиратель. Но они, разумеется, ничего не видели. Это было частью работы Мирсара Виса.

* * *

Пол Маркус приобрел кое-какие поверхностные знания о правителях мира главным образом в силу своей профессии – он был гипнотизером.

Произошло это в ту ночь, когда он задавал постгипнотическую команду зрительнице из зала на шоу в театре «Рокси» в Такоме, штат Вашингтон.

Пол был высок и худощав, но из-за необычайно широкого лица голова казалась чрезмерно большой, хотя в действительности таковой не была. Одет он был в черный фрак и парадные брюки. Запонки с драгоценными камнями, украшавшие белоснежные манжеты, блестели и сверкали при каждом его движении. Из-за красного софита на балконе в декорациях у него за спиной проглядывалось нечто дьявольское: на черном атласном фоне мерцала пара огромных сияющих глаз. Пол выступал под именем Маркус Мистик и соответствовал образу.

Из зрителей он выбрал белокурую девушку, в которой угадал признаки интеллекта выше среднего, а это, как правило, свидетельствовало о том, что человек легко поддается гипнозу. У молодой женщины была хорошая фигура. Присаживаясь в кресло, зрительница слегка обнажила ножку, что вызвало в первых рядах довольное посвистывание. Она покраснела, но самовладания не утратила.

– Прошу вас, назовите ваше имя? – спросил Пол.

– Мадлен Уокер, – ответила она приятным контральто.

– Мисс или миссис?

– Мисс, – сказала она.

Пол поднял правую руку, в которой держал золотую цепочку с большим многогранным стразом. Закулисный прожектор был направлен так, чтобы от камня отражались бесчисленные, похожие на звезды вспышки.

– Прошу вас смотреть на бриллиант, – сказал Пол. – Просто не отводите от него глаз.

Камень начал ритмично покачиваться из стороны в сторону, подобно маятнику. Девушка следила за ним взглядом. Пол дождался, пока ее глаза станут двигаться в одном ритме с побрякушкой, а затем медленно заговорил монотонным голосом:

– Спать. Вы погружаетесь в сон... глубокий сон... глубокий сон... спать... глубоко спать... спать... спать...

Она, не отрываясь, смотрела на камень.

– Ваши веки тяжелеют, – говорил Пол. – Спать. Засыпайте. Вы погружаетесь в сон... глубокий, восстанавливающий сон... исцеляющий сон... глубокий сон... спать... спать... спать...

Ее голова начала клониться вниз, веки то опускались, то вновь приподнимались, все медленнее и медленнее. Пол аккуратно поднес левую руку к цепочке.

– Когда бриллиант перестанет качаться, – произнес он все таким же монотонным голосом, – вы погрузитесь в глубокий, спокойный сон, и разбудить вас смогу только я.

Камень раскачивался все медленнее и медленнее, размах колебаний становился все короче. Наконец Пол зажал цепочку между ладонями и повернул ее. Побрякушка начала быстро вращаться, сверкая гранями, в которых переливался отраженный свет софитов.

Голова мисс Уокер упала на грудь, и Пол придержал девушку за плечо, чтобы та не упала со стула. Она погрузилась в глубокий транс. Пол принялся демонстрировать публике классические симптомы этого состояния: нечувствительность к боли, оцепенение, полное подчинение приказам гипнотизера.

Представление шло как обычно. Мисс Уокер лаяла по-собачьи. Потом предстала перед публикой полной достоинства вдовствующей королевой. Не отзывалась на собственное имя. Дирижировала воображаемым симфоническим оркестром. Пела арии из оперы.

По ходу сеанса раздавались ожидаемые аплодисменты. Пол поклонился, его подопытная тоже склонилась в неестественном деревянном поклоне. Действо близилось к концу.

– Когда я щелкну пальцами, вы проснетесь, – сказал Пол. – Вы будете чувствовать себя хорошо отдохнувшей, как после крепкого сна. Через десять секунд после пробуждения вы представите, что находитесь в трамвае, где полно народу, но никто не уступает вам место. Вы ощутите сильную усталость. И тогда вы попросите толстяка напротив уступить вам место. Он это сделает, и вы сядете. Понятно?

Мисс Уокер кивнула.

– Проснувшись, вы ничего из этого не вспомните, – сказал Пол.

Он поднял руку, намереваясь щелкнуть пальцами...

Тогда-то Полу Маркусу и пришла в голову невероятная мысль. Он застыл с поднятой рукой, готовясь сделать финальный щелчок, и обдумывал эту мысль, пока не услышал, как зрители нетерпеливо ерзают у него за спиной. Гипнотизер покачал головой и щелкнул пальцами.

Мисс Уокер медленно пробудилась, оглянулась, встала и ровно через десять секунд увидела себя в трамвае. Она в точности выполнила все указания, снова проснулась и под звук аплодисментов и одобрительного свиста в замешательстве спустилась со сцены.

Это должно было бы его удовлетворить. Но с той минуты, как ему в голову пришла та самая *мысль*, Пол Маркус, считай, и не участвовал в представлении. Он машинально, по сложившемуся раз и навсегда шаблону завершил выступление – дал краткие комментарии по поводу силы гипноза и несколько раз вышел поклониться, когда его вызывали на бис.

Затем он медленно, глубоко задумавшись, направился в гримерную, на ходу расстегивая запонки, как делал всегда после заключительного представления вечера. Звук его шагов эхом разносился по бетонному пространству под сценой.

В гримерной он снял фрак, повесил его в гардероб и, усевшись перед зеркалом, принялся наносить на лицо крем для снятия легкого сценического грима. И тут обнаружил, что не может смотреть в глаза собственному отражению.

– Что за ерунда... – мрачно пробормотал он себе под нос.

В дверь постучали.

– Войдите, – сказал он, не оборачиваясь.

Дверь неуверенно отворилась, и в комнату шагнула белокурая мисс Уокер.

– Прошу прощения, – сказала она. – Швейцар сказал, что вы здесь, и...

Увидев ее в зеркало, Пол повернулся и встал.

– Что-то не так? – спросил он.

Прежде чем ответить, мисс Уокер осмотрелась, как будто хотела убедиться, что они в комнате одни.

– Ну... не то чтобы... – сказала она.

Пол жестом указал на кушетку рядом с туалетным столиком.

– Присаживайтесь, – предложил он и, когда она села, вернулся к столику. – Надеюсь, вы извините меня, если я продолжу свое занятие, – сказал он, удаляя салфеткой остатки грима.

Мисс Уокер улыбнулась.

– Вы напоминаете мне женщину за вечерним туалетом, – сказала она.

«Очередная сумасшедшая девица, помешанная на сцене, – подумал Пол, – а участие в представлении использует как предлог, чтобы отнимать у меня время. – Он краем глаза поköсил на девушку. – Впрочем, недурна...»

– Вы так и не сказали мне, чем я обязан удовольствию видеть вас здесь, – напомнил он.

Девушка задумалась.

– На самом деле это, наверное, очень глупо... – сказала она.

«Скорее всего», – подумал Пол, но вслух произнес:

– Ничего подобного. Скажите, что вас беспокоит.

– Видите ли, эта мысль пришла мне в голову, когда друзья рассказывали мне о том, что я делала на сцене, – начала она и криво улыбнулась. – Я с трудом поверила, что трамвая на самом деле не было. И до сих пор до конца в это не верю. Может быть, вы выставили там макет трамвая с актерами, изображавшими пассажиров. Ох, не знаю! – Она покачала головой и прикрыла глаза рукой.

То, как она произнесла «Не знаю!», напомнило Полу о его собственной мысли, *той самой*. Он решил поскорее избавиться от мисс Уокер, чтобы довести идею до какого-нибудь логического заключения.

– Так что там с трамваем? – поинтересовался он.

На лице девушки появилось взволнованное выражение.

– Я думала, что действительно нахожусь в трамвае, – сказала она. – Не было ни зрителей, ни... гипнотизера. Ничего. Реальными были лишь поездка и усталость, как после трудного рабочего дня. Я видела людей в салоне. Чувствовала их запах. Ощущала под ногами пол салона.

Я слышала, как звенят монеты в кассе, и прочие звуки, которые обычно можно услышать в трамвае – разговоры, шуршание газеты. Я увидела сидящего передо мной толстяка и попросила его уступить мне место. Помню, мне было как-то неловко. Я услышала его ответ и села на его место. Оно было теплым, и я чувствовала, как с обеих сторон ко мне прижимаются люди. Все это было очень реально.

– И что вас беспокоит? – спросил Пол.

Она отвела взгляд от крепко сцепленных на коленях рук.

– Именно это меня и беспокоит, – призналась она. – Трамвай. Он был настоящим. Не менее настоящим, чем все прочие места, где я когда-либо бывала. Таким же реальным, как эта комната. Я верила в его существование. А теперь мне говорят, что ничего этого не было. – Она снова посмотрела на свои руки. – Чему же мне верить?

Пол подумал, что это опасно близко к *той* идее.

– Вы можете как-нибудь иначе выразить, что именно вас беспокоит? – спросил он.

Она посмотрела ему в глаза.

– Да, – сказала она. – Пока я слушала рассказ моих друзей, я размышляла над собственными ощущениями. И мне в голову пришла странная мысль: что, если все это, – она обвела комнату рукой, – вся наша жизнь, наш мир, все, что мы видим, ощущаем, слышим, обоняем или чувствуем, – то же самое? Гипнотическая иллюзия!

– Вот именно! – выдохнул Пол.

– Что вы сказали? – спросила она.

– Я сказал: «Вот именно!»

Пол повернулся к ней и оперся левым локтем на туалетный столик.

– Потому что, – сказал он, – в тот самый момент, когда я говорил вам, что делать, когда вы проснетесь, в тот самый момент, когда я давал вам команды, которые привели к видению, и мне в голову пришла та же самая мысль.

– Боже мой! – воскликнула она. Это восклицание было настолько кратким, что произвело более сильный эффект, чем если бы она выругалась.

Пол снова повернулся к зеркалу.

– Интересно, может быть, и телепатия существует?

Мисс Уокер смотрела на его отражение, и комната, казалось, вытягивалась за ней.

– Я не могла держать эту мысль при себе, – сказала она. – Я рассказала друзьям – той паре, с которой пришла, – но они лишь посмеялись надо мной. Сгоряча я решила вернуться сюда и поговорить с вами и тотчас сделала это, пока не передумала. В конце концов, вы гипнотизер. Вам должно быть что-нибудь об этом известно.

– С этим нужно разобраться, – сказал Пол. – Скажите... – Он посмотрел на мисс Уокер. – Вы сегодня свободны?

Выражение ее лица изменилось. Она посмотрела на него так, словно мать нашептывала ей на ухо: «Осторожно! Осторожно! Это ведь мужчина».

– Ну, не знаю... – протянула она.

Пол изобразил свою самую обаятельную улыбку.

– Я не хищник, – сказал он. – Прошу вас, я чувствую себя так, словно меня попросили разрубить гордиев узел, а я предпочел бы его развязать. Но мне нужна помощь.

– Что мы можем сделать? – спросила она.

Теперь уже Пол колебался.

– Существует несколько подходов к этой проблеме, – сказал он. – Мы, американцы, только начали изучать гипноз как явление. – Он сжал кулак и осторожно постучал по туалетному столику. – Черт возьми! На Гаити я видел шаманов, которым известно об этом побольше моего. Но...

– С чего бы вы начали? – спросила она.

– Я бы... Я бы... – Пол посмотрел на нее так, словно видел ее впервые. – Я бы вот что сделал, – заключил он. – Прилягте-ка на кушетку. Откиньтесь назад. Вот так.

– Что вы собираетесь делать? – спросила она.

– Ну... – сказал Пол. – Довольно точно установлено, что эти сенсорные галлюцинации сосредоточены в одном из участков человеческой нервной системы, доступ к которому возможен при помощи гипноза. Использование гипноза позволяет добраться до ранее заложенных туда команд других гипнотизеров. Я собираюсь снова погрузить вас в глубокий транс и позволить самой определить эти команды. Если что-то приказывает нам жить иллюзиями, то эта команда должна быть именно там... наряду с остальными.

– Даже не знаю... – неуверенно сказала она.

– Прошу вас, – настаивал Пол. – Возможно, мы решим этот вопрос прямо здесь, всего за несколько минут.

– Ну хорошо. – Она все еще сомневалась, но все же легла на кушетку, как было велено.

Пол взял со стола камень и навел на него лампу.

– Смотрите на бриллиант, – начал он...

На сей раз она с большей готовностью погрузилась в транс. Пол проверил ее болевой порог, мышечный контроль. Девушка реагировала как положено. Он начал задавать вопросы:

– Вы слышите мой голос?

– Да, – ответила она.

– Вы знаете, какие гипнотические команды имеются у вас в мозгу? – спросил он.

Долгое время она молчала, чуть приоткрыв пересохшие губы.

– Там есть... команды, – ответила она.

– Вы им подчиняетесь? – спросил он.

– Я должна.

– Какая из этих команд главная? – спросил он.

– Я... не... могу... сказать.

Пол едва не потерял руки от удовольствия. «Проще простого: „Не рассказывайте об этом“», – подумал он.

– Вы только кивните, если я правильно повторяю команду, – сказал он. – Это команда «Вы не должны рассказывать»?

Она кивнула.

Пол потерял ладони о брюки и вдруг почувствовал, что обильно вспотел.

– О чем именно вы не должны рассказывать? – спросил он.

Она молча покачала головой.

– Но мне вы должны рассказать, – велел он. – Если не расскажете, то ощутите невыносимое жжение и зуд в правой ступне, которые будут продолжаться до тех пор, пока вы мне не расскажете. Расскажите, о чем вам было приказано молчать.

Она опять покачала головой. Потом потянулась вниз, скинула туфельку и начала чесать правую ногу.

– Вы должны сказать мне, – настаивал Пол. – Какое первое слово этой команды?

Девушка рассеянно посмотрела на него.

– Ты... – с трудом произнесла она.

Как будто вытащила это слово из некоего темного тайника внутри себя и едва сумела выговорить его. Она продолжала чесать правую ногу.

– А второе слово? – спросил Пол.

Она попыталась заговорить, но лишь беззвучно пошевелила губами.

– «Должна»? – спросил он. – Кивните, если я прав.

Она кивнула.

– Что вы «должны»?

Она опять замолчала.

Пол на секунду задумался. «Сенсорное восприятие», – решил он.

– «Ты должна чувствовать...»? – спросил он, наклоняясь вперед. – «Ты должна чувствовать только...»?

Она расслабилась и кивнула.

– Да.

Пол сделал глубокий вдох.

– Что именно вы должны чувствовать? – спросил он.

Она открыла рот. Губы задвигались, но беззвучно.

Ему хотелось закричать на нее и чуть ли не руками вырвать ответ из ее сознания.

– Что это? – Его голос преломился. – Скажите!

Она помотала головой. Пол заметил признаки пробуждения.

Он снова глубоко вдохнул.

– Что с вами произойдет, если вы расскажете мне?

– Я умру, – сказала она.

Он подался вперед и прошептал:

– Глупости! Нельзя умереть только от того, что произнесешь несколько слов. И вы это знаете. Теперь расскажите мне, что вам было приказано чувствовать.

Она смотрела в никуда, приоткрыв рот. Пол опустил голову и посмотрел ей в глаза.

– Вы видите меня? – спросил он.

– Нет, – ответила она.

– Что вы видите?

– Я вижу смерть.

– Смотрите на меня, – приказал Пол. – Вы меня помните.

– Вы – смерть, – сказала она.

– Чепуха! Смотрите на меня, – снова приказал он.

Она шире открыла глаза. Пол смотрел в них. Глаза будто бы увеличивались, делаясь все больше, и больше, и больше... Пол понял, что не может отвести от них взгляда. В мире не осталось ничего, кроме пары серо-голубых глаз. Глубокий, резонирующий голос, похожий на звучание нижнего регистра виолончели, заполнил его сознание.

– Ты забудешь все, что произошло сегодня ночью, – произнес голос. – Ты скорее умрешь, чем вспомнишь. Ты должен, *обязан* чувствовать только то, что тебе приказано чувствовать. Так приказываю я... ты помнишь меня?

– Да, – одними губами прошептал Пол.

– Кто я? – спросил голос.

Пол облизнул пересохшие губы и сказал:

– Ты – смерть.

* * *

Бюрократия имеет некую вневременную, внерасовую форму, благодаря которой члены любого учреждения где бы то ни было сразу распознают типы официальных посланий. Многочисленные экземпляры, тщательный подбор слов для прикрытия своих истинных намерений, соблюдение абсолютного протокола в обращениях – все по единому образцу, и не важно, идет ли речь о Реконструктивной финансовой корпорации или о денебианском Управлении индоктринации.

Мирсар Вис интуитивно разбирался во всех этих тонкостях. Он был инспектором по индоктринации и надзирателем за производством корада на Сол III вот уже сто пятьдесят семь планетарных лет. За это время, преданно следуя букве устава Управления индоктринации и

никогда по-своему не интерпретируя его дух, он обеспечивал себе карьерный рост и должность координатора всей префектуры Сол, как только появится вакансия.

Столкнувшись с очередной угрозой своему положению и успешно справившись с ней, зная, что его должности ничто не угрожает, он сидел перед механическим секретарем-передатчиком у себя в кабинете и надиктовывал письмо в Управление. Зрительное кольцо вокруг его головы, рецепторы которого он расслабил, светилось неярким янтарным светом. Он удобно вытянулся, позволяя креслу проводить легкий массаж.

– В последнее время обучение неоиндоктринаторов стало очень небрежным, – произнес он в коммуникатор.

«Пусть в Управлении слетит несколько голов», – подумал он.

– Создается впечатление, что поскольку мы в префектуре Сол имеем дело с низшими существами, то и индоктринаторам префектуры можно уделять меньше внимания. Я только что предотвратил угрозу источнику корад на Сол III первого уровня, угрозу, совершенно очевидно возникшую из-за нерасторопности неоиндоктринатора. Отклонение пропустили трое наших недавних выпускников Колледжа индоктринаторов. Эти индоктринаторы отправлены обратно на повторное обучение.

«Пусть они подумают о том, что корад, выделяемый железами наших подопечных, прежде всего необходим им самим для бессмертия, – подумал он с удовлетворением, – и в следующий раз будут со студентами построже». И еще: «Видимо, настало время рассказать им о наших селекционных экспериментах по выведению корадных желез этих существ наружу, чтобы можно было чаще откачивать корад. Они особенно оценят тонкости индоктринации – усиление модели поведения, ведущей к спариванию, повышение индивидуального риска, что в свою очередь приведет к увеличению продолжительности секреции желез, и более жесткие зрительные ограничения, чтобы помешать созданиям обнаружить изменения...»

– Высылаю полный визиокордерный отчет о том, как я устранил эту угрозу, – проговорил он в коммуникатор. – Если вкратце, то я внедрил в сознание землянина и задал более строгую команду. Стандартная процедура. Я счел непрактичным устранять существо из-за недавнего возникновения помех в передаче команд. Было решено, что устранение существа может привести к дальнейшему развитию мыслительных процессов, вредных для нашего рабочего процесса. Затем существу было приказано спариться с другим существом того же вида, которое находится под более строгим контролем. Существо также было отстранено от любого вида деятельности, задействующего высшие нервные центры. Теперь оно выполняет работу по управлению транспортным средством под названием трамвай. Второе существо подверглось ампутации придатка. К сожалению, прежде чем я сумел вмешаться, существо начало действовать на редкость умно и задало неустрашимые команды, сделавшие придасток бесполезным.

«Теперь они поймут, насколько серьезным отклонением было это существо, – подумал он, – и как небрежно работали новые индоктринаторы».

– Работники службы индоктринации не должны забывать, что именно привело к созданию астероидного пояса Сол. Насколько нам известно, когда-то эти тела были планетой Дирад, величайшим источником корад во всей Галактике. Небрежная работа индоктринаторов привела к ситуации, сходной с той, которую я только что предотвратил, и нам пришлось уничтожить целую планету. Мы не должны закрывать глаза на силу сознаний, ускользающих из-под нашего контроля. Дирад – наглядный тому пример. Разумеется, сейчас ситуация в норме, и источник корад в безопасности. Мы можем продолжать откачивать чужое бессмертие – но *только пока сохраняем постоянную бдительность*.

Он поставил подпись: «С почтением, Мирсар Вис, главный индоктринатор, супрефектура Сол».

Когда-нибудь, подумал он, в подписи будет стоять: «Координатор».

Мирсар Вис отошел от механического секретаря к трубке «входящих» на доклад-панели и заметил, что новый ассистент пометил трубку желтой лентой с надписью «чрезвычайно важно».

Он вставил трубку в передатчик, сел и наблюдал, как тот воспроизводит ответ:

«Существо хинду увидело себя таким, какое оно есть», – говорилось в отчете.

Мирсар Вис навел трассирующий луч на своего нового ассистента, чтобы посмотреть, как это достойное создание встретит угрозу.

Передатчик продолжал жужжать:

«Существо сошло с ума согласно индоктринационной команде, но оно, к сожалению, теперь является членом культа, почитающего безумие. Другие начинают прислушиваться к его бормотанию».

Отчет завершился словами: «Приступаю к работе без промедления».

Мирсар Вис откинулся назад, расслабился и мягко улыбнулся. Новый ассистент подавал надежды.

Синдром управления

В Гонолулу все спокойно, мертвые похоронены, обломки зданий расчищены. Спасательная баржа покачивается на тихоокеанских волнах за вулканом Даймонд-Хед. Ныряльщики следуют за цепочкой пузырьков в зеленоватой воде к месту крушения аэропоезда из Штатов. Всему виной Скрэмбл-синдром. На берегу в переоборудованных бараках психологи безуспешно работают с последствиями безумия. Отсюда начался Скрэмбл-синдром: только что город был мирным, а секунду спустя все сошли с ума.

За сорок дней заражено девять городов.

Это «черная смерть» двадцатого века.

Сиэтл

Сначала звон в ушах, резко переходящий в свист. Свист переходит в предупреждающий грохот кошмарного поезда, с ревом несущегося сквозь его сон.

Сон мог бы заинтересовать психоаналитика с клинической точки зрения. Но этот психоаналитик не изучал сон; он видел его. Он стискивал руками покрывало у шеи, беззвучно извиваясь на кровати и подтягивая колени к подбородку.

Свисток поезда перешел в контральто роскошной певицы, исполняющей «Безумный блюз». Сон переполняли вибрации страха и дикости.

«Миллион долларов ничего не значит...»

Хрипловатый голос вздымался над звуками медных духовых инструментов, стуком ударных, визгом кларнета, похожим на ржание разъяренной лошади.

Темнокожая певица с ярко-синими глазами, одетая в черное, отошла от красного занавеса в глубине сцены. Она распростерла руки перед незримой аудиторией. Певица и занавес пришли в движение, вращаясь все быстрее, и быстрее, и быстрее, пока не слились в лучик красноватого света. Лучик постепенно расплзся, превращаясь в раструб валторны, выводящей минорную ноту.

Пронзительная музыка ножом врезалась ему в мозг.

Доктор Эрик Лэдд проснулся. Он тяжело дышал, по лицу градом катился пот. Он все еще слышал голос певицы, музыку.

«Мне снится, что я проснулся», – подумал он.

Он стянул с себя верхнюю простыню, спустил ноги с постели, поставил их на теплый пол и резко встал. Подошел к окну, взглянул на лунную дорожку, мерцавшую на поверхности озера Вашингтон. Коснулся переключателя звука у окна и услышал шум ночи – стрекот сверчков, свист весенних квакш на берегу озера, отдаленный гул воздушного экспресса.

Пение продолжалось.

Эрик пошатнулся и ухватился за подоконник.

«Скрэмбл-синдром...»

Он повернулся, посмотрел на новостную ленту у постели. О Сиэтле ни слова. Возможно, он еще не болен и музыка у него в голове – не симптом Синдрома.

Он предпринял отчаянную попытку вернуть себе самообладание, покачал головой, постучал ладонью по уху. Пение не исчезало. Он посмотрел на часы на прикроватном столике: 01:05 ночи, пятница, 14 мая 1999 года.

Музыка в голове прекратилась. Но теперь... Аплодисменты! Громогласные хлопки, возгласы, топот ног. Эрик потер голову.

«Я не сошел с ума... Я не сошел с ума...»

Он накинул халат и направился в кухонный отсек своего холостяцкого жилища. Выпил воды, зевнул, задержал дыхание – лишь бы избавиться от шума, состоявшего теперь из обрывков разговоров, звона бокалов, шарканья ног.

Он налил себе виски и залпом проглотил его. Звуки в голове стихли. Эрик посмотрел на пустой стакан у себя в руке и покачал головой.

«Новое средство от безумия – алкоголь! – кисло улыбнувшись, подумал он. – А я каждый день объясняю пациентам, что выпивка проблем не решает. – Он словно бы попробовал на вкус горькую мысль: – Может, надо было присоединиться к той терапевтической группе, а не оставаться здесь, пытаясь изобрести машину от безумия. Если бы только они не посмеялись надо мной...»

Он отодвинул от раковины фанерный ящик, освобождая себе место, и поставил стакан. В ящике среди кучи электронных запчастей лежала тетрадь. Эрик взял тетрадь и уставился на выведенные его же рукой печатные буквы на обложке: «Психозонд Аманти – книга тестов IX».

«Над старым доктором тоже смеялись, – подумал он. – И этим довели его до психушки. Может, и я направляюсь туда же – как и все в этом мире».

Эрик открыл тетрадь, провел пальцем по схеме последней экспериментальной системы. В психозонде в подвальной лаборатории все еще сохранялась проводка, пусть и частично демонтированная.

«Что с ним было не так?»

Закрыв тетрадь, он бросил ее обратно в ящик. Он мысленно перебирал хранившиеся в голове теории, знания, полученные в результате тысячи неудачных опытов. Его одолевали усталость и уныние. И все же он знал, что то, что искали в снах и поведении человека Фрейд, Юнг, Адлер и прочие, находилось где-то за гранью сознания в электронной схеме слежения.

Он вернулся в спальню, одновременно служившую ему кабинетом, улегся в кровать и делал дыхательную гимнастику до тех пор, пока его не начало клонить в сон. Певица, поезд и свист не вернулись.

* * *

Комнату озарил утренний свет. Эрик проснулся. Фрагменты кошмара не отпускали. Он знал, что до десяти у него нет никаких встреч. Новостная лента предлагала длинный набор сюжетов, в основном на тему Скрэмбл-синдрома. Эрик ввел кодовые буквы восьми тем, переключил аппарат в аудиорежим и, пока одевался, слушал новости.

Его терзали воспоминания о кошмаре. «Сколько человек просыпаются посреди ночи, гадая, не пришел ли их черед?» – раздумывал он.

Он выбрал лиловую накидку, набросил ее поверх белой спец-одежды. Взял тетрадь из ящика на кухне и вышел в прохладное весеннее утро. Он подкрутил терморегулятор на спец-одежде. Унитуб доставил его на берег залива Эллиотт. Эрик позавтракал в ресторане морепродуктов. Тетрадь с заметками по психозонду лежала открытая рядом с тарелкой. После завтрака он нашел пустую скамейку на улице с видом на залив, сел, открыл тетрадь. Ему стало лень изучать диаграммы, и он обратил взгляд к заливу.

От серой воды поднимался туман, скрывавший противоположный берег. Где-то вдали над водой разносился гудок рыболовного судна. От строений за спиной у Эрика отскакивало эхо. Мимо торопливо проходили рабочие. Их голоса звучали приглушенно. Угрюмое выражение на лицах, затравленные взгляды – все это излучало страх. Эрик почувствовал проникавший сквозь одежду холод скамейки. Он задрожал, глубоко вдохнул соленый воздух. Ветер с залива разносил запах водорослей, гармонично сочетавшийся с горьковатым мускусом городских испарений. Чайки дрались из-за лакомого куска, принесенного прибоем. Ветерок шелестел страницами лежавшей на коленях тетради. Эрик прижал их рукой, рассматривая людей.

«Тяну время, – подумал он. – В наши дни немногие представители моей профессии могут позволить себе такую роскошь».

Отстукивая быстрый ритм подошвами босоножек по бетону, к нему подошла женщина в красной меховой накидке. Ветер раздувал накидку у нее за спиной.

Увидев обрванное темными волосами лицо незнакомки, Эрик почувствовал, как напряглось все его тело. Это была женщина из его ночного кошмара! Он не мог отвести от нее глаз. Заметив его пристальный взгляд, незнакомка отвернулась и прошла мимо.

Эрик неуклюже скомкал дрожащие от ветра листы, захлопнул тетрадь и бросился за ней. Догнал и зашагал рядом, бездумно тараща на нее глаза. Она покосилась на него, покраснела и отвела взгляд.

– Уходите, а не то я позову полицию!

– Прошу вас, я должен с вами поговорить.

– Я сказала, уходите. – Она ускорила шаг. Он тоже зашагал быстрее.

– Прошу вас, простите меня, но вчера ночью вы мне снились. Понимаете...

Она смотрела прямо перед собой.

– *Это* мне и раньше говорили! Уйдите!

– Но вы не понимаете.

Она остановилась и, дрожа от ярости, повернулась к нему лицом.

– Еще как понимаю! Вы видели вчера мое шоу! Я вам снилась! – Она мотнула головой. –

«Мисс Ланаи, я *должен* с вами познакомиться!»

Эрик покачал головой.

– Но я никогда раньше не слышал о вас и не видел вас.

– Ну надо же! Я тоже не привыкла, чтобы меня оскорбляли!

Она развернулась и быстро зашагала прочь. Красная накидка развевалась за ней следом.

Он снова догнал ее.

– Прошу вас...

– Я закричу!

– Видите ли, я психоаналитик.

Женщина заколебалась, замедлила шаг, остановилась. На лице появилось озадаченное выражение.

– А вот это что-то новенькое.

Он воспользовался проявленным ею интересом.

– Вы действительно мне снились. Это меня напугало. Я никак не мог выбросить это из головы.

Что-то в его голосе, в его манере показалось ей смешным.

– И однажды сон непременно должен был стать явью.

– Я доктор Эрик Лэдд.

Она посмотрела на эмблему кадуцея² на его нагрудном кармане.

– Колин Ланаи. Я певица.

Он скривился.

– Знаю.

– Вы же говорили, что раньше не слышали обо мне.

– Вы пели у меня во сне.

– А-а! – Женщина помолчала. – Вы и правда психоаналитик?

Он достал из нагрудного кармана визитную карточку и протянул ей.

– Что значит «диагноз с помощью психозонда»? – изучив визитку, спросила она.

² Кадуцей – жезл Гермеса в древнегреческой мифологии; в ряде стран – символ медицины. – *Здесь и далее, если не указано иначе, примечания переводчика.*

– Это инструмент, которым я пользуюсь.

Она вернула ему визитку, взяла его за руку и зашагала легким, прогулочным шагом.

– Ладно, доктор. Вы расскажете мне про ваш сон, а я вам – про свои головные боли. Справедливый обмен? – Она взглянула на него из-под густых ресниц.

– Вас мучают головные боли?

– Ужасные. – Она покачала головой.

Эрик опустил глаза. Какие-то элементы кошмарной реальности возвращались.

«Что я здесь делаю? – подумал он. – Нельзя просто увидеть во сне лицо незнакомки, а на следующий день встретить ее наяву. Еще чего доброго оживет весь мой подсознательный мир».

– А может, это тот Синдром? – спросила она. – С тех пор, как мы побывали в Лос-Анджелесе, я... – Она прикусила губу.

Он уставился на нее.

– Вы были в Лос-Анджелесе?

– Мы уехали всего за несколько часов до того... до... – Она содрогнулась. – Доктор, каково это – быть сумасшедшим?

Он помедлил.

– Так же, как быть здоровым, – по ощущениям самого сумасшедшего. – Он перевел взгляд на туманную дымку над заливом. – Синдром похож на другие виды безумия. Как если бы что-то вытолкнуло людей за порог сознания. И вот что странно: болезнь распространилась в довольно ограниченном радиусе шестидесяти миль. Например, в Атланте и Лос-Анджелесе, а также в Лотоне, наблюдалась весьма четкая граница: по одну сторону улицы люди заболели, а по другую – нет. Мы подозреваем, что существует инкубационный период, во время которого... – Он запнулся и с улыбкой посмотрел на нее. – А вы всего лишь задали простой вопрос. Видите ли, я склонен читать лекции. По поводу головной боли я бы не слишком беспокоился. Причины могут быть самые разные: скорее всего, питание, смена климата, может быть, глаза. Почему бы вам не пройти полное обследование?

Она покачала головой.

– С тех пор как мы уехали из Карачи, я шесть раз проходила обследование. Результат один и тот же. Четыре новые диеты. – Она пожала плечами. – А голова все равно болит.

Эрик резко остановился и медленно выдохнул.

– Вы и в Карачи были?

– Ну да, это третье место, куда мы ездили, после Гонолулу.

Он подался вперед.

– И Гонолулу?

Она нахмурилась.

– Это что, допрос? – Она помолчала. – Ну...

Сглотнув, Эрик подумал: «Как можно, посетив все эти пораженные Синдромом города, вести себя столь беззаботно?»

Она топнула ногой.

– Вы что, язык проглотили?

«Она так беспечно ко всему относится», – подумал он.

– Вы побывали в Лос-Анджелесе, Гонолулу, Карачи, – перечислил он, загибая пальцы, – то бишь в очагах заражения Синдромом, и...

Она издала резкий, высокий, почти звериный звук.

– Он поразил все эти места?

«Неужели можно жить и не знать, где именно прошел Синдром?» – спросил он себя.

– Вы не знали?

Словно в оцепенении, она, широко раскрыв глаза, покачала головой.

– Но Пит говорил... – Она замолчала. – Я была так занята разучиванием новых номеров. Мы возрождаем горячий старый джаз.

– Как вы могли такое пропустить? По телевизору только об этом и говорят, а еще новостные ленты, трансграфы...

Она передернула плечами.

– Просто я была очень занята. И я не люблю думать о подобных вещах. Пит говорил... – Она покачала головой. – Знаете, впервые за месяц я вышла погулять одна. Пит спал и... – Выражение ее лица смягчилось. – Ох уж этот Пит! Наверное, не хотел меня волновать.

– Если вы так говорите, но... – Он помолчал. – Кто такой Пит?

– Разве вы не слышали о Пите Серантисе и музикроне?

– Что такое музикрон?

Она отбросила назад завиток темных волос.

– Доктор, вы шутите?

– Нет, я серьезно. Что такое музикрон?

Она нахмурилась.

– Вы действительно не знаете, что такое музикрон?

Эрик покачал головой.

Она подавила гортанный смешок.

– Доктор, и вы еще негодуете по поводу того, что я не знаю о заболеваниях в Карачи и Гонолулу. Сами-то вы где прятались? Мы же в списке лучших по версии «Вэрайети»!

«Она это серьезно!» – подумал он и сухо сказал:

– Видите ли, я был немного занят своими исследованиями. По поводу Синдрома.

– О-о... – Она повернулась, посмотрела на серые воды залива, потом снова на него. – Вы уверены насчет Гонолулу?

– У вас там семья?

Она покачала головой.

– У меня нет семьи. Только друзья. – Ее глаза блеснули. – Там все... заболели?

Он кивнул и подумал, что надо бы как-то отвлечь ее внимание.

– Мисс Ланаи, – сказал он, – могу я попросить вас об одолжении? – И не дожидаясь ответа, продолжил: – Вы побывали в трех пораженных Синдромом местах. Может быть, в структуре вашего сознания найдется какая-нибудь зацепка. Не согласитесь ли вы пройти ряд тестов у меня в лаборатории? Это не займет много времени.

– К сожалению, не могу – у меня сегодня выступление. Я просто вышла, чтобы хоть немного побыть одной. Я остановилась в отеле «Гуидак». Пит может проснуться и... – Она заметила умоляющее выражение его лица. – Извините, доктор. Может быть, в другой раз. Все равно вы не узнаете от меня ничего важного.

Он пожал плечами, задумался.

– Но я так и не рассказал вам про свой сон.

– Вы меня заинтриговали, доктор. Я слышала столько бредовых историй о снах. Хотелось бы на сей раз услышать что-нибудь стоящее. Почему бы вам не пройти со мной до отеля? Это всего в паре кварталов отсюда.

– Хорошо.

Она взяла его за руку.

– Ну хоть что-то...

* * *

Это был очень худой человек с деформированной ногой и измученным лицом, на котором лежал отпечаток ненависти. Возле колена стояла трость. Вокруг него сплеталась паутина

проводов – музикрон. Голову покрывала похожая на купол каска. Этот незримый шпион смотрел глазами женщины на человека, который назвался доктором Эриком Лэддом. Худощавый мужчина усмехнулся, услышав ушами женщины: «Ну хоть что-то...»

* * *

Эрик и Колин шли рядом по дорожке возле залива.

– Вы так и не объяснили мне, что такое музикрон.

Она рассмеялась, отчего проходившая мимо парочка обернулась и уставилась на них.

– Хорошо. Но я все равно не понимаю. Нас уже месяц показывают по телевизору.

«Она считает меня занудой, – решил он. – Наверное, так и есть».

– Я не подписан на развлекательные каналы, – сказал он. – Только на научные и новостные.

Она пожала плечами.

– В общем, музикрон – это что-то вроде машины для записи и воспроизведения, только оператор может примешивать любые новые звуки, которые пожелает. Он надевает на голову небольшую металлическую каску и просто думает о звуках – а музикрон их воспроизводит. – Она мельком взглянула на него и отвела глаза. – Все говорят, это обман, но это не так.

Эрик остановился сам и остановил ее.

– Потрясающе. Почему... – Он запнулся и усмехнулся. – Знаете, вы ведь разговариваете с одним из немногих в мире экспертов в этой области. У меня в подвальной лаборатории есть энцефалорекордер – новейший психозонд... Именно это вы и пытаетесь описать. – Он улыбнулся. – Психиатры в этом городе, может быть, и считают меня молодым выскочкой, однако пациентов с самыми сложными диагнозами направляют именно ко мне. – Он опустил глаза. – Так что давайте просто признаем, что машина вашего Пита – не более чем эффектный трюк.

– Но это не просто трюк. Я слышала записи до того, как они попадали в машину, и после выхода из нее.

Эрик усмехнулся.

– Ох, вы такой высокомерный, – нахмурившись, сказала она.

Эрик положил ладонь ей на руку.

– Прошу вас, не сердитесь. Просто мне хорошо знакома эта область. Вы не хотите признавать, что Пит провел вас, как и всех остальных.

– Послушайте... доктор... Пит... был... одним... из... изобретателей... музикрона... Пит... и... старый... доктор Аманти, – четко выговаривая каждое слово, медленно произнесла она и, прищурившись, уставилась на Эрика. – Может, вы в своем деле и большая шишка, но я говорю о том, что слышала собственными ушами.

– Говорите, Пит работал над этим музикроном вместе с доктором? Как, вы сказали, имя того доктора?

– О, доктор Карлос Аманти. Его имя написано на табличке внутри музикрона.

Эрик покачал головой.

– Быть того не может. Доктор Карлос Аманти в сумасшедшем доме.

Она кивнула.

– Правильно. Больница Ваилику для душевнобольных. Там они и работали над музикроном.

По лицу Эрика пробежала тень сомнения и настороженности.

– И, говорите, когда Пит думает о звуках, машина их воспроизводит?

– Именно.

– Странно, что я никогда раньше не слышал об этом музикроне.

– Доктор, вы много о чем никогда раньше не слышали.

Он облизнул губы.

– Возможно, вы и правы. – Он взял ее за руку и быстро зашагал по дорожке. – Я хочу увидеть этот музикрон.

* * *

В Лотоне, Оклахома, длинные ряды сборных бараков изнемогают от зноя на пропеченной солнцем равнине. В каждом бараке – маленькие отсеки; в каждом отсеке – больничная койка; на каждой койке – человек. Барак XRO-29: по коридору шагает психиатр, за ним санитар толкает тележку. На тележке – иглы, шприцы, антисептики, успокоительные, пробирки. Психиатр качает головой.

– Бейли, назвав эту штуку Скрэмбл-синдромом, они попали в точку. Как будто в каждый человеческий психоз засунули венчик, все перемешали и активировали³.

Санитар что-то бормочет, уставившись на психиатра.

Психиатр оглядывается.

– И никакого прогресса в этом деле. Все равно что носить воду решетом.

Дальше по коридору кто-то кричит. Они ускоряют шаг.

* * *

Перед Эриком и Колин вырос купол лифта отеля «Гуидак», похожий на опрокинутую на тротуар половинку арбуза. На вершине купола медленно вертелось сине-красное кольцо со словами: «Колин Ланаи, Пит Серантис и музикрон».

Перед куполом по тротуару расхаживал, опираясь на трость, хромой худощавый мужчина. Когда Эрик и Колин подошли ближе, он поднял голову.

– Пит, – сказала она.

Мужчина заковылял к ним, стуча тростью по асфальту.

– Пит, это доктор Лэдд. Он слышал о докторе Аманти и хотел бы...

Пит не обратил на Эрика никакого внимания и грозно уставился на Колин.

– Ты что, не знаешь, что нам сегодня выступать? Где ты была?

– Но сейчас всего-то чуть больше девяти. Я не...

– Я был студентом доктора Аманти, – перебил Эрик. – Меня интересует ваш музикрон. Понимаете, я продолжил исследования доктора Аманти и...

– Нет времени! – рявкнул худощавый человек, схватил Колин за локоть и потащил к куполу. Она сопротивлялась.

– Пит, прошу тебя! Что на тебя нашло?

Пит остановился, приблизил лицо к ее лицу.

– Тебе нравится твоя работа?

Она молча кивнула, широко раскрыв глаза.

– Тогда пошли работать!

Колин оглянулась в сторону Эрика и беспомощно пожала плечами.

– Извините...

Пит потащил ее внутрь купола.

Эрик смотрел им вслед и думал: «Какой маниакальный тип... очень нестабильный. Возможно, у него, в отличие, судя по всему, от нее, нет иммунитета к Синдрому».

³ Одно из значений английского слова "scramble" – смешивать яйца для яичницы-болтуньи. – *Примечание редактора.*

Он нахмурился, посмотрел на наручные часы, вспомнил, что на десять у него назначена встреча.

– Черт возьми! – Он повернулся и чуть не налетел на парня в форме помощника официанта.

Юноша нервно пыхнул сигаретой, резким движением выдернул ее изо рта и ухмыльнулся.

– Лучше найдите себе другую девчонку, док. Эта уже занята.

Эрик посмотрел ему в глаза, одновременно юные и старые.

– Ты здесь работаешь? – спросил он.

Юноша снова сунул сигарету в зубы и сказал, выдохнув клубы синеватого дыма:

– Ага.

Вытащив сигарету изо рта, юноша бросил ее в залив через плечо Эрика.

– У нас сейчас завтрак. Шоу начнется сегодня в семь.

– А мисс Ланаи в нем участвует?

Помощник официанта посмотрел на кольцо над куполом и улыбнулся.

– Док, она и *есть* шоу!

Эрик снова взглянул на часы и подумал: «Приду сюда вечером». Он повернулся к ближайшему унитубу и сказал:

– Спасибо.

– Если планируете сегодня посетить представление, лучше заказать столик заранее, – сказал помощник официанта. Эрик остановился и оглянулся. Достал из кармана двадцатидолларовую монету и бросил ее помощнику официанта. Тот на лету поймал двадцатку и, рассмотрев ее, сказал: – Это вам спасибо. На какое имя, док?

– Доктор Эрик Лэдд.

Юноша убрал деньги в карман.

– Отлично, док. В шесть я снова выхожу на смену. Так что лично займусь вами.

Эрик вернулся ко входу в унитуб и быстро ушел.

* * *

Под пробивающимися сквозь завесу смога лучами солнца лежал побуревший от засухи Лос-Анджелес.

Мобильная лаборатория 31 затормозила перед Больницей Богоматери Милующей, подняв в канаве вихрь сухих пальмовых листьев. Перегруженный турбомотор со вздохом прекратил работу. С одной стороны вышел психолог-японец, а с другой – врач из Швеции. Оба имели удрученный вид.

– Оле, – спросил психолог, – сколько ты уже не высыпaeшьсeя?

Врач покачал головой.

– Не помню, Йоши. Должно быть, с тех пор как уехал из Фриско.

Из зарешеченного кузова грузовика послышался дикий, высокий смех, вздох, снова смех.

Врач споткнулся на ступеньках больницы. Остановился. Повернулся.

– Йоши...

– Конечно, Оле. Я позову кого-нибудь из отдохнувших санитаров, чтобы занялись им. – И добавил про себя: «Если таковые еще остались».

По больничному коридору гулял прохладный ветерок. Врач-швед остановил человека с планшетом.

– Сколько по последнему подсчету?

Человек почесал лоб уголком планшета.

– Насколько мне известно, два с половиной миллиона, доктор. Здоровых пока не нашли.

* * *

Отель «Гуидак» уходил вниз под залив Эллиотт. Сквозь прозрачный потолок перед гостями представало множество морских существ, заключенных в невидимую для них клетку. Осветительные лучи пронизывали воду, демонстрируя посетителям желтого лосося, лилового окуня, розового осьминога, синюю медузу. В одном конце помещения находилась сцена в виде огромной открытой раковины из искусственного перламутра. Цветные прожекторы озаряли задник лентами пламени и голубыми тенями.

Спустившись на лифте, Эрик оказался в атмосфере, пугающим образом напоминавшей его кошмар. Не хватало только певицы. Он следовал за официантом, лавируя сквозь тусклую дымку ароматного сигаретного дыма, между столиками, за которыми устроились мужчины в строгих черных костюмах и женщины в платьях из переливающейся золотом искусственной парчи. Маленькие круглые столешницы мерцали аквамариновым светом – другого освещения в зале не было, не считая софитов на сцене и осветительных лучей в темной воде наверху. Воздух наполнился шепотом множества голосов. В зале, чуть приглушая запах пота, переплетались ароматы алкоголя, табака, духов и экзотических морепродуктов.

Столик Эрика был во втором ряду, и его со всех сторон окружала толпа. Официант выдвинул стул, Эрик сел.

– Желаете что-нибудь выпить, сэр?

– Бомбейский эль.

Официант повернулся и скрылся в полумраке.

Попытавшись передвинуть стул в более удобное положение, Эрик обнаружил, что тот неподвижно застрял между двумя стульями позади. Из темноты перед ним возникла фигура, в которой он узнал помощника официанта.

– Лучшее место, какое я сумел для вас достать, док.

– Превосходно, – улыбнулся Эрик, выудил из кармана двадцатку и вложил в руку юноши.

– Могу я вам чем-нибудь помочь, док?

– Пожалуйста, сообщите мисс Ланаи, что я здесь.

– Попробую, док, но этот Пит весь день не спускает с нее глаз, словно она какая-нибудь драгоценность. Хотя я бы и сам так делал, ну... вы понимаете.

В задымленном полумраке сверкнули белые зубы. Помощник официанта повернулся и начал пробираться назад между столиками. Шепот голосов в зале стих. Эрик уставился на сцену. Над микрофоном склонился солидный мужчина в эбеново-черном костюме с белыми, словно мел, полосами.

– А вот и то, чего все вы так ждали, – сказал он и сделал жест левой рукой.

Софиты стерли темноту, осветив Колин Ланаи. Она стояла, сложив ладони перед собой. Старомодное облегающее платье, ярко-синее, под цвет глаз, подчеркивало изгибы ее тела.

– Колин Ланаи!

Публика разразилась аплодисментами, снова затихла. Солидный мужчины махнул правой рукой. Вспыхнули другие прожекторы, осветив опиравшегося на трость Пита Серантиса, одетого во все черное.

– Пит Серантис и...

Конферансье сделал паузу, ожидая, пока стихнут бурные рукоплескания.

– Музикрон!

Последний софит высветил большой металлический ящик позади Пита. Худой мужчина проковылял вокруг ящика, нагнулся и исчез внутри. Колин взяла микрофон у конферансье. Тот поклонился и покинул сцену.

Эрик обратил внимание на охватившее зал давящее чувство ожидания.

«На краткий миг, – подумал он, – мы забываем наши страхи, забываем о Синдроме, забываем все, кроме музыки и этого момента».

Колин вплотную поднесла микрофон к губам.

– Сегодня у нас есть для вас еще несколько настоящих старых хитов, – объявила она. То, как она держалась, прямо-таки электризовало зал. – Две из этих песен мы никогда раньше не играли. Начнем с трио – «Ужасный блюз». Музикрон представит базовую запись Кларенса Уильямса и «Ред Онион Джаз Бейбис», а Пит Серантис добавит совершенно новый эффект. Затем «Блюз дикого человека» – чистый Луи Армстронг и, наконец, «Прощальные слова» – старый хит Бесси Смит. – Она едва заметно поклонилась.

В зале зазвучала музыка. Невозможно было определить, откуда она исходит. Она захватила все чувства. Колин запела, по-видимому, безо всяких усилий. Ее голос играл, словно музыкальный инструмент, взвивался вместе с музыкой, понижался вместе с ней, лаская собою воздух.

Эрик, оцепенев, как и остальные зрители, неотрывно смотрел на нее.

Она закончила первую песню. Гром аплодисментов оглушил Эрика. Почувствовав боль в руках, он опустил глаза и обнаружил, что и сам неистово хлопает. Он покачал головой, перестал хлопать и сделал четыре глубоких вдоха. Колин начала выводить новую мелодию. Эрик прищурился, уставившись на сцену, и инстинктивно прижал руки к ушам, чтобы приглушить музыку. Музыка тише не стала, и Эрика охватила паника. Он закрыл глаза, задержал дыхание, но по-прежнему видел Колин – поначалу расплывчатый, изменчивый образ, а потом более отчетливый, расположенный ближе и левее.

Видение сопровождалось погребальным плачем эмоций. Эрик прикрыл глаза ладонями. Образ не исчезал. Он открыл глаза. Образ снова смазался, затем приобрел четкие очертания. Он попытался вычислить место, где видел Колин именно в таком положении, и решил, что так ее может быть видно только изнутри музикрона. В этот момент он различил очертания зеркальной панели на фасаде металлического ящика.

«Одностороннее стекло, – подумал он. – Как будто глазами Пита».

Пока Колин заканчивала третий номер, Эрик напряженно размышлял. Под гром аплодисментов Пит вышел из музикрона. Колин послала зрителям воздушный поцелуй.

– Мы вернемся через некоторое время.

Она удалилась со сцены. Пит последовал за ней. Оба исчезли в поглотившей их темноте. Между столами сновали официанты. Перед Эриком поставили напиток. Он положил деньги на поднос. Напротив возникла синеватая тень и опустилась на стул.

– Томми... помощник официанта передал, что вы здесь... – Она наклонилась через столик. – Постарайтесь не попадаться Питу на глаза. Он в ярости, как с цепи сорвался. Никогда не видела, чтобы человек впадал в такое бешенство.

Эрик наклонился к ней и почувствовал тонкий аромат сандалового дерева. Ее духи. У него слегка закружилась голова.

– Я хочу поговорить с вами, – сказал он. – Можете встретиться со мной после шоу?

– Думаю, я могу вам доверять, – ответила она. Потом замаялась и едва заметно улыбнулась. – Вы профессионал. – Еще одна пауза. – А мне, кажется, нужен профессиональный совет. – Она встала. – Я должна вернуться прежде, чем он догадается, что я вышла не для того, чтобы попудрить носик. Встретимся наверху у грузового лифта.

И она ушла.

* * *

Холодный ветер с залива раздувал накидку Эрика. Затягиваясь сигаретой, он прислонился к бетонному парапету. Тлеющий огонек бросал на его лицо оранжевые отсветы, которые

то разгорались ярче, то тускнели. Бурлил прибой, и волны набегали на бетон внизу. Разноцветное свечение в воде слева от Эрика померкло, когда погасли осветительные лучи над залом «Гуидак». Он вздрогнул. Слева послышался звук шагов. Мимо прошел одинокий мужчина. Приглушенное нарастающее жужжание лифта вдруг прекратилось. Легкий звук шагов в его сторону прервался у перил. Он уловил аромат ее духов.

– Спасибо, – сказал он.

– Я не могу задерживаться. Он очень подозрительный. Томми привез меня на грузовом лифте. Он ждет.

– Я не отниму у вас много времени. Я тут думал. Поговорим о ваших поездках. Я могу рассказать вам, где вы побывали с тех пор, как встретились с Питом в Гонолулу. – Он повернулся и боком прислонился к перилам. – Вы начали выступать в Санта-Розе, Калифорния, потом отправились в Пикетберг, Карачи, Рейкьявик, Портленд, Голландию, Лотон – и, наконец, в Лос-Анджелес. Потом приехали сюда.

– Значит, вы изучили наш маршрут...

Он покачал головой.

– Нет. – И, помолчав, спросил: – Пит заставлял вас все время репетировать, так?

– Это непростая работа.

– Я и не говорю, что простая. – Эрик бросил окурок в темноту и услышал, как он зашипел в воде. – Давно вы знакомы с Питом?

– Пару месяцев или около того. А что?

Он отвел взгляд.

– Что он за человек?

Колин пожала плечами.

– Хороший парень. Сделал мне предложение.

Эрик слотнул.

– Вы согласились?

Она посмотрела на темный залив.

– Поэтому мне и нужен ваш совет. Я не знаю... Просто не знаю. Благодаря ему я здесь, на вершине славы. – Она повернулась к Эрику. – И он действительно очень хороший парень... если не обращать внимания на его манеры.

Эрик глубоко вдохнул, теснее прижимаясь к бетонному парапету.

– Могу я кое-что рассказать вам?

– О чем?

– Сегодня утром вы упомянули доктора Карлоса Аманти, изобретателя психозонда. Вы его знали лично?

– Нет.

– Я был одним из его студентов. Когда у него случился нервный срыв, это тяжело ударило по всем нам, но только я продолжил работу с психозондом. Я работаю над ним уже восемь лет.

Она пошевелилась рядом с ним.

– Что за психозонд?

– Авторы научных статей смеются над ним, называют «прибором для чтения мыслей». Но это не так. Это просто прибор для интерпретации некоторых бессознательных импульсов человеческого мозга. Полагаю, когда-нибудь это станет похоже на чтение мыслей. Пока что психозонд представляет собой весьма примитивный инструмент, порой непредсказуемый. Аманти намеревался установить связь с бессознательным посредством интерпретации энцефалографических волн. Он хотел усилить их, сохраняя четкое разделение по типам, и перевести вариации типов в соответствии с мыслеобразами.

Она прикусила нижнюю губу.

– И вы думаете, что из музикрона получится более совершенный психозонд, который поможет бороться с Синдромом?

– Я думаю, есть кое-что еще. – Он посмотрел на мостовую.

– Вы все время на что-то намекаете, не говоря при этом ничего конкретного, – сказала она. – Дело в Пите?

– Не совсем.

– Почему вы перечислили все места, в которых мы бывали? Это ведь не просто так. К чему вы клоните?

Он задумчиво посмотрел на нее, оценивая ее настроение.

– Разве Пит не говорил вам обо всех этих городах?

Она прижала руку ко рту, испуганно вытаращив глаза.

– Неужели Синдром... неужели он во всех этих городах?

– Да. – Слово было произнесено жестко, с оттенком неизбежности.

Она покачала головой.

– Что вы хотите сказать?

– Что, возможно, причина возникновения Синдрома кроется в музикроне.

– О нет!

– Может быть, я ошибаюсь. Но посмотрите, как это выглядит. Аманти был гением на грани безумия. У него случился нервный срыв. Потом он помог Питу построить машину. Вполне возможно, что машина реагирует на мозговые волны оператора и преобразовывает их в импульс безумия. Музикрон *действительно* превращает мысль в различимую энергию – звук. Разве не может быть, что он посылает тревожный импульс напрямую в подсознание? – Он облизнул губы. – Вы знали, что я слышал эти звуки, даже заткнув уши, и видел вас с закрытыми глазами? Помните мой ночной кошмар? Моя нервная система реагирует на субъективный импульс.

– И так происходит с каждым?

– Вряд ли. Если человек не прошел многолетнюю подготовку при взаимодействии с похожим аппаратом, эти импульсы должны отсеиваться на пороге сознания. Оно подавляет их как нечто невероятное.

Она поджала губы и покачала головой.

– Не вижу, как вся эта научная чепуха доказывает, что музикрон вызывает Синдром.

– Может, и не вызывает. Но это самая адекватная теория из всех, что я слышал. Поэтому я хочу попросить вас об одолжении. Не могли бы вы достать для меня схему музикрона? Если я увижу ее, то смогу определить, что именно делает эта штука. Вы не знаете, есть ли у Пита план машины?

– В самом музикроне хранится какая-то толстая тетрадка. Думаю, это то, что вы имеете в виду.

– Сможете ее достать?

– Может быть, но не сегодня... И я не посмею сказать об этом Питу.

– Почему не сегодня?

– Пит держит ключ от музикрона при себе, когда спит. Машина заперта, когда ею не пользуются, чтобы никто не смог проникнуть внутрь и получить повреждения. Ее приходится всегда держать включенной, потому что она очень долго разогревается. Дело в каких-то кристаллах... или энергопотенциале или в чем-то таком.

– Где остановился Пит?

– Здесь есть комнаты, апартаменты для особых гостей.

Он отвернулся, вдохнул влажный соленый воздух и повернулся обратно.

Колин дрожала.

– Я не знаю, правда ли это музикрон. Я... они... – Она разрыдалась.

Он подошел ближе, обнял ее за плечи, почувствовал, как она дрожит. Она прижалась к нему и немного успокоилась.

– Я достану эту схему. – Она беспокойно тряхнула головой. – Это докажет, что дело не в музикроне.

– Колин... – Он настойчиво сжал ее плечи.

Она придвинулась ближе.

– Да.

Он склонил голову. У нее были теплые, нежные губы. Она прижалась к нему, слегка отодвинулась, затем поудобнее устроилась в его объятиях.

– Это неправильно, – сказала она.

Он снова наклонился. Она подняла голову, и их губы слились в нежном поцелуе.

Она медленно отстранилась и повернула голову к заливу.

– Так не бывает, – прошептала она. – Так быстро... так неожиданно.

Он зарылся лицом в ее волосы, вдыхая их аромат.

– Как?

– Как будто нашла дорогу домой.

Он сглотнул.

– Дорогая...

И снова их губы встретились. Отстранившись, она коснулась рукой его щеки.

– Мне пора.

– Когда мы увидимся?

– Завтра. Я скажу Питу, что мне надо за покупками.

– Где?

– У тебя есть лаборатория?

– В моем доме, на Чалмерс-плейс, на другом берегу озера. Посмотри в адресной книге.

– Я приду, как только достану схему.

Они еще раз поцеловались.

– Мне действительно пора.

Он крепко обнял ее.

– Правда. – Она высвободилась. – Спокойной ночи... – Она замялась. – Эрик.

Вокруг нее танцевали тени.

Зажужжал лифт. Глубоко дыша, чтобы успокоиться, Эрик прислонился к бетону.

Слева послышался отчетливый звук шагов. В лицо Эрику ударил луч ручного фонаря. За ним тускло блестела наручная повязка ночного патрульного. Луч перескочил на эмблему кадуцея у него на груди.

– Уже поздно, доктор.

Свет вернулся к его лицу и погас. Эрик знал, что его сфотографировали, – обычное дело.

– Вы испачкались помадой, – сказал патрульный, обходя купол лифта.

* * *

Внутри притихшего музикрона: худощавый человек с измученным, полным ненависти лицом. Горькая мысль: «Какая милая любовная сцена!» Пауза. «Доктору хочется что-нибудь почитать?» – Кривая ухмылка. – Я *предоставлю* ему материалы. Ему будет чем заняться после нашего отъезда».

* * *

Перед тем как лечь спать, Эрик отправил трансграф миссис Бертц, своей секретарше, велев ей отменить все назначенные на завтра встречи. Он прижался к подушке и обнял ее. Заснуть не получалось. Он занялся дыхательной гимнастикой, но расслабиться никак не удавалось. Он встал, надел халат и тапочки. Посмотрел на часы на прикроватном столике: 02:05 ночи, суббота, 15 мая 1999 года. «Всего двадцать пять часов назад мне снился кошмар, – подумал он. – А теперь... даже не знаю. – Он улыбнулся. – Да нет, знаю. Я влюблен. Чувствую себя мальчишкой в колледже».

Он сделал глубокий вдох.

«Я влюбился. – Он закрыл глаза и воскресил в памяти образ Колин. – Эрик, если только ты разберешься с этим Синдромом, весь мир будет у твоих ног. – На секунду в голове воцарилась тишина. – У меня развивается мания...»

Эрик задумался.

«А если Пит увезет музикрон из Сиэтла... Что тогда?»

Он щелкнул пальцами, подошел к видеофону, позвонил в круглосуточное турагентство. Служащая в конце концов согласилась посмотреть нужные ему даты – за отдельную плату. Он сообщил ей свой расчетный код, прервал связь и пошел к полке с микрофильмами, находившейся напротив изножья кровати. Проведя пальцами по списку названий, выбрал «Значения форм энцефалографических волн. Исследование девяти мозговых импульсов» доктора Карлоса Аманти. Потом нажал на селектор напротив ленты, активировал экран над полкой, взял пульт управления и вернулся в кровать.

На экране появилась первая страница. Свет в комнате автоматически померк.

Эрик начал читать.

«Существует шкала вибрационных импульсов, которая покрывает слуховой диапазон человека и выходит за его пределы, постоянно вырабатывая эмоциональные реакции различного уровня, такие как страх. Некоторые из этих вибрационных импульсов – условно сгруппированные под названием «звуки» – испытывают пределы эмоциональных переживаний человека. Можно сказать, что любая эмоция в разумных пределах является реакцией на стимуляцию посредством гармонических колебаний.

Многие исследователи связывали эмоции с характерными энцефалографическими волновыми реакциями: исследования Картера о дзета-волнах и любви; исследование Реймана о пи-волнах и абстрактном мышлении; работа Поулсона о тета-волнах и степенях печали, и так далее.

Целью моего исследования является отследить эти характерные реакции и выявить то, что я считаю совершенно новым направлением в интерпретации...»

В столь поздний час Эрик рассчитывал, что во время чтения его станет клонить в сон, но по мере того, как он продолжал читать, его чувства становились лишь острее. Все эти слова были знакомы ему в результате частых прочтений, но они по-прежнему возбуждали его. Он вспомнил отрывок ближе к концу книги, поставил фильм на перемотку и промотал до нужного фрагмента, затем замедлил ход пленки и восстановил постраничное чтение. Вот он, тот отрывок:

«Работая с тяжелобольными пациентами посредством психозондирования, я ощущал присутствие тяжелых эмоций в атмосфере. Другие, те, кто не был знаком с моей работой, замечали то же самое. Это наводит на мысль, что характерные эманации больного разума могут вырабатывать симпатические реакции у тех, кто находится в зоне воздействия психозонда. Как ни странно, это тревожное ощущение иногда наступает спустя минуты или даже часы после того, как пациент подвергся обследованию.

Я не хотел бы выдвигать теорию, основанную на этом феномене. Мы слишком много не знаем о психозонде: например, латентный период его воздействия. Однако, возможно, что сочетание психозондирования и нездорового сознания создает поле, оказывающее подавляющий эффект на бессознательные функции попадающих в это поле людей. Как бы то ни было, вся область изучения психозондирования и энцефалографических волн влечет за собой последствия, которые...»

Решительным движением Эрик выключил проектор, встал и оделся. Часы на тумбочке возле кровати показывали 03:28 ночи, суббота, 15 мая 1999 года. Он никогда не испытывал более сильной тревоги. Перескакивая через две ступеньки, он спустился в подвальную лабораторию, включил свет и выкатил психозонд.

«Я на грани какого-то открытия, – подумал он. – Этот Синдром становится слишком важной проблемой, чтобы тратить время на сон».

Эрик усталился на психозонд, на открытые полки, многочисленные трубки, мешанину проводов, кресло для релаксации в центре и металлическую каску приемного устройства прямо над ним.

«Музикрон воспроизводит звуки, – подумал он. – Значит, там должна быть какая-то вторичная резонансная система».

Он взял с полки у края скамейки неиспользованный диктофон и вынул из него воспроизводящий контур. Нашел инструкцию по эксплуатации диктофона, отметил изменения, которые нужно будет внести, и ненадолго прервался, чтобы рассчитать необходимые нагрузки на логарифмической линейке. Хотя вычисления его не удовлетворили, он достал нужные ему части и принялся вырезать и паять. Через два часа он получил то, что хотел.

Эрик взял кусачки, подошел к психозонду, отрезал записывающий контур и вытянул его из аппарата. Подкатил клетку психозонда к верстаку и аккуратно, сверяясь со схемами, подсоединил воспроизводящий контур. Затем он взял провода от монитора и аудиоблока и вставил их в разъем энцефалографа. Он подключил к готовой системе тестовый источник питания и начал на глаз регулировать силу тока, чтобы сбалансировать сопротивление. На тестирование и обрезание проводов у него ушло больше часа, да еще понадобилось установить несколько дополнительных предохранителей.

Он сделал шаг назад и осмотрел машину.

«Осцилляция будет повсюду, – подумал он. – Как же уравновесить это чудовище?»

Эрик задумчиво почесал подбородок.

«Что ж, посмотрим, на что способен этот гибрид».

Часы над верстаком показывали 06:45 утра. Сделав глубокий вдох, Эрик вставил предохранитель в переключатель реле мощности и закрыл его. Провод в контуре приемного устройства раскалился добела, предохранитель вылетел. Эрик открыл переключатель, взял тестовый измеритель мощности и вернулся к машине. Он никак не мог понять, что не так, и принялся снова изучать схемы.

– Может, слишком высокая мощность... – Он вспомнил, что его сверхмощный реостат сейчас в ремонте, и подумал, что стоит подключить запасной генератор, который он использовал в одном из экспериментов. Генератор находился в углу под кучей ящиков. Эрик помедлил и повернулся к психозонду. – Хоть бы одним глазком взглянуть на этот музикрон...

Он усталился на аппарат.

– Резонансный контур... Что еще? – Он попытался представить себе взаимодействие компонентов, как будто он был частью машины. – Я что-то упустил! Тут есть что-то еще, и мне кажется, я уже знаю, что это, я уже об этом слышал. Я должен увидеть схему музикрона.

Он отвернулся, вышел из лаборатории и поднялся по лестнице в кухню. Взял из коробки в шкафу кофейную капсулу, положил ее у раковины. Зазвонил видеофон. Это была служащая из

тур- агентства. Эрик выслушал ее сообщение, поблагодарил, отключил связь и снова принялся за вычисления.

«Отставание на двадцать восемь часов, – подумал он. – Каждый раз. Вряд ли это совпадение».

У него слегка закружилась голова, и вскоре навалилась страшная усталость.

«Нужно отдохнуть. Вернусь к этому, когда выплыву».

Он медленно пошел в спальню, сел на кровать, скинул сандалии и лег. Он слишком устал, раздеваться не было сил. Но заснуть не удавалось. Он открыл глаза, посмотрел на часы: 07:00 утра. Вздыхнув, снова закрыл глаза, погружаясь в полусонное состояние. Неясная тревога продолжала грызть его сознание. Он снова открыл глаза, посмотрел на часы: 09:50 утра.

«Странно... Прошло столько времени, а я ничего не почувствовал, – подумал он. – Наверное, все-таки заснул».

Он закрыл глаза. Снова закружилась голова, будто он превратился в несомый течением корабль, – блуждающий, что-то ищущий, подхваченный водоворотом.

«Надеюсь, он не видел, как я ухожу», – подумал Эрик.

Веки резко поднялись, и на секунду он увидел на потолке у себя над головой вход в унитуб. Он покачал головой.

«С ума сойти! Откуда это взялось? – спросил он себя. – Совсем заработался».

Он повернулся на бок и, прикрыв глаза, начал погружаться в дрему. И тут же почувствовал, что находится в лабиринте из проводов. Сквозь него прошла настолько сильная волна ненависти, что он ужаснулся, не в силах объяснить ее или понять, на что она направлена. Он стиснул зубы, помотал головой, открыл глаза. Ненависть исчезла, оставив после себя слабость. Он закрыл глаза. В сознание проник тонкий аромат гардений. Сквозь оконные ставни он видел рассвет. Глаза раскрылись. Эрик сел в постели и обхватил голову руками.

«Обонятельная стимуляция, – подумал он. – Зрительная стимуляция... Слуховая стимуляция... Почти полная сенсорная реакция. Это что-то значит. Но что?»

Он покачал головой и снова бросил взгляд на часы: 10:10 утра.

* * *

В Пакистане на окраине Карачи на пыльной обочине древней дороги сидел мудрец-индуст. Мимо двигалась вереница грузовиков Международного Красного Креста, в которых везли специально отобранных больных Синдромом на летное поле в дельте Инда. Завтра больными займутся в новой клинике в Вене. Моторы грузовиков гудели и ревели. Мудрец рисовал пальцем на песке древний символ. Порыв ветра от проходящего грузовика пронесся по изображению Брахмапутры, исказив его. Мудрец печально покачал головой.

* * *

Кто-то ступил на коврик перед дверью в квартиру Эрика, о чем ему сообщил дверной звонок. Он нажал на выключатель сканера возле кровати, посмотрел на главный экран в спальне, на котором появилось лицо Колин. Он набрал код, чтобы открыть дверь, ошибся, попробовал снова. На сей раз все получилось. Пригладив руками волосы, Эрик застегнул спецодежду и вышел в коридор.

Стоя в коридоре, Колин выглядела маленькой и застенчивой. Когда Эрик увидел ее, в нем проснулась решимость, затмившая все прочие чувства. «Надо же, всего один день, а ты уже на крючке», – подумал он про себя.

– Эрик, – сказала она.

Ее тело было теплым и мягким. От волос исходил приятный аромат.

– Я скучал по тебе, – признался он.

Она отстранилась и подняла глаза.

– Я тебе снилась?

Он поцеловал ее.

– Нет, я видел обычные сны.

– Доктор!

Улыбка смягчила язвительность ее тона. Она отодвинулась и скинула подбитую мехом накидку, из внутреннего кармана которой вытащила плоскую синюю книжицу.

– Вот схема. Пит ни о чем не подозревает.

Она вдруг пошатнулась и, тяжело дыша, сжала его руку.

Он испуганно поддержал ее.

– Что с тобой, дорогая?

Она покачала головой, дрожа и глубоко вдыхая.

– Ничего... просто голова немного болит.

– Ничего себе немного, – пробормотал он, коснувшись тыльной стороной ладони ее лба.

Лоб был горячим. – Ты не заболела?

Она покачала головой.

– Нет. Уже проходит.

– Что-то мне это не нравится. Ты завтракала?

Она успокоилась.

– Нет, но я вообще редко завтракаю... Талия, сам понимаешь.

– Глупости! Иди сюда и поешь фруктов.

Она улыбнулась.

– Да, доктор... милый.

* * *

Из-за недостатка света лицо Пита, отражаемое на поверхности внутренней панели музикрона, имело демоническое выражение. Его рука покоилась на переключателе реле. Робкая мысль: «Колин, если бы я только мог управлять твоими мыслями. Если бы я мог указывать тебе, что делать. Однако каждая моя попытка вызывает у тебя только головную боль. Знать бы, как на самом деле работает эта машина».

* * *

В лаборатории Эрика по-прежнему царил беспорядок, оставшийся с ночи. Он помог Колин взобраться на сиденье на краю верстака и, стоя рядом с ней, открыл инструкцию к музикрону. Она посмотрела на открытые страницы.

– Что означают все эти странные загогулины?

Он улыбнулся.

– Это схема устройства. – Он взял зажим тестера и, глядя на схему, начал вытягивать провода из резонансного контура. Потом остановился, озадаченно глядя на схему. – Быть того не может... – Он нашел блокнот и ручку и начал изучать инструкцию.

– Что-то не так?

– Это бессмысленно.

– Что ты имеешь в виду?

– Схема не соответствует тому, что должен делать аппарат.

– Ты уверен?

– Мне знакомы труды доктора Аманти. Он не так работает. – Эрик принялся листать книжицу. Из нее вывалилась страница. Осмотрев переплет, Эрик обнаружил, что из буклета вырезаны страницы и заменены новыми. Тонкая работа. Если бы не выпавшая страница, он бы, наверное, вообще ничего не заметил. – Ты сказала, его легко было достать. Где он был?

– Прямо на верху музикрона.

Он задумчиво посмотрел на нее.

– Что не так? – искренне удивилась она.

– Хотел бы я знать. – Он указал на буклет. – Это такая же фальшивка, как Марсианские каналы⁴.

– Откуда ты знаешь?

– Если бы я вот так все собрал, – еще один жест в сторону буклета, – все взорвалось бы, как только я подключил бы питание. Существует лишь одно объяснение: Пит у обо всем известно.

– Но откуда?

– Это я тоже хотел бы узнать... Как он угадал, что ты попытаешься принести мне схему? Может быть, тот помощник официанта...

– Томми? Но он такой хороший парень.

– Ага, хороший. Мать родную продаст, если цена устроит. Может быть, он подслушивал прошлой ночью...

– Не могу в это поверить. – Она покачала головой.

* * *

В паутине проводов музикрона Пит стиснул зубы. «Ненавидь его! Ненавидь его!» Он напряженно посылал ей эту мысль, но видел, что она не действует. Он в ярости стащил с головы металлическую каску и, шатаясь, выбрался из музикрона.

«Ты ее не получишь! Если хочешь бои без правил, я покажу тебе настоящий бой без правил!»

* * *

– Может ли быть какое-нибудь другое объяснение? – спросила Колин.

– Тебе что-нибудь приходит в голову?

Она начала соскальзывать с верстака, нерешительно навалилась на него и прижалась головой к его груди.

– Голова... ужасно болит... – Она обмякла в его объятиях, вздрогнула, медленно пришла в себя, тяжело дыша. Потом встала. – Спасибо.

В углу лаборатории стоял складной брезентовый стул. Эрик подвел ее туда и помог сесть.

– Ты сейчас же отправишься в больницу и пройдешь полное обследование. Мне это не нравится.

– Это всего лишь головная боль.

– Очень странная головная боль.

– Я не пойду в больницу.

– Не спорь со мной. Я запишу тебя на обследование, как только доберусь до телефона.

– Эрик, я не стану этого делать! – Она встала, держась за стул. – Я побывала уже у всех возможных врачей. – Она неуверенно посмотрела на него. – Кроме тебя. Я прошла все обследо-

⁴ Марсианские каналы – каналы на поверхности Марса, открытые в конце XIX в., а в 70-х гг. XX в. признанные оптической иллюзией.

дования. Со мной все в порядке... кроме головы. – Она улыбнулась. – Видимо, я наконец нашла подходящего врача.

Она откинулась на спинку стула, расслабилась и закрыла глаза. Эрик придвинул табуретку, сел возле Колин и взял ее за руку. Судя по всему, Колин заснула. Ее дыхание было ровным. Проходили минуты.

«Если бы психозонд не был почти разобран, я мог бы сейчас ее протестировать», – подумал он.

Колин пошевелилась, открыла глаза.

– Это все музикрон, – сказал он и взял ее за руку. – У тебя когда-нибудь болела голова до того, как ты начала работать с этой штуковиной?

– Болела, но... ну, не так сильно. – Она вздрогнула. – Прошлой ночью мне снились кошмарные сны о несчастных людях, которые сходят с ума. Я все время просыпалась. Даже хотела пойти и поругаться с Питом. – Она закрыла лицом руками. – Разве ты можешь быть уверен, что это из-за музикрона? Не можешь. Я в это не верю! Не могу поверить!

Эрик встал, подошел к верстаку, порылся в запчастях и, выудив оттуда тетрадь, бросил ее на колени Колин.

– Вот тебе доказательство.

Она посмотрела на тетрадь, не открывая ее.

– Что это?

– Кое-какие расчеты по поводу вашего маршрута. Я попросил турагентство проверить время вашего отправления. Между временем, когда Пит выключал музикрон, и началом эпидемии безумия всегда имеется интервал ровно в двадцать восемь часов. И так в каждом случае.

Колин скинула тетрадь с колен.

– Я тебе не верю! Ты все это выдумал.

Он покачал головой.

– Колин, что, по-твоему, означает тот факт, что в каждом из городов, где вы побывали, началась эпидемия... и в каждом случае спустя двадцать восемь часов после вашего отъезда? Не слишком ли для простого совпадения?

– Я знаю, что это неправда. – Она поджала губы. – Не знаю, что на меня нашло, почему я вообще решила, что ты прав. – Она отвела взгляд. – Этого просто не может быть! Если это правда, то, значит, Пит все это спланировал. Но он совсем не такой. Он добрый, заботливый...

Эрик попытался обхватить ее рукой за плечи.

– Но, Колин, я думал...

– Не трогай меня! Мне все равно, что ты думал и о чем думала я. Мне кажется, ты воспользовался своими познаниями в психологии, чтобы внушить мне отвращение к Пити.

Он покачал головой и снова попытался взять ее за руку. Она отшатнулась.

– Нет! Я должна подумать, но не могу сосредоточиться, когда... когда ты до меня дотрагиваешься. – Она уставилась на него. – Я считаю, ты просто ревнуешь к Пити.

– Это не...

Он замолчал, обратив внимание на какое-то движение у двери лаборатории. Там, опираясь на трость, стоял Пит.

«Как он здесь оказался? – изумился Эрик. – Я ничего не слышал. Как долго он здесь?»

Он встал.

Пит сделал шаг вперед.

– Вы забыли запереть дверь, доктор. – Он посмотрел на Колин. – Это обычное дело. Я тоже забыл. – Он проковылял по комнате, отстукивая тростью мерный ритм. – Вы что-то говорили о ревности. – Пауза. – Мне знакомо это чувство.

– Пит! – Колин уставилась на него, потом вновь повернулась к Эрику. – Эрик, я... – начала она и осеклась.

Пит оперся о трость обеими руками и поднял взгляд на Эрика.

– Вы собирались отобрать у меня все, не так ли, доктор? Любимую женщину, музыкрон. Вы даже собирались распять меня за этот Синдром.

Эрик поднял с пола тетрадь и протянул ее Питу. Тот перевернул ее, посмотрел на обложку.

– Вот доказательство, – сказал Эрик. – Ваш отъезд из города и момент возникновения безумия отделяет двадцативосьмичасовой интервал. Вы уже знаете, что болезнь следовала за вами вокруг света. Нет никаких отклонений. Я все проверил.

Пит побледнел.

– Совпадение. Цифры могут лгать. Я не чудовище.

Колин перевела взгляд с Эрика на Пита.

– Я ему так и сказала, Пит.

– Никто не называет вас чудовищем, Пит... пока что, – сказал Эрик. – Вы *могли бы* стать спасителем. Знания, сокрытые в музыкроне, могут практически истребить безумие. Это позитивная связь с бессознательным... Ее можно активировать в любое время. С соответствующей защитой...

– Чушь! Вы хотите заполучить музыкрон, чтобы присвоить себе всю славу. – Он посмотрел на Колин. – И вы лестью заставили ее помогать вам. – Он усмехнулся. – Меня не в первый раз обманывает женщина. Видимо, мне следовало стать психиатром.

Колин покачала головой.

– Пит, не говори так.

– Ага... А как мне говорить? Ты была никем, канарейкой в хоре, аккомпанировавшем хуле⁵, а я подобрал тебя и сделал звездой. А что ты сделала? – Он отвернулся, тяжело опираясь на трость. – Можете забирать ее, док, она как раз ваш тип!

Эрик протянул руку, но затем убрал ее.

– Пит! Не позволяйте вашим физическим деформациям влиять на ваш разум! Наши чувства к Колин не имеют значения. Мы должны подумать о том, что музыкрон делает с людьми! Подумайте обо всех несчастьях, которые он навлекает на людей... смерть... боль...

– Люди! – прошипел Пит.

Эрик сделал шаг в его сторону.

– Прекратите! Вы знаете, что я прав. Вы можете взять на себя всю ответственность за проект. Можете полностью его контролировать. Вы можете...

– Не шутите со мной, док. Это пытались сделать специалисты и получше. Вы и ваши заумные слова! Вы просто пытаетесь произвести впечатление на малышку. Я вам уже сказал: забирайте ее. Мне она не нужна.

– Пит! Вы...

– Осторожнее, док, вы начинаете выходить из себя!

– Разве можно вести себя иначе, столкнувшись с вашим упрямством?

– Разве это упрямство – бороться с вором, а, док? – Пит плюнул на пол, повернулся к двери, споткнулся о трость и упал.

Колин бросилась к нему.

– Пит, ты не ушибся?

Он оттолкнул ее.

– Я могу сам о себе позаботиться! – Он с трудом поднялся, помогая себе тростью.

– Пит, прошу тебя...

Эрик увидел, что глаза Пита влажно блестят.

– Пит, давайте во всем разберемся.

⁵ Хула – гавайский танец.

– Мы уже разобрались, док. – Он вышел, подволакивая ногу.
Колин замерла в нерешительности.

– Я должна идти с ним. Я не могу позволить ему уйти в таком состоянии. Неизвестно, что он делает.

– Разве ты не видишь, что он делает?

Ее глаза вспыхнули от гнева.

– Я видела, что сделал ты. Как можно быть таким жестоким...

Она повернулась и бросилась вслед за Питом.

* * *

Ее каблуки стучали по лестнице. Хлопнула входная дверь.

На полу рядом с психозондом лежал пустой фанерный ящик. Эрик пнул его ногой, и тот отлетел на другую сторону лаборатории.

– Безрассудная... нервная... капризная... безответственная...

Он замер. В груди разрасталась пустота. Он посмотрел на психозонд.

– Женщины непредсказуемы.

Эрик подошел к верстаку, взял транзистор, положил его, отодвинул кучу резисторов в сторону.

– Я должен был это предвидеть.

Он повернулся, зашагал к двери, и тут в голову пришла мысль, затмившая все прочие и заставившая его оцепенеть:

«Вдруг они уедут из Сиэтла?»

Он бросился вверх по лестнице, преодолевая по три ступеньки за раз, выбежал за дверь и осмотрел улицу. Мимо пронесся скоростной автомобиль с одним пассажиром. Слева приближалась женщина с двумя детьми. Больше на улице никого не было. Из унитуба в половине квартала от его квартиры вышли три девочки-подростка. Эрик направился к ним, но передумал. Учтя, что тубы работали с интервалом в пятнадцать секунд, он упустил шанс перехватить Пита и Колин, пока лелеял обиду.

Он вернулся в квартиру.

«Я должен что-то предпринять, – подумал он. – Если они уедут, Сиэтл постигнет та же участь, что и другие города».

Он уселся перед видеофоном, приложил палец к панели набора, но тут же убрал его.

«Если я позвоню в полицию, там потребуют доказательства. Что я могу показать им, кроме расписаний? – Он посмотрел в окно. – Музикрон! И они увидят... – Он снова потянулся к панели набора, но опять передумал. – Что они увидят? Пит заявит, что я пытался украсть его прибор».

Эрик встал, подошел к окну, посмотрел на озеро.

«Можно позвонить в общество», – подумал он.

Он перебрал в уме нынешних директоров Общества психиатров-консультантов округа Кинг. Все они считали доктора Эрика Лэдда слишком успешным для своего возраста. Кроме того, весьма скептически относились к его исследованиям, связанным с психозондированием. Многие из них находили это смешным.

«Но я должен что-то сделать... Синдром... – Он покачал головой. – Что бы это ни было, придется делать все самому».

Он накинул черный плащ, вышел на улицу и направился в сторону «Гуйдака».

Холодный ветер взбалтывал в заливе белую пену, донося брызги до тротуара у берега. Эрик нырнул в лифт и вышел в ресторан. Девушка у стойки подняла голову.

– Вы один, доктор?

– Я ищу мисс Ланаи.

– Сожалею. Вы, наверное, разминутись с ними на улице. Они с мистером Серантисом только что ушли.

– Вы не знаете, куда они направились?

– К сожалению, нет. Может быть, вам стоит прийти сегодня вечером...

Эрик вернулся к лифту. Охваченный неясной тревогой, он поднялся обратно на улицу. Выходя из купола лифта, он увидел отъезжающий от служебного купола фургон. Эрик положился на собственное чутье и побежал к служебному лифту, который уже начал опускаться.

– Эй!

Гудение лифта остановилось, затем возобновилось. Лифт вернулся на уровень улицы. В нем стоял Томми, помощник официанта.

– В следующий раз вам больше повезет, док.

– Где они?

– Ну...

Эрик сунул руку в карман, выудил банкноту в пятьдесят баксов и зажал ее в руке.

Томми глянул на банкноту, перевел взгляд на Эрика.

– Я слышал, как Пит заказывал билеты на Беллингемский воздушный экспресс в Лондон.

У Эрика скрутило все внутри, будто узлом. Он дышал быстро, часто и все время оглядывался.

– Осталось всего двадцать восемь часов...

– Это все, что мне известно, док.

Эрик испытующе посмотрел помощнику официанта в глаза.

Томми покачал головой.

– Не надо на меня так смотреть! – Он передернул плечами. – У меня от этого Пита мурашки по коже. От его взгляда никуда не денешься. Сидит весь день в своем агрегате, а оттуда ни звука. – Он снова вздрогнул. – Я рад, что он уехал.

Эрик вручил ему монету.

– Недолго тебе радоваться.

– Ага. – Томми вернулся в лифт. – Жаль, что у вас с девчонкой не выгорело, док.

– Подожди...

– Да?

– Мисс Ланаи не оставила сообщения?

Томми сделал едва заметный жест в сторону внутреннего кармана своей униформы. Натренированные глаза Эрика различили это движение. Он шагнул вперед и схватил Томми за руку.

– Отдай!

– Нет, послушайте, док...

– Отдай!

– Док, я не знаю, о чем вы.

Эрик приблизил лицо к лицу юноши.

– Ты видел, что произошло в Лос-Анджелесе, Лотоне, Портленде, во всех городах, где вспыхнул Синдром?

Юноша вытаращил глаза.

– Док, я...

– Дай сюда!

Томми сунул свободную руку под униформу, извлек толстый конверт и сунул его Эрику.

Эрик отпустил его руку. На конверте было написано: «Это докажет, что вы ошибаетесь насчет Пита». И подпись: «Колин».

– Ты собирался оставить это себе?

Томми скривился.

– Любому дураку ясно, что это схема музикрона, док. Ценная штука.

– Ты даже себе не представляешь насколько, – сказал Эрик и поднял голову. – Значит, они едут в Беллингеде?

– Ага.

* * *

Скоростной унитуб доставил Эрика на летное поле в Беллингеде за двадцать одну минуту. Он выскочил, помчался на станцию, расталкивая людей. В дальнем конце поля взмыл в воздух аэропоезд. Эрик оступился и едва не упал.

В здании вокзала от билетных касс мимо него неслись потоки народа. Эрик подбежал к кассе и оперся о стойку.

– Следующий аэропоезд в Лондон?

Девушка на кассе сверилась с экраном.

– Завтра в 12:50 пополудни будет поезд, сэр. Вы только что упустили сегодняшний.

– Но это двадцать четыре часа!

– Вы приедете в Лондон в 4:50, сэр. – Она улыбнулась и покосилась на эмблему на его одежде. – Совсем немного опоздаете на чай.

Эрик ухватился за край стойки и подался вперед.

– Это двадцать девять часов – на час больше, чем нужно.

Он оттолкнулся от кассы и отвернулся.

– Полет длится *всего* четыре часа, сэр.

Он повернулся обратно.

– Могу я заказать частный рейс?

– Сожалею, доктор. Приближается электрическая буря. Придется отключить направляющий луч, и вам вряд ли удастся убедить пилота лететь без луча. Понимаете?

– Есть ли возможность связаться с пассажирами аэропоезда?

– Это личное дело, доктор?

– Это чрезвычайная ситуация!

– Могу я узнать, в чем дело?

Он колебался, глядя на девушку, и подумал:

«Та же проблема... Мне никто не поверит».

– Не важно, – сказал он. – Где ближайший видеофон? Я оставлю ей сообщение на вокзале в Плимуте.

– В конце зала направо, доктор. – Девушка снова занялась билетами, потом спросила, глядя в удаляющуюся спину Эрика: – Это вопрос неотложной медицинской помощи, доктор?

Он остановился, обернулся. В кармане зашуршал конверт. Нашупав бумагу, Эрик вытащил конверт. Во второй раз с тех пор, как Томми передал ему это, Эрик просмотрел сложенные пополам листы с изображением принципиальных схем. На некоторых стояли инициалы К. А.

Девушка ждала ответа.

Эрик убрал конверт в карман. В голове прояснилось. Он глянул на девушку.

– Да, это связано с медициной. Но вы вне опасности.

Он вышел на улицу и направился обратно к унитубу, размышляя о Колин.

«Никогда нельзя верить нервной женщине. Нельзя было позволять инстинктам помутить мне разум».

Он спустился в унитуб, вышел на скоростную полосу и поймал первую проходившую машину. К счастью, она была пуста. Он вытащил конверт во время поездки и изучил его содер-

жимое. Вне всякого сомнения, в конверте были страницы, которые Пит вырезал из инструкции по эксплуатации музикрона. Эрик узнал почерк доктора Аманти.

Когда Эрик включил свет, настенные часы в его лаборатории показывали 2:10 пополудни. Он вынул из своей тетради чистый лист бумаги и написал карандашом:

«КРАЙНИЙ СРОК – 4:00 пополудни, воскресенье, 16 мая».

Он повесил лист над верстаком и развернул схему из конверта. Принялся изучать первую страницу.

«Модуляция по последовательной схеме, – подумал он. – Четверть волны. – Он провел ручкой по странице, проверил следующую. – Множественная фазовая реверсия. – Он перевернул страницу. Ручка замерла. Он обвел схему, вернулся на предыдущую страницу. – Отрицательная обратная связь. – Он покачал головой. – Это невозможно! Это была бы просто мешанина диких модуляций».

Он продолжал изучать схемы, потом остановился и медленно перечитал две последние страницы. Затем еще раз, и еще, и еще. Покачал головой.

«Что это?»

Замысел поражал своей простотой. Но последние десять страниц... На них описывалась серия смутно знакомых деталей, напомнивших ему двухчастотный кристаллический калибратор сверхвысоких колебаний. На полях стояла пометка: «10 000 килогерц». Но он не мог объяснить кое-какие едва заметные различия. Например, здесь имелся значок нижнего предела.

«Целая серия, – подумал он. – Амплитуды следуют друг за другом и изменяются. Но это не случайно. Что-то должно их контролировать, выравнивать».

Внизу на последней странице была приписка: «Важно! Использовать только С6 малые переменные, С7, двойные С8, 4ufd».

«Лампы этой серии уже пятьдесят лет как не выпускают, – подумал Эрик. – Чем же их заменить?»

Он рассмотрел диаграмму.

«Я не успею собрать эту штуку к нужному времени. А даже если и успею, что дальше? – Он вытер пот со лба. – Почему это напоминает мне кристаллический осциллятор?»

Он посмотрел на часы. Прошло два часа.

«Куда ушло время? – спросил он себя. – Мне нужно слишком много времени, чтобы хотя бы понять, что это такое. – Он пожевал губами, глядя на движущуюся малую стрелку часов, и вдруг его осенило: – Магазины радиодеталей скоро закроются, а завтра воскресенье!»

* * *

Он бросился к лабораторному видеофону, попробовал связаться с магазином радиодеталей. Неудачно. Он набрал другой номер, сверившись с телефонным справочником возле аппарата. Неудачно. На пятый раз ему порекомендовали схему замещения с транзисторами, которая могла сработать. Эрик отметил все части, которые предложил клерк, и сообщил ему код своей пневмопочты.

– Их доставят утром в понедельник, сэр, – сказал клерк.

– Но они нужны мне сегодня! До вечера!

– Сожалею, сэр. Детали находятся у нас на складе, в субботу днем там все закрыто.

– Я заплачу за эти детали на сто долларов больше, чем они стоят.

– Мне очень жаль, сэр, это не в моей компетенции.

– Двести.

– Но...

– Триста.

Клерк замялся. Эрик понимал, что он раздумывает. Наверное, триста долларов он зарабатывал за неделю.

– Мне придется самому сходить за ними, когда закончится рабочий день, – сказал клерк. – Вам еще что-нибудь нужно?

Эрик пролистал схемы, зачитал список деталей на полях.

– Получите еще сотню, если доставите их мне до семи вечера.

– Я заканчиваю работу в половине шестого, доктор. Сделаю, что смогу.

Эрик прервал связь, вернулся к верстаку и начал черновую работу по схеме с имевшимися у него материалами. Психозонд образовывал базовый элемент, и требовалось на удивление мало изменений.

В 5:40 наверху звякнул трансграф. Эрик отложил паяльник, поднялся в комнату, вытянул ленту. У него задрожали руки, когда он увидел, откуда было послано сообщение. Лондон.

«Не пытайся снова со мной увидеться, – прочел он. – Твои подозрения совершенно необоснованны, как ты, наверное, уже понял. Мы с Питом поженимся в понедельник. Колин».

Он сел рядом с передатчиком, ввел сообщение в «Америкен экспресс» для Колин Ланаи и поставил код «срочно».

«Колин, если ты не думаешь обо мне, прошу, подумай о том, что это означает для города, в котором столько людей. Пока не поздно, привези Пита и машину обратно. Нельзя быть такой жестокой».

Он помедлил, добавил: «Я люблю тебя» и подписал: «Эрик».

«Дурак ты, Эрик, – сказал он себе. – И это после того, как она от тебя сбежала».

Он пошел в кухню, принял капсулу, чтобы побороть усталость, съел обед в таблетках, выпил чашку кофе. Он прислонился к сушилке для посуды, ожидая действия капсулы. В голове прояснилось. Он плеснул в лицо холодной воды, вытерся и вернулся в лабораторию.

В 6:42 раздался звонок входной двери. На экране возник служащий из магазина радиодеталей, державший в руках увесистый пакет. Эрик ввел код открытия двери и сказал в трубку:

– Первая дверь налево, внизу.

Задняя стенка верстака вдруг задрожала. По каменной кладке пробежала рябь. На мгновение Эрик перестал ориентироваться в пространстве. Он прикусил губу, и боль вернула его к действительности.

«Слишком рано, – подумал он. – Видимо, просто нервы сдают. Слишком сильное напряжение».

В его сознании блеснула мысль о природе Синдрома. Он схватил блокнот и написал: «Потеря автономии подсознания; сверхстимуляция подсознательных рецепторов; большое восприятие – малое восприятие. Проверить теорию коллективного бессознательного К. Юнга».

На лестнице послышались шаги.

– Мне сюда?

Клерк оказался выше ростом и крупнее, чем Эрик предполагал. Он осматривал лабораторию с юношеским восхищением.

– Вот это оборудование! – воскликнул он.

Эрик расчистил место на верстаке.

– Положите сюда, – сказал он, не сводя глаз с изящных рук клерка.

Тот поставил пакет на верстак, взял кристаллический осциллятор и начал его рассматривать.

– Вы разбираетесь в электронных схемах? – спросил Эрик.

Клерк поднял глаза и широко улыбнулся.

– У меня уже десять лет своя любительская радиостанция – W7CGO.

Эрик протянул ему руку.

– Я доктор Эрик Лэдд.

- Болдуин Платт... Болди. – Он провел изящной рукой по редющим волосам.
- Рад познакомиться, Болди. Не хотите заработать еще тысячу баксов сверх того, что я вам уже пообещал?
- Вы шутите, док?
- Эрик повернул голову и посмотрел на каркас психозонда.
- Если я не закончу эту штуку завтра до четырех, с Сиэтлом случится то же самое, что с Лос-Анджелесом.
- Болди уставился на каркас выпученными глазами.
- Синдром? Но как...
- Я установил, что вызывает Синдром. Машина вроде этой. Я должен собрать копию той машины и сделать так, чтобы она работала. Иначе...
- Клерк смотрел на него ясными, серьезными глазами.
- Я увидел табличку с вашим именем наверху, док, и вспомнил, что читал про вас.
- И?
- Если вы уверены, что обнаружили причину возникновения Синдрома, я готов поверить вам на слово. Только не пытайтесь объяснить мне ее. – Он бросил взгляд на детали на верстаке, затем снова на психозонд. – Скажите, что надо делать. – Пауза. – Надеюсь, вы знаете, о чем говорите.
- Я обнаружил кое-что, что никак не может быть простым совпадением, – сказал Эрик. – В сочетании с тем, что мне известно о психозондировании... – Он заколебался. – Да, я знаю, о чем говорю.
- Эрик взял с края верстака бутылочку, посмотрел на этикетку и вытряхнул капсулу.
- Вот, примите. Это поможет вам не заснуть.
- Болди проглотил капсулу.
- Эрик рассортировал бумаги на верстаке и отыскал первую страницу.
- Значит, вот с чем мы имеем дело. Тут имеется хитрое волновое соединение с усилителем, с которым нам придется основательно повозиться.
- Болди посмотрел через плечо Эрика.
- На первый взгляд, не очень трудно. Давайте я над этим поработаю, пока вы занимаетесь чем-нибудь посложнее. – Он передвинул схему на расчищенный угол верстака. – Что должна делать эта штуковина, док?
- Она создает поле импульсов, которые поступают прямо в подсознание человека. Поле искажает...
- О'кей, док, – перебил Болди. – Я забыл, что сам просил вас не пускаться в объяснения. – Он улыбнулся. – Я провалил социологию. – Его лицо сделалось серьезным. – Просто буду действовать под вашим руководством. Думаю, вы знаете, в чем тут дело. В электронике я прилично разбираюсь, а вот в психологии – полный профан.

* * *

Они работали в тишине, которая изредка нарушалась вопросами и бормотанием себе под нос. Секундная стрелка на настенных часах все кружилась и кружилась, за ней минутная, потом часовая.

В 08:00 утра они заказали завтрак. Раскладка кристаллических осцилляторов все еще озадачивала их. Да и сама схема выглядела чуть ли не как стенографическая запись.

Первым успеха добился Болди.

– Док, эти штуки должны издавать звук?

Эрик посмотрел на схему.

– Что? – Он раскрыл глаза шире. – Конечно, они должны издавать звук.

Болди облизнул губы.

– Есть такой специальный сонар, с помощью которого отслеживают подлодки. Эта штука чем-то похожа на него, но со всякими странными изменениями.

Эрик прикусил губу. Глаза заблестели.

– Понятно! Вот почему нет управляющего блока! Вот почему все выглядит так, будто эти штуки передают во все стороны! Все контролирует оператор – его разум поддерживает баланс!

– Как это? – удивился Болди.

Эрик пропустил мимо ушей его вопрос и продолжил:

– Но это значит, что у нас неподходящие кристаллы. Мы неправильно прочли список деталей. – От отчаяния у него сразу поникли плечи. – А ведь мы еще не сделали и половину дела.

Болди постучал пальцем по схеме.

– Док, у меня дома есть кое-какое старое оборудование для сонаров. Я позвоню жене, и она принесет. Думаю, там шесть-семь сонопультаторов, они нам пригодятся.

Эрик посмотрел на часы. 08:28 утра. Еще семь с половиной часов.

– Скажи, пускай поторопится.

* * *

Миссис Болди была женской версией своего мужа. Она с небрежной легкостью несла тяжелый деревянный ящик вниз по лестнице.

– Привет, милый. Куда это поставить?

– На пол... куда угодно. Док, это Бетти.

– Здравствуйте.

– Здорово, док. В машине еще кое-что осталось. Сейчас принесу.

Болди взял ее за руку.

– Давай лучше я. Не стоит тебе таскать тяжелый груз, особенно по лестнице.

Она отстранилась.

– Давай-ка возвращайся к работе. Мне это только на пользу... Мне нужны физические упражнения.

– Но...

– Не спорь со мной. – Она оттолкнула мужа.

Тот нехотя вернулся к верстаку, не сводя взгляда с жены. Она посмотрела на Болди из дверного проема.

– Ты неплохо выглядишь, милый, для человека, который всю ночь не спал. К чему такая спешка?

– Позже объясню. Тащи все остальное.

Болди принялся копаться в принесенном ею ящике.

– Вот они.

Он вынул два маленьких пластиковых футляра, передал их Эрику, затем вытащил еще и еще. Всего их оказалось восемь. Они расставили футляры на верстаке. Болди щелкнул крышкой первого.

– Это в основном печатные платы, кристаллические диодные транзисторы и несколько ламп. Отличный набор. Не знаю, что я вообще собирался с ними делать, но уж очень выгодная была цена – по два бакса за штуку. Не устоял. – Он опустил боковую пластину. – Вот крис... Док!

Эрик склонился над футляром. Болди запустил в него руку.

– Что за лампы вам были нужны?

Эрик схватил схему и провел пальцем по списку деталей.

– С6 малая переменная, С7, двойная С8, 4ufd.

Болди вытащил лампу.

– Вот вам С6. – Он вытащил следующую. – Вот С8. – И еще одну. – Вот С7. Там есть еще третий каскад, но не думаю, что он нам пригодится. Мы можем найти какую-нибудь замену 4ufd. – Болди тихо присвистнул. – Неудивительно, что схема выглядит знакомой. Она разработана на базе военного оборудования.

Эрик ощутил минутное ликование, которое вмиг испарилось, как только взгляд его упал на настенные часы: 09:04 утра.

«Нужно работать быстрее, иначе не успеть к сроку, – подумал он. – Осталось меньше семи часов».

– Давайте займемся делом, – сказал он. – У нас мало времени.

По лестнице спустилась Бетти с очередным ящиком в руках.

– Мальчики, вы завтракали?

– Да, – ответил Болди, не отрываясь от второго пластикового футляра, который он открывал. – Но ты бы сделала нам сэндвичи на потом.

Эрик оторвался от другого пластикового ящичка.

– В шкафу наверху полно еды.

Постукивая каблуками, Бетти поднялась по лестнице.

Болди краем глаза посмотрел на Эрика.

– Док, вы только не рассказывайте Бетти, в чем тут дело. – Он снова повернулся к ящику и погрузился в работу. – Месяцев через пять мы ожидаем нашего первенца. – Он глубоко вдохнул. – Вы меня убедили. – По его носу скатилась капелька пота и упала ему на руку. Он вытер ее о рубашку. – Это должно сработать.

– Эй, док, где у вас открывалка? – донесся сверху голос Бетти.

Эрик по плечи погрузился в психозонд. Чтобы ответить, ему пришлось вылезти.

– Слева от раковины есть автоматическая.

Из кухни раздалось бормотание, ворчание и звон.

Вскоре появилась Бетти с тарелкой сэндвичей и перевязанным большим пальцем на левой руке.

– Сломала нож для чистки овощей, – сказала она. – Эти механические приборы повергают меня в ужас. – Она ласково посмотрела на спину мужа. – Он любит всю эту технику так же, как вы, док. Дай ему волю, он превратил бы мою старую добрую кухню в электронный кошмар. – Перевернув пустую коробку, она поставила на нее тарелку с сэндвичами. – Поешьте, когда проголодаетесь. Я могу еще чем-нибудь помочь?

Болди отошел от верстака.

– Почему бы тебе не провести день у мамы?

– Весь день?

Болди посмотрел на Эрика, затем на жену.

– Док платит мне тысячу четыреста баксов за целый день работы. Это нам на ребенка. А теперь беги.

Она хотела было что-то сказать, но закрыла рот, подошла к мужу и поцеловала его в щеку.

– Хорошо, милый. Пока.

Бетти ушла, а Эрик и Болди вернулись к работе. Напряжение возрастало с каждой минутой. Продвигались они очень медленно, методично выверяя каждый шаг.

В 3:20 пополудни Болди отсоединил зажим от новой резонансной цепи и посмотрел на часы. Он снова перевел взгляд на психозонд, прикидывая, сколько еще осталось сделать. Эрик лежал на спине под машиной, спаивая новые соединения.

– Док, мы не успеем. – Болди оперся о верстак, положив на него тестер. – Нам просто не хватит времени.

Из-под психозонда появился электронный паяльник. Затем высунулся Эрик, посмотрел на часы, потом на не подсоединенные к кварцевым контурам провода. Встал, вытащил из кармана чековую книжку и выписал Болдуину Платту чек на тысячу четыреста долларов.

– Вы заработали каждый цент, Болди, – вручая помощнику чек, сказал он. – А теперь идите к жене.

– Но...

– У нас нет времени на споры. Заприте за собой дверь, чтобы вы не смогли попасть обратно, если...

Болди поднял правую руку, снова опустил ее.

– Док, я не могу...

– Ничего страшного, Болди. – Эрик тяжело вздохнул. – Я примерно представляю себе, что со мной станет, если не успею вовремя. – Он посмотрел на Болди. – А вот насчет вас не уверен. Может, вы... ну... – Он пожал плечами.

Болди кивнул.

– Наверное, вы правы, док. – Он сжал губы, внезапно повернулся и побежал вверх по ступенькам. Раздался хлопок входной двери.

Эрик вернулся к психозонду, взял свободный провод кварцевого контура, вставил его в гнездо и капнул на соединение немного олова с паяльника. Потом перешел ко второму блоку, затем к следующему...

На часах было без одной минуты четыре. Работы с психозондом оставалось больше, чем на час, а потом... Он не знал, что будет потом. От усталости в глазах потемнело. Откинувшись на верстак, Эрик достал из кармана сигарету, щелкнул зажигалкой и сильно затянулся. Вспомнился вопрос Колин: «Каково это – быть сумасшедшим?» Он уставился на тлеющий огонек сигареты.

«Как я поведу себя в состоянии безумства? Разнесу психозонд на части? Или возьму ружье и пойду охотиться на Колин и Пита? А может, я выбегу на улицу?..»

Часы над ним щелкнули. Эрик напрягся.

«Каково это?»

Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Волна грусти накрыла все его эмоции. От жалости к себе на глазах выступили слезы. Эрик яростно стиснул зубы. «Я не безумен... Я не безумен...» Он вонзил ногти в ладони и несколько раз глубоко, судорожно вдохнул. В голове роились неопределенные мысли.

«Я потеряю сознание... невнятность дебильности... бесноватая одержимость... головокружение... внутренняя сущность, вырастающая из либидо... тропическая лихорадка... сумасшедший, как мартовский заяц...»

Он опустил голову.

«...*Non compos mentis... aliéné... avoir le diable au corps...*⁶ Что произошло с Сиэтлом? Что произошло с Сиэтлом? Что произошло...»

Дыхание выровнялось. Эрик моргнул. Кажется, ничего не изменилось... не изменилось... не изменилось...

«Меня заносит. Надо взять себя в руки».

Он почувствовал жжение в пальцах правой руки и бросил окурок.

«Неужели я ошибся? Интересно, что творится снаружи?» – лихорадочно размышлял он.

Когда он был уже на полпути к лестнице, неожиданно погас свет. Грудь сдавило. Эрик на ощупь пробрался к двери, ухватился за перила и выбрался в тускло освещенный коридор. Он посмотрел на блоки из цветного стекла рядом с дверью и напрягся, услышав оружейные залпы

⁶ Не в здравом уме (лат.); сумасшедший... одержимый (фр.).

на улице. Точно во сне он прошел в кухню и, встав на цыпочки, выглянул в вентиляционное отверстие над раковиной.

Люди! Улица кишела людьми. Одни бежали, другие уверенно куда-то шли, третьи бесцельно бродили. Одни были полностью одеты, другие – лишь частично, третьи шли нагишом. На тротуаре напротив распростерты в луже крови лежали тела мужчины и ребенка.

Эрик покачал головой и пошел в гостиную. Свет внезапно вернулся, снова погас, опять загорелся и уже не отключался. В поисках новостей Эрик включил видео, но увидел лишь полосы. Он перевел телевизор в режим ручного управления, выбрал станцию в Такоме. Опять полосы.

Вещала Олимпия. Ведущий читал прогноз погоды:

– Переменная облачность, завтра днем ожидаются ливневые дожди. Температура...

В поле зрения диктора оказалась рука, держащая лист бумаги. Он остановился и рассмотрел листок. Руки у него задрожали.

– Внимание, срочное сообщение! Наша передвижная студия передает из Клайд-Филд, где проходят гонки на турбоболидах. Корреспонденты сообщают, что города-спутники Сиэтл и Такому поразили Скрэмбл-синдром. По нашим данным, заражено более трех миллионов человек. Предпринимаются экстренные меры. Дороги из городов заблокированы. Известно, что есть жертвы, но...

Диктору вручили новый листок. Лицо его исказилось, когда он начал читать.

– Турбоболид врезался в толпу зрителей в Клайд-Филд. По предварительным данным погибло около трехсот человек. Медицинская помощь пока недоступна. Просим всех врачей, которые нас слышат – всех врачей, – немедленно связаться с федеральным штабом по чрезвычайным ситуациям. Срочные медицинские...

Свет опять мигнул, и экран погас.

Эрик задумался.

«Я врач. Должен ли я выйти на улицу и сделать все, что возможно с медицинской точки зрения, или же мне лучше вернуться вниз и закончить психозонд – теперь, когда моя правота доказана? Если он заработает, принесет ли это хоть какую-то пользу? – Он заметил, что дышит глубоко и ритмично. – Или я впал в безумство, как и все остальные? Я действительно делаю то, что мне кажется? Или я сошел с ума и все это мне снится? – Он хотел было ущипнуть себя, но знал, что это ничего не докажет. – Я должен продолжать вести себя так, будто я здоров. Все остальное – *на самом деле сумасшествие*».

* * *

Эрик предпочел заняться психозондом, нашел в спальне фонарик и вернулся в подвальную лабораторию. Под ящиками в углу стоял давно не использованный запасной генератор. Выкатив генератор на середину комнаты, Эрик внимательно осмотрел его. Мощная спиртовая турбина, по-видимому, была в рабочем состоянии. Подпружиненная крышка топливного бака отскочила, когда он открыл ее. Бак был более чем наполовину полон. В углу, где хранился генератор, Эрик нашел две бутылки со спиртом. Он залил топливо, закрыл крышку и накачал в бак воздух.

Эрик подсоединил силовой кабель генератора к распределительному щитку лаборатории. Стартер сработал на первом обороте. Турбина загудела в полном звуковом диапазоне. В лаборатории загорелся свет, поначалу тусклый, потом более ровный.

Настенные часы показывали 7:22 вечера. Эрик припаял последний провод. Он рассчитал, что генератор заработал с полчасовой задержкой, следовательно, на самом деле было около восьми вечера. Его охватило сомнение, странное нежелание испытать законченную машину. Его бывший энцефалорекордер напоминал таинственный лабиринт переплетенных проводов,

защитных экранов, нагромождения трубок и кристаллов. Единственной знакомой частью в трубчатом каркасе аппарата оставалась каска с контактами, нависающая над креслом.

Эрик подключил кабель к портативному переключателю, который поместил внутри машины рядом с креслом. Отодвинув пучки проводов, забрался в кресло. Рука легла на выключатель, но он колебался.

«Я действительно сижу здесь? – гадал он. – Или это лишь фокус подсознания? Возможно, я сосу палец где-нибудь в углу. Может, я разнес психозонд на куски. Или я собрал его так, что он убьет меня, как только я нажму на кнопку включения».

Он взглянул на выключатель и убрал руку.

«Но не могу же я просто так здесь сидеть, – подумал он. – Это тоже своего рода безумие».

Он потянулся к каске и надел ее на голову. Ощутил уколы контактов, коснувшихся его кожи сквозь волосающей покров. Анестезия подействовала, уменьшив чувствительность кожи.

«Это похоже на реальность, – подумал он. – Но, возможно, я воссоздаю все это по памяти. Вряд ли я единственный психически здоровый человек в городе. – Он снова протянул руку к выключателю. – Но я должен действовать так, как будто это правда».

Палец двинулся будто бы по собственной воле и нажал на выключатель. Лаборатория тут же наполнилась тихим гулом. Звук колебался от диссонанса к гармонии, словно полужабытая музыка. Тон то повышался, то понижался.

Пестрые картины безумия грозили захватить сознание Эрика. Он провалился в водоворот. Перед глазами сверкала яркая спектрограмма. Лишь где-то на границе разума сохранялась четкая картина ощущений, реальность, за которую можно удержаться, которая спасет его... Этой реальностью было кресло психозонда, в котором он сидел.

Его все глубже затягивало в водоворот. Перед глазами все стало серым, превратилось в картинку, видимую с другого конца телескопа. Он увидел мальчика, державшего за руку женщину в черном платье. Эти двое вошли в похожую на зал комнату. И вдруг Эрик перестал видеть их со стороны, он снова стал собой, девятилетним, идущим к гробу. Снова ощутил смешанное с ужасом восхищение, услышал, как всхлипывает мать, как высокий худой гробовщик что-то бессмысленно бормочет шепотом. Перед ним стоял гроб, а в нем – бледное, будто восковое тело, отдаленно напоминавшее отца Эрика. На глазах у Эрика лицо растаяло и превратилось в лицо его дяди Марка, затем сменилось другой маской – лицом его школьного учителя геометрии. «Это мы упустили в психоанализе», – подумал Эрик. Он смотрел, как подвижное лицо в гробу снова меняется. Теперь перед ним был профессор, который преподавал ему психологию, затем его собственный терапевт, доктор Линкольн Ордуэй, и, наконец – против этого он взбунтовался, – доктор Карлос Аманти.

«Значит, вот каким я все эти годы хранил в памяти образ отца, – подумал он. – Это значит... Это значит, что я так и не перестал искать отца. Интересное открытие для психоаналитика о самом себе! – Он задумался. – Почему я все это увидел? Интересно, прошел ли через нечто подобное Пит у себя в музикроне? – Вмешалась другая часть его сознания: – Разумеется, нет. Человек должен хотеть заглянуть вглубь себя, иначе он никогда ничего не увидит, даже если получит такую возможность».

Казалось, другая половина разума вдруг захватила контроль над его сознанием. Познание себя отошло в сторону, превратилось в пятнышко, проносящееся в памяти столь быстро, что он едва мог различить отдельные события.

«Я умираю? – спросил он себя. – Жизнь пролетает у меня перед глазами?»

Калейдоскоп видений резко остановился, и он увидел Колин – такой, какой она была в его сне. Мысленный экран переключился на Пита. Эрик рассматривал этих двоих по отношению к себе, не до конца понимая связь. Они представляли собой катализатор, не добро и не зло, а просто реагент, который привел в движение цепь событий.

Неожиданно Эрик почувствовал, как его сознание расширяется, захватывает все его тело. Ему были известны состояние и функции каждой железы, каждого мышечного волокна, каждого нервного окончания. Он сосредоточил внутренний взгляд на сером водовороте, через который прошел. В этот водоворот просочился красный лучик, изменчивый, извивающийся, струящийся мимо. Эрик последовал за красной полоской. У него в сознании формировалась картина, растущая, словно пробуждение после наркоза. Он смотрел на длинную улицу, купавшуюся в тусклых весенних сумерках. На него с грохотом неслись турбоавтомобиль с включенными фарами. Машина все приближалась, и фары горели, словно глаза гипнотизера. С этим видением в нем зародилась мысль: «Надо же, как красиво!»

Он среагировал инстинктивно. Ощутил, как напряглись мышцы, и отскочил в сторону. Пролетевшая мимо машина обдала его потоком горячего воздуха. В голове шевельнулась жалобная мысль: «Где я? Где мама? Где Беа?»

Эрику свело желудок. Он понял, что пребывал в чужом сознании, видел чужими глазами, ощущал чужими нервами. Он дернулся и вырвался из чужого сознания, будто дотронулся до нагретой плиты.

«Так вот почему Пит так много знал, – подумал он. – Пит сидел у себя в музикроне и видел нашими глазами».

Еще одна мысль: «Что я здесь делаю?»

Он почувствовал под собой кресло психозонда и услышал, как новое существо внутри него сказал:

– Мне понадобится больше квалифицированных специалистов.

Он последовал за другой красной полосой, не нашел того, что искал, и выбрал следующую. Чувство ориентации было странным: он не мог точно определить, где верх, где низ, или найти какие-либо опорные точки, пока не посмотрел чужими глазами. Наконец, он выглянул чужими-то глазами из открытого окна сорокового этажа бизнес-центра. Он чувствовал, как в этом человеке растет желание покончить с собой. Эрик осторожно коснулся центра его сознания, пытаясь узнать имя... Доктор Линкольн Ордуэй, психоаналитик.

«Даже сейчас я обращаюсь к собственному терапевту», – подумал Эрик.

Он напряженно отступил на нижний уровень подсознания, зная, что малейшая ошибка может привести к смерти этого человека, заставить его выпрыгнуть из окна. Нижний уровень внезапно взорвался, превратившись во вращающееся пурпурное колесо света. Колесо замедлилось и превратилось в мандалу, четыре точки которой составляли открытое окно, гроб, древо жизни и лицо человека, в котором Эрик узнал свое собственное, но искаженное. Лицо было мальчишеским и немного безжизненным.

* * *

«Аналитик тоже привязан к тому, кого считает своим пациентом», – подумал Эрик.

Эта мысль заставила его аккуратно, ненавязчиво продвинуться в образ самого себя и начать расширять свое влияние на сознание другого человека. Он нацелил экспериментальную мысль в почти осязаемую стену сознания доктора Ордуэя:

«Линк, – шепотом начал он, – не прыгай. Слышишь меня, Линк: не делай этого. Городу нужна твоя помощь».

Часть разума Эрика осознала, что, если психоаналитик почувствует вторжение в его разум, это может нарушить баланс и подтолкнуть его к окну. В другой части его мозга назрело понимание того, зачем нужен этот человек и другие ему подобные: образы безумия, переданные Питом Серантисом, могли быть нейтрализованы только передачей в эфир спокойствия и душевного здоровья.

Эрик напрягся и слегка ослабил свое воздействие, почувствовав, что психоаналитик придвинулся ближе к окну.

– Отойди от окна! Отойди... – зашептал он прямо в чужое сознание.

Линкольн сопротивлялся! Белый свет заполнил мысли Эрика, отвергая его воздействие. Ему казалось, что он опять плывет в серый водоворот, растворяется в нем. Приблизился красный лучик, а вместе с ним в мозг Эрика проник вопрос, зародившийся в чужом сознании.

«Эрик? Что это такое?»

Эрик прокрутил в мозгу конструкцию психозонда, закончив мысль объяснением, для чего он нужен.

Вопрос: «Эрик, почему Синдром не затронул тебя?»

«Из-за того, что я много времени провел в поле действия собственного психозонда. Благодаря этому возникла сильная сопротивляемость искажению подсознания».

«Забавно, но я как раз собирался выброситься из окна, когда вдруг почувствовал твоё вмешательство. Что-то... – Красный лучик придвинулся ближе. – ...вроде этого».

Их сознания слились воедино.

– Что дальше? – спросил доктор Ордуэй.

– Нам понадобятся все квалифицированные специалисты, которых только можно найти в городе. Остальные вытолкнут эти ощущения за порог сознания.

– Влияние твоего психозонда может успокоить всех.

– Да, но если машину выключить или если люди попадут за пределы его поля, все снова начнется.

– Придется проникнуть в подсознание каждого человека в городе и привести все в порядок!

– Не только в *этом* городе. В каждом городе, где Серантис побывал с музыкром и где еще побывает, пока мы его не остановим.

– Как музыкрон это сделал?

Эрик проецировал смесь концепций и образов:

– Музыкрон толкал нас в глубь коллективного бессознательного и оставлял болтаться там, пока мы находились в зоне его действия. – Изображение веревки, висящей в клочьях тумана. – Потом музыкрон выключили. – Изображение ножа, режущего веревку, часть которой падала, поглощенная серым водоворотом. – Понимаешь?

– Если мы должны нырнуть в этот водоворот и вытащить из него всех этих людей, не лучше ли начать прямо сейчас, верно?

* * *

Невысокий мужчина, погрузив пальцы в мягкую известковую почву цветочной клумбы, смотрел пустыми глазами на разорванные листья. Имя: доктор Гарольд Марш, психолог. Медленно, ненавязчиво они вовлекли его в сеть психозонда.

Женщина в тонком домашнем халате готовится прыгнуть с края пирса. Имя: Лоис Вурхис, аналитик-любитель. Они быстро вернули ей рассудок.

Эрик последовал за красным лучиком в сознание соседа и увидел чужими глазами, как к людям вокруг возвращается рассудок.

Словно круги на поверхности пруда, по городу расходилось подобие душевного здоровья. Заработало электричество, восстановилась работа экстренных служб. Глаза клинического психолога на востоке города передали изображение реактивного самолета, направлявшегося в Клайд-Филд. Через мозг психолога в сети возникли мысли женщины, терзавшее ее чувство вины, угрызения совести и отчаяние.

Колин!

Сеть осторожно запустила щупальце мысли в сознание Колин и нашла там ужас.

«Что со мной происходит?!»

«Колин, не бойся, – сказал Эрик. – Это я. Мы постепенно восстанавливаем порядок, благодаря тебе и схеме музикрона». – Он передал ей общую модель их достижений.

«Я не понимаю. Ты...»

«Тебе пока не нужно ничего понимать. – И нерешительно: – Я рад, что ты вернулась».

«Эрик, я вернулась, как только услышала... как только поняла, что ты был прав насчет Пита и музикрона. – Она помолчала. – Мы идем на посадку».

Чартерный самолет Колин приземлился на посадочную полосу, доехал до ангара, и его тут же окружили солдаты национальной гвардии. Она отправила мысль:

«Мы должны как-нибудь помочь Лондону. Пит угрожал разбить музикрон и покончить с собой. Он пытался силой задержать меня».

«Когда?»

«Шесть часов назад».

«Неужели прошло уже столько времени с начала Синдрома?»

«Каков он, этот Серантис?» – вмешалась сеть.

Мысли Колин и Эрика слились, передавая образ Пита.

Сеть: «Он не станет кончать с собой или разбивать машину. Для этого он слишком эгоистичен. Он пустится в бег. Мы найдем его, как только он нам понадобится... если толпа не доберется до него раньше».

«Майор национальной гвардии не даст мне выйти из аэропорта», – перебила Колин.

«Скажи ему, что ты медсестра, приписанная к больнице Мэйнард».

Индивидуальная мысль из сети: «Я предоставляю подтверждение».

Эрик: «Поторопись... дорогая. Нам нужна помощь всех, кто невосприимчив к воздействию психозонда».

Мысли из сети: «Это хорошее обоснование. Каждый человек сходит с ума по-своему. Ну, хватит заниматься ерундой – за работу!»

Исчезнувшие собаки

Над песчаными равнинами Нью-Мехико летел, рассекая воздух лезвиями лопастей, зеленый турбовертолет. Перед ним в лучах заходящего солнца тянулись вечерние тени – туда, где земля резко уходила в речной каньон. Вертолет приземлился на каменистом плато, открылся люк, и из него выбросили металлическую клетку с самкой койота внутри. Дверца клетки распахнулась. Животное выскочило из своей тюрьмы и бросилось бежать. Оно промчалось по плато, прыгнуло на выступ, тянувшийся вдоль стены каньона, и скрылось из виду за поворотом. В крови у него содержался мутировавший вирус свиной чумы.

* * *

В лаборатории царил острый запах химикатов – йодоформа и эфира. К нему примешивался запах мускуса и мокрой шерсти, характерный для помещений, в которых животные содержатся в клетках. В дальнем углу комнаты в клетке грустил затравленный фокстерьер. На секционном столе в центре лаборатории лежали останки пуделя, к лапке которого была прикреплена бирка: «Х-8, ВЕТЕРИНАРНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ПУЛЛМАНА, ЛАБОРАТОРИЯ Е». Всю эту картину равнодушно, не оставляя теней, освещали регулируемые лампы.

Биолог Варли Трент, худощавый, темноволосый человек с угловатым лицом, положил скальпель на лоток возле мертвого пуделя, сделал шаг назад и посмотрел на доктора Вальтера Хань-Меерса, профессора ветеринарной медицины. Профессор был пухлым и светловолосым, смешанных китайско-голландских корней, имел гладкую кожу и напоминал восточного божка. Он стоял у секционного стола и смотрел на пуделя.

– Очередная неудача, – сказал Трент. – После каждого вскрытия я говорю себе, что скоро собак на Земле вообще не останется.

Профессор кивнул.

– Пришел сообщить последние новости. Не знаю, каким образом нам поможет эта информация, но все началось с койота.

– Койота?

Профессор Хань-Меерс отыскал стул, подтянул его к себе и сел.

– Да. Об этом объявил рабочий с ранчо в Нью-Мехико. Он поговорил с властями. Его босс, парень по имени Портер Деркин, доктор ветеринарной медицины, возглавляет ветеринарную лечебницу на том ранчо. Он использовал радиоактивный углерод, чтобы вызвать мутацию вируса свиной чумы. Надеялся так прославиться. Правительству пришлось ввести туда войска, чтобы уберечь его от расправы.

Трент провел рукой по волосам.

– Неужели этот идиот не понимал, что болезнь распространится и на других представителей семейства собачьих?

– Видимо, он вообще об этом не думал. У него лицензия от одного из мелких колледжей, специализирующихся на свиньях, но не представляю, как такой дурак мог получить ученую степень.

– А что там с койотом?

– О, это был большой успех. Фермеры, разводящие овец, говорят, что уже больше месяца койоты не убивают их скот. Теперь их беспокоят только медведи, пумы и отсутствие собак, которые...

– Кстати, о собаках, – сказал Трент. – К завтрашнему дню нам понадобятся еще подопытные. Сыворотка номер девять никак не подействовала на этого фокстерьера. Он умрет сегодня ночью.

– Завтра у нас будет много подопытных, – пообещал Хань-Меерс. – Два последних собачьих изолятора в Канаде сегодня утром сообщили о наличии первичных признаков заражения.

Трент постучал пальцами по столешнице.

– Как правительство собирается поступить в связи с предложением биофизиков с Веги? Хань-Меерс пожал плечами.

– Все равно откажемся. Вегане хотят полностью контролировать проект. Ты же знаешь их репутацию в области биофизических изменений. Может, они и спасут наших собак, но, в конечном счете, это будут уже не собаки. Это будет какое-то длинное, многоногое чудовище с чешуйчатым хвостом. Хотел бы я знать, чем их так привлекают рыбы хвосты.

– Связанные гены, – сказал Трент. – Объединенные информационные факторы. Они используют свои генераторы *микеза* для разделения пар в геноме и...

– Точно, – подхватил Хань-Меерс, – ты же с ними учился. Как зовут того веганина, о котором ты все время говоришь?

– Гер (свист) Ансо-Ансо.

– Ну да, он самый. Он ведь сейчас на Земле в составе веганской делегации?

Трент кивнул.

– Я познакомился с ним десять лет назад на конференции в Квебеке – за год до того, как мы отправились на Вегу проводить биофизические исследования. Хороший парень, если узнать его поближе.

– Это не для меня. – Хань-Меерс покачал головой. – С этими заносчивыми дылдами я чувствую себя каким-то ущербным. И они все время трындят про эти свои чертовы генераторы *микеза* и свои подвиги в биофизике.

– Но они действительно совершают подвиги.

– Потому-то они меня так и раздражают!

Трент рассмеялся.

– Если тебе от этого легче, вегане, может, и гордятся своей биофизикой, но наши инструменты вызывают у них смертельную зависть.

Хань-Меерс фыркнул.

– Я все равно думаю, что стоит отправить им собак для проведения опытов, – сказал Трент. – Видит Бог, скоро у нас вообще не останется ни одного пса.

– Пока в Федеративном Сенате заседает Гильберто Наталь, мы не сможем отправить им ни единого больного спаниеля, – сказал Хань-Меерс. – Стоит только затронуть эту тему, как он тут же вскакивает и начинает кричать о достоинстве землян и угрозе внеземного вторжения.

– Но...

– Не так много времени прошло с Денебианской кампании, – напомнил Хань-Меерс.

Трент облизнул губы.

– Ммм... Гм. Как идет работа в других исследовательских центрах?

– Так же, как у нас. Утренний доклад очень многословный, а в результате – большой круглый ноль. – Хань-Меерс извлек из кармана желтый лист бумаги. – Вот, посмотри. Все равно скоро всем станет известно.

Он сунул бумагу в руку Тренту.

Трент бросил взгляд на заголовок:

БЮРОГРАММА – ДЕПАРТАМЕНТ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И САНИТАРИИ – ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ.

Он посмотрел на Хань-Меерса.

– Прочти, – сказал профессор.

Трент снова перевел взгляд на бюрограмму.

– «Врачи департамента сегодня подтвердили, что Вирус D-D, поражающий представителей семейства собачьих во всем мире, смертелен в ста процентах случаев. Несмотря на карантин, болезнь продолжает распространяться. Вирус является родственным возбудителю свиной чумы, но выживает при применении раствора протомицетина, достаточно сильного, чтобы убить любой другой вирус из списка. Он также демонстрирует способность долгое время находиться в латентном состоянии и переходить в анаэробное состояние. Если в ближайшие два месяца не будет создан соответствующий антивирусный препарат, способный погасить эпидемию, Земля рискует потерять всю популяцию волков, собак, лис, койотов...»

Трент поднял глаза на Хань-Меерса.

– Все мы подозревали, что дело плохо, но... – Он постучал пальцем по бюрограмме.

Хань-Меерс забрал у Трента бумагу.

– Варли, ты ведь кое-что скрыл от переписчиков, когда те приходили считать собак, не так ли?

Трент поджал губы.

– С чего ты взял?

– Варли, я не собираюсь сдавать тебя в полицию. Хочу только сказать, что тебе следует связаться с этим твоим веганином и передать ему собак.

Трент глубоко вздохнул.

– На прошлой неделе я передал ему пятерых щенков.

* * *

Шесть недель назад, после утечки информации из Комитета по здравоохранению и санитарии Федеративного Сената, корреспондент столичной службы новостей опубликовал материал о том, что мировую популяцию собачьих атаковал новый вирус, и средств борьбы с ним не было. Люди уже осознали, что их питомцы вымирают сотнями. Сюжета в новостях оказалось достаточно, чтобы вызвать панику. Межзвездный пассажирский транспорт исчез. Сильные мира сего пользовались своим влиянием, чтобы помочь себе и друзьям. Люди хватали своих питомцев и бежали куда глаза глядят, безнадежно спутывая внутрипланетарные правила карантина. И, как всегда бывает в таких случаях, неизбежно появились мошенники.

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЧАРТЕРНЫЙ РЕЙС
К ПЛАНЕТАМ СИСТЕМЫ АЛЬДЕБАРАН.
СТРОЖАЙШИЕ ПРАВИЛА КАРАНТИНА. СПЕЦИАЛЬНО
ОБУЧЕННЫЕ СТЮАРДЫ ПОЗАБОТЯТСЯ О ВАШИХ ПИТОМЦАХ
ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ.
СТОИМОСТЬ: ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ КРЕДИТОВ ЗА КИЛОГРАММ.**

Хозяева, разумеется, не могли сопровождать своих питомцев из-за ограниченного места на корабле.

Это вымогательство прекратилось, когда патрульный корабль Федерации столкнулся со странным метеоритным потоком за Плутоном, остановился, чтобы отследить его курс, и обнаружил, что поток состоит из замерзших собачьих трупов.

Через одиннадцать дней после выхода новости Арктурианские планеты запретили земных собак. Арктурианцы знали, что теперь собак будут провозить контрабандой, и они нагреют на этом руки.

* * *

Трент держал шесть метисов биглей и гончих в автоматизированном вольере в охотничьем лагере в Олимпийских горах. Там они и находились, когда правительство объявило срочную перепись собак. Трент умышленно не сообщил о них.

Покинув лабораторию Пуллмана в три часа ночи после разговора с Хань-Меерсом, он поставил свой реактивный вертолет на автопилот и спал до тех пор, пока не достиг Абердина.

Комендант Федеральной полиции Абердина был седым ветераном Денебианской кампании со шрамами на лице. Его офис располагался в квадратной комнате с видом на гавань. Стены кабинета были увешаны образцами внеземного оружия и групповыми фотографиями офицеров и солдат. При виде вошедшего Трента комендант встал и указал рукой на стул.

– Я – Макарофф, – сказал он. – Чем могу помочь?

Трент представился, сел и объяснил, что является работником исследовательской лаборатории Пуллмана и что у него в горном вольере девять гончих: шесть взрослых и три щенка.

Комендант сел, сжал руками подлокотники и откинулся на спинку стула.

– Почему они не в каком-нибудь из государственных изоляторов?

Трент посмотрел ему в глаза.

– Потому что я был уверен, что там, где они сейчас, собаки будут в большей безопасности, и был прав. Все изоляторы заражены. А мои собаки абсолютно здоровы. Более того, комендант, я выяснил, что переносчиками заразы являются люди. Мы...

– То есть, будь у меня домашняя собака, она могла бы погибнуть?

– Вот именно.

Помолчав, комендант сказал:

– Значит, вы нарушили закон о карантине?

– Да.

– Я и сам иногда так поступал, – признался комендант. – Когда видишь, что приказ глупый, и понимаешь, что он не сработает, то и не выполняешь его. Если ты не прав, тебе дадут пинка, а если прав, наградят. Помню, как-то раз во время Денебианской кампании, когда...

– Вы не могли бы организовать над лагерем воздушный патруль? – прервал его Трент.

Комендант потер подбородок.

– Гончие, да? Нет ничего лучше хорошей охотничьей собаки. Очень жаль, если они погибнут вместе с остальными. – Он помолчал. – Воздушный патруль, хм? Беспилотный?

– У нас два месяца на то, чтобы найти лекарство от этого вируса, иначе на Земле не останется ни одной собаки, – сказал Трент. – Понимаете, насколько важны могут быть эти собаки?

– Все так безнадежно? – Макарофф придвинул к себе видеофон. – Перлана ко мне. – Он повернулся к Тренту. – Где ваш лагерь?

Трент дал ему координаты. Комендант записал их в блокнот.

На экране появилось лицо.

– Да, сэр.

Комендант снова повернулся к видеофону.

– Перлан, мне нужен беспилотный воздушный патруль на 24-часовое дежурство над охотничьим лагерем в... – Он покосился на блокнот. – Секторах 8181-А и 0662-У, западный склон Олимпа. В лагере есть вольер, в котором содержатся девять гончих. Никто из людей не должен вступать в контакт с этими собаками. – Он облизнул губы. – Врач только что сказал мне, что этот вирус D-D переносят люди.

Когда Трент вернулся днем в лабораторию Пуллмана, Хань-Меерс ждал его в лаборатории Е. Профессор сидел на том же стуле, как будто два дня не вставал с него, и не сводил

взгляда с клетки, в которой раньше содержался фокстерьер. Теперь там сидел эрдельтерьер. Услышав шаги Трента, Хань-Меерс обернулся.

– Варли, что это полицейский из Абердина несет в новостях?

Трент закрыл дверь в лабораторию. «Значит, комендант разговаривался».

– Сегодня дважды звонили из клиники Флореса, – продолжал Хань-Меерс. – Хотят знать, что мы такого открыли, что они проморгали. Может, полицейский все выдумал?

Трент покачал головой.

– Нет. Просто я выдал свои предположения за факт. Я должен был отправить в лагерь воздушный патруль. Тамошние собаки совершенно здоровы.

Хань-Меерс кивнул.

– Они все лето прекрасно без этого обходились. С чего вдруг именно сейчас понадобился?

– Я боялся, что они уже мертвы. Все-таки я сам их вырастил. Мы вместе охотились и...

– Ясно. А завтра заявим, что все это – большая ошибка. Я-то считал тебя более порядочным...

Трент скрыл гнев за маской равнодушия, скинул пальто и надел халат.

– Мои собаки все лето были изолированы от людей. Мы...

– Люди Флореса провели тщательное расследование, – сказал Хань-Меерс. – Они подозревают, что мы пытаемся...

– Недостаточно тщательное. – Трент открыл шкаф и вынул бутылочку с зеленой жидкостью. – Ты мне поможешь? Или бросишь одного со всем этим разбираться?

Хань-Меерс снял пальто и нашел запасной халат.

– Ты сильно рискуешь, Варли. – Он повернулся и улыбнулся. – Зато какая шикарная возможность утереть нос всем этим докторам медицины.

* * *

На следующее утро в девять часов шестнадцать минут Трент уронил стеклянную пробирку. Она разбилась вдребезги о каменный пол, и спокойствие Трента тоже не выдержало. Он чертыхался в течение двух минут.

– Мы устали, – сказал Хань-Меерс. – Отдохнем, вернемся к работе попозже. Не буду сегодня говорить с людьми из Флореса и остальными. Есть еще...

– Нет. – Трент покачал головой. – Возьмем еще смыв с моей кожи, используя аstringент Кларендона.

– Но мы уже дважды пробовали и...

– Еще раз, – настаивал Трент. – На сей раз добавим синтетическую собачью кровь *до* фракционирования.

В десять двадцать две Хань-Меерс поставил последнюю пробирку на пластиковый штатив и включил аппарат. Над пробиркой вспыхнула мерцающая серебристая паутина.

– Ах! – произнес профессор.

Они нашли путь распространения вируса. К полудню модель была готова: латентный вирус укоренился в потовых железах человека и выходил через поры – как правило, на ладонях – только при эмоциональной нагрузке. Выходя через поры, вирус высыхал и переходил в анаэробное состояние.

– Если бы я не уронил ту пробирку и не разозлился... – сказал Трент.

– Мы бы до сих пор голову ломали, – согласился Хань-Меерс. – Чертовски сложная загадка. Латентный вирус в очень малом количестве. Вот почему его упустили. Никто не анализирует взволнованного подопытного! Всегда сначала ждут, чтобы он успокоился.

– Возлюбленных все убивают⁷, – процитировал Трент.

– Нам следует больше внимания уделять философам вроде Уайльда, – заметил Хань-Меерс. – Сейчас позвоню врачам и сообщу об их ошибке. Им не понравится, что их подсел простой биолог.

– Наше открытие – простая случайность, – сказал Трент.

– Случайность, основанная на наблюдении за твоими собаками, – возразил Хань-Меерс. – Но, конечно, подобные случайности в ходе исследования происходили с простыми биологами и раньше. Пастер, например. Его забили камнями на улице за...

– Пастер был химиком, – коротко сказал Трент. Он повернулся, поставил пробирку и штатив на стол сбоку. – Мы должны сообщить правительству, что с оставшимися собаками могут работать только роботы. Это даст нам немного времени, чтобы во всем разобраться.

– Сейчас позвоню врачам с твоего телефона, – сказал Хань-Меерс. – Жду не дождусь услышать голос этого Флореса, когда...

Зазвонил телефон. Хань-Меерс прижал трубку к уху.

– Да. Я – это я... В смысле, я слушаю. Да, я приму звонок. – Он подождал. – А, здравствуйте, доктор Флорес. Я как раз собирался... – Хань-Меерс замолчал, слушая. – Ах, вы уже все выяснили? – бесстрастно спросил он. – Да, это соответствует полученной нами информации. Да, в основном через поры на руках. Мы хотели найти дополнительные подтверждения, чтобы быть более уверенными... Да, наш доктор Трент. Биолог из нашего персонала. Кажется, кое-кто из ваших у него учился. Он настоящий гений и заслуживает, чтобы на этом открытии стояло его имя. – Наступила долгая пауза. – Я настаиваю на проявлении научной добросовестности, доктор Флорес, и у меня в руках ваш отчет. Он снимает с людей ответственность за распространение вируса. Я согласен с тем, что это открытие негативно скажется на вашей клинике, но ничего не поделаешь. До свидания, доктор Флорес. Спасибо за звонок.

Он повесил трубку и обернулся. Трента нигде не было.

В тот день в Ангуаке, штат Манитоба, скончался последний чистокровный сенбернар. На следующее утро чиновники из Джорджии подтвердили, что их карантинные питомники возле Игуртска заражены. Поиск неинфицированных собак, проводимый теперь уже роботами, продолжался. Во всем мире осталось девять собак, не зараженных вирусом D-D: шесть взрослых гончих и три щенка. Сидя в своем вольере в горах, они тосковали без человеческого внимания и постоянно принимали себя.

Вернувшись вечером в свою холостяцкую квартиру, Трент обнаружил там гостя – высокого (почти семи футов ростом) гуманоида класса С, чью голову украшали два покрытых перьями гребешка, а глаза прикрывали похожие на жалюзи мембраны. Его стройное тело облегал синий халат, подпоясанный на талии.

– Гер! – воскликнул Трент, закрыв дверь.

– Друг Варли, – ответил веганин странным свистящим голосом.

Выставив руки вперед, они, по веганскому обычаю, коснулись друг друга ладонями. На ощупь семипалые руки Гера казались слишком горячими.

– У тебя жар, – сказал Трент. – Ты слишком долго пробыл на Земле.

– Это все проклятая окись железа в вашей атмосфере, – сказал Гер. – Сегодня вечером приму двойную дозу лекарств. – Он расслабил гребешки, что означало удовольствие. – Но я рад снова тебя видеть, Варли.

– А я тебя, – сказал Трент. – Как там... – Он опустил руку и жестом изобразил, будто гладит собаку.

⁷ Оскар Уайльд. Баллада Рэдингской тюрьмы (пер. В. Я. Брюсова).

– Именно поэтому я и пришел, – сказал Гер. – Нам нужно еще.

– Еще? Остальные мертвы?

– Их клетки живы в новых поколениях, – сказал Гер. – Мы использовали акселерационные камеры, чтобы побыстрее получить несколько поколений, но результаты нас не удовлетворяют. Это были очень странные животные, Варли. Разве не странно, что внешне они были совершенно одинаковые?

– Иногда так бывает, – ответил Трент.

– И количество хромосом, – продолжал Гер. – Разве...

– Некоторые породы различаются по генотипу, – поспешно сказал Трент.

– А-а... – Гер кивнул. – У тебя есть еще представители этой породы, которых мы могли бы взять?

– Это будет нелегко, – сказал Трент, – но если действовать осторожно, может, нам и удастся.

* * *

Комендант Макарофф был *счастлив* снова видеть знаменитого доктора Трента. Он был *счастлив, хотя и не столь сильно*, познакомиться с гостем с далекой Веги. Комендант явно относился к инопланетянам с подозрением. Он проводил гостей к себе в кабинет, усадил их и сам сел за стол.

– Я бы хотел получить для доктора Ансо-Ансо пропуск, который позволил бы ему пройти в мой вольер, – сказал Трент. – Не будучи человеком и землянином, он не является носителем вируса, так что нет никакой опасности...

– Зачем?

– Возможно, вы слышали о достижениях веган в области биофизики? – спросил Трент. – Доктор Ансо-Ансо помогает мне в работе. Ему нужно взять несколько анализов крови и культур у...

– Разве это не может сделать робот?

– Результаты наблюдений должны быть основаны на узкоспециальных знаниях, которыми роботы не обладают.

– Гм-м. – Комендант Макарофф задумался. – Ясно. Что ж, если вы готовы за него поручиться, доктор Трент... Уверен, что он хороший парень. – Судя по тону, комендант допускал, что доктор Трент, возможно, *ошибается*. Он достал из ящика бланк, выписал пропуск и протянул его Тренту. – Я дам вам полицейский вертолет.

– У нас есть специальный стерильный вертолет с лабораторным оборудованием, – сказал Трент. – Его сейчас обслуживает «Роботикс Интернэшнл».

Комендант Макарофф кивнул.

– Понятно. Тогда, как только скажете, я подготовлю для вас эскорт.

* * *

На следующее утро пришла повестка на листе розовой бумаги: «Доктору Варли Тренту приказано предстать завтра перед специальным подкомитетом Комитета по здравоохранению и санитарии Федеративного Сената на слушании, которое будет проводиться в четыре часа дня в здании Сената». И подпись: «Оскар Олаффсон, особый помощник сен. Гильберто Наталя».

Трент принял повестку в лаборатории и, ознакомившись, отнес ее в кабинет Хань-Меерса.

Профессор прочитал повестку и вернул ее Тренту.

– Про обвинения ни слова, Варли. Где ты был вчера?

Трент сел.

– Провел своего друга-веганина в питомник, чтобы он забрал трех щенков. Сейчас он с ними уже на полпути домой.

– Наверняка об этом стало известно во время утреннего подсчета, – сказал Хань-Меерс. – В любое другое время тебя просто бросили бы за решетку, но скоро выборы. Наталь, видимо, дружит с этим твоим комендантом Макароффом.

Трент уперся взглядом в пол.

– Сенатор распнет тебя, несмотря на твое открытие способа распространения вируса, – продолжал Хань-Меерс. – Боюсь, ты обзавелся очень сильными врагами. Доктор Флорес – шурин сенатора Грапопулуса из Комитета по ассигнованиям. Они найдут в клинике Флореса людей, которые докажут, что носитель вируса обнаружили без твоего участия.

– Но это мои собаки! Я могу...

– Только не в чрезвычайной ситуации, когда объявлен карантин, – сказал Хань-Меерс. – Ты виновен в присвоении государственной собственности. – Он ткнул пальцем в сторону Трента. – И враги, которых ты нажил...

– Я нажил! Это *ты* начал пускать пыль в глаза Флоресу.

– Ну-ну, Варли. Не будем ссориться.

Трент уставился в пол.

– Хорошо. Что сделано, то сделано.

– У меня есть идея, – сказал Хань-Меерс. – Университетский исследовательский корабль «Эльмендорфф» сейчас стоит на поле Хартли. Он заправлен и готов к полету на Сагиттариус.

– Что это значит?

– Корабль, конечно, хорошо охраняется, но известный сотрудник лаборатории с подделанной запиской от меня мог бы пробраться на борт. Ты справишься с «Эльмендорффом» один?

– Разумеется. На этом корабле мы проводили биофизические исследования на Веге.

– Тогда поторопись. Соверши скачок в гиперпространство, и тебя никогда не поймают.

Трент покачал головой.

– Это было бы равносильно признанию вины.

– Парень, ты ведь и в самом деле виновен! Сенатор Наталья *обнаружит* это завтра. Представляешь, какая поднимется шумиха? Но если ты сбежишь, это будет новость посильнее, а вопли сенатора станут лишь шумом на заднем плане.

– Ну... не знаю...

– Люди устали от его воплей, Варли.

– Все равно мне это не нравится.

– Варли, сенатор отчаянно ищет новость, которая поможет ему получить голоса избирателей. Если дать ему еще немного времени и добавить еще немного отчаяния, он зайдет слишком далеко.

– Меня беспокоит не сенатор, а...

– Собаки, – сказал Хань-Меерс. – Если ты сбежишь на Вегу, то сможешь поделиться с ними своими знаниями в области земной биологии. Конечно, придется делать это на расстоянии, но... – Идея повисла в воздухе.

Трент поджал губы.

– С каждой минутой, которую ты тратишь здесь, твои шансы на побег уменьшаются. – Хань-Меерс придвинул к Тренту блокнот. – Вот мой бланк. Подделывай записку.

Через двадцать минут после того, как вертолет Трента отправился на поле Хартли, на кампусе сел правительственный вертолет. Из него вышли двое мужчин и поспешно зашагали к кабинету Хань-Меерса. Там они предъявили полицейские удостоверения.

– Мы ищем доктора Варли Трента. Он обвиняется в нарушении запрета на свободное перемещение собак. Его необходимо взять под стражу.

Хань-Меерс ужаснулся.

– Кажется, он пошел домой. Вроде говорил, что плохо себя чувствует.

* * *

Сенатора Наталя охватила ярость. Его пухлое тело содрогалось от гнева. И без того красное лицо приобрело фиолетовый оттенок. Он кричал и вопил. Каждый вечер его разъяренное лицо появлялось на экранах. Но стоило ему достичь пика яростных обвинений научных работников в распущенности, как его выступления оттеснили на задний план более важные новости.

В изоляторе скончалась от вируса последняя собака – пятнистая чау-чау. Но прежде чем сенатор набрался сил для новой атаки, правительство объявило об обнаружении стаи двадцати шести не тронутых вирусом арктических волков. На следующий день роботы-поисковики нашли живую дворняжку двенадцати лет на острове Пасхи и пятерых кокер-спаниелей на Огненной Земле. На западных склонах Олимпийских гор были подготовлены отдельные изоляторы для собак и волков, и всех здоровых животных переправили туда.

Волки, кокер-спаниели, дворняга и гончие стали питомцами всего мира. Из Абердина герметичные вертолеты возили желающих на экскурсии на точку в пяти километрах от собачье-волчьего питомника. Оттуда в мощные бинокли иногда удавалось разглядеть движение, которое можно было бы приписать собаке или волку.

Примерно в то время, когда сенатор Наталь готовился к новому взрыву, заявляя, что гончие Трента не так уж важны, что в мире есть и другие выжившие представители семейства собачьих, двенадцатилетняя дворняга издохла от старости.

Любители собак по всему миру скорбели. Пресса превратила кончину дворняжки в событие первостепенной важности, и на ее фоне крики сенатора Наталя снова потерялись.

* * *

Трент отправился на Вегу и прыгнул в гиперпространство, как только преодолел искривленное пространство вокруг Солнца. Он знал, что веганам придется подвергнуть его карантину, чтобы защитить собак, но он мог следить за экспериментами через видеосвязь и помочь своими знаниями в области земной биологии.

Профессор Хань-Меерс, сославшись на подорванное здоровье, передал все свои обязанности в колледже помощнику и отправился путешествовать. Для начала он заехал в столицу, встретился с сенатором Наталем, извинился за бегство доктора Трента и похвалил убеждения политика.

В Женеве Хань-Меерс познакомился с пианистом, чьи домашние далматины погибли в эпидемии одними из первых. В Каире он встретил правительственного чиновника, разводившего волкодавов, которые тоже погибли в самом начале. В Париже он познакомился с женой меховщика, чей эрдельтерьер, Коко, умер во время третьей волны эпидемии. В Москве, в Бомбее, в Калькутте, в Сингапуре, в Пекине, в Сан-Франциско, в Де-Мойне, в Чикаго встречались такие люди. Всем им профессор давал рекомендательные письма к сенатору Наталю и пояснял, что сенатор окажет им особый прием, если они пожелают посетить заповедник в Олимпийских горах. Хань-Меерс рассчитывал, что хотя бы один из этих людей закатит скандал, который негативно скажется на политической карьере сенатора.

Этим человеком стала жена парижского меховщика, мадам Эстажён Кулок, хотя того, что произошло, Хань-Меерс никак не мог предположить.

* * *

Мадам Кулок была стройной женщиной лет сорока пяти, бездетной и по-французски шикарной. У нее было узкое, надменное лицо и соответствующие манеры. Но ее бабушка была женой фермера, и за фасадом избалованной богачки скрывался твердый характер мадам Кулок. Она приехала в Абердин в сопровождении двух горничных с кучей багажа и запиской от сенатора Наталя. Она убедила себя, что вся эта *чепуха* о том, что заразу переносят люди, не имеет к ней никакого отношения. *Пара элементарных мер предосторожности, и она сможет завести собственную собаку.*

Мадам Кулок намеревалась заполучить метиса бигля – несмотря ни на что. Тот факт, что собак практически не осталось, лишь усиливал ее желание. Осторожные расспросы в Абердине дали ей понять, что действовать придется в одиночку. Из отчаянной путаницы в ее мыслях родился план, имевший все характерные признаки психического расстройства.

Во время одной из ежедневных экскурсий мадам Кулок изучила с воздуха местный ландшафт. Местность была труднопроходимой и у менее целеустремленного человека отбила бы желание действовать. В течение семисот лет здесь поддерживались естественные условия. Тропы, ведущие в лес, поросли салалом, заманихой и черникой. От талого весеннего снега необычайно разлились реки. Горные кряжи тонули в буреломе и зарослях, из которых выныривали гранитные валуны. Оканчивалась эта дикая местность двойным ограждением. Каждый из заборов был шестнадцати метров высотой. Они располагались на расстоянии километра друг от друга.

Мадам Кулок вернулась в Абердин, оставила горничных в отеле и слетала в Сиэтл, где купила походную одежду, веревку, абордажный крюк, легкий рюкзак, пищевые концентраты и компас. Карту заповедника приобрести было несложно: она продавалась как сувенир.

Затем она отправилась на рыбалку в пролив Хуан-де-Фука и остановилась в Неа-Бэй. К югу высились укутанные снегом Олимпийские горы.

Три дня шел дождь. Последующие пять дней мадам Кулок ловила рыбу вместе с гидом. На девятый день она отправилась на рыбалку одна. На следующее утро береговая охрана нашла ее перевернутую лодку возле маяка на острове Татуш. К этому времени она была уже в девятнадцати километрах к югу от Секвима и прошла два километра по запретной огороженной территории. Весь день она проспала в еловой чаще. В темноте ей помогал ориентироваться лунный свет, и все же на то, чтобы добраться до забора, у нее ушла вся ночь. Днем, затаившись в зарослях винограда, она увидела двух трехногих роботов, патрулировавших по другую сторону забора. С наступлением ночи мадам Кулок пробралась дальше и, дождавшись, когда роботы пройдут мимо и скроются из вида, при помощи веревки и крюка перелезла через забор. Километровая зона между заборами была очищена от деревьев и кустов. Мадам Кулок быстро преодолела ее, а затем и последнюю преграду.

Патрульные роботы слишком полагались на труднопроходимую местность и не учли возможности появления сумасшедшей женщины.

Пройдя два километра по питомнику, мадам Кулок нашла кипарисовую рощу, где решила спрятаться. Сердце бешено колотилось. Она укрылась в роще в ожидании рассвета, когда она сможет найти *свою собаку*. Ее лицо, руки и ноги были покрыты царапинами, одежда изорвана – *но ей удалось попасть в заповедник!*

Несколько раз за ночь ей приходилось вытирать потные ладони о походные брюки цвета хаки. Под утро она заснула на холодной земле. Вскоре после рассвета ее нашли Бесс и Орлица.

Мадам Кулок разбудило прикосновение теплого, влажного языка к ее щеке. Поначалу она подумала, что это ее погибшая собачка, Коко. Потом вспомнила, где находится.

«Какие красивые собачки!»

Она обняла Бесс, которая так же изголодалась по человеческому вниманию, как и сама мадам Кулок.

«Ах вы, красавцы!»

Патрульные роботы обнаружили их незадолго до полудня. Роботы считали собак с помощью крошечных передатчиков, вживленных каждому из животных. Мадам Кулок ждала наступления ночи, чтобы сбежать вместе с собакой.

При виде роботов Бесс и Орлица бросились бежать. Мадам Кулок кричала от ярости, пока равнодушные машины волокли ее прочь.

В тот день Орлица прикоснулась носом к носу волчицы через сетку, разделявшую их питомники.

Хотя роботы поместили каждое животное в изолятор, было уже слишком поздно. И никому не пришло в голову проверить волков в отдельном питомнике.

Спустя семь недель вирус D-D опустошил собачье-волчьи питомники. Вопреки протестам дорогого адвоката, мадам Кулок отправили в психиатрическую лечебницу. Новостные службы уделили особенное внимание записке от сенатора Наталя, найденной у нее в кармане.

* * *

Земные чиновники послали на Вегу отчаянное сообщение. Известно, говорилось в нем, что некий доктор Варли Трент передал земных собак веганскому биофизику. Не осталось ли у них живых особей?

С Веги пришел ответ: «У нас нет собак. Нынешнее местонахождение доктора Трента нам неизвестно».

* * *

Когда корабль Трента вышел из гиперпространства, на мониторах появилось огромное изображение Веги. Ярко сверкало пылающее солнце. На расстоянии восьмисот тысяч километров он усилил увеличение и начал сканировать пространство в поисках планеты. Вместо этого он заметил летевший прямо к нему веганский сторожевой корабль. С расстояния в шесть тысяч километров корабль запустил торпеду. Взрыв ударил по передатчикам, не позволив Тренту идентифицировать себя. Корабль задрожал. С грохотом захлопнулись аварийные двери, зашипел воздух, вспыхнули огни системы предупреждения, зазвонили звонки. Трент перебрался в единственную спасательную капсулу, уцелевшую в его секции. Маленькая капсула еще функционировала, хотя передатчик был разбит.

Сколько мог он держал капсулу возле разрушенного корабля, затем нырнул к планете, которая виднелась слева на экране. Как только загорелись лампы в капсуле, веганцы устремились в погоню. Трент гнал кораблик изо всех сил, но преследователи шли гораздо быстрее. Они подошли уже слишком близко к планете, так что веганцы не могли запустить очередную торпеду.

Капсула с резким свистом врезалась в тонкий слой атмосферы. *Слишком высокая скорость!*

Охлаждающая система взвыла от перенапряжения. Задние поверхности управления полетом покраснели, начали плавиться и терять форму. Тренту хватило времени на запуск аварийных носовых ракет. Перед тем как потерять сознание, он успел включить автопилот. Корабль нырнул, частично потеряв управление и продолжая стрелять. Щелкнули реле – *тревога!* – и включилась система предохранения человеческой жизни в аварийной ситуации. Часть ее была разрушена.

* * *

Откуда-то доносился звук бегущей воды. Вокруг было темно, но кое-где пробивались пятна красноватого света. Он никак не мог открыть глаза. Он чувствовал складки обернутой вокруг него ткани. Парашют! Автоматизированная система контроля капсулы в последний момент катапультировала его наружу.

Трент попробовал пошевелиться. Мышцы отказывались его слушаться. Ноги онемели, в руках чувствовалось покалывание.

И вдруг он услышал вдалеке отчетливый собачий лай. Он и не думал, что когда-нибудь снова услышит этот звук. Трубный звук повторился, напомнив ему о морозных ночах на Земле, о том, как он следовал за Бесс и Орлицей и...

Собачий лай!

Его охватил ужас. Собака не должна его найти! Он человек с Земли, и в его организме смертельный вирус!

Напрягшись, Трент сумел открыть один глаз и увидел, что под складками парашюта не так уж темно. Там царил желтоватый полумрак. Запекшаяся кровь покрывала его веки.

Теперь он слышал топот бегущих ног. Собака радостно принюхивалась.

«Пожалуйста, держите ее подальше от меня!» – взмолился он.

На краю парашюта что-то зашевелилось. Раздалось взволнованное поскуливание. Что-то подползло к нему под полотном.

– Уйди! – прохрипел он.

Одним глазом Трент различил расплывчатые очертания белой головы с коричневыми пятнами. Животное было очень похоже на Орлицу. Оно наклонилось вперед к чему-то. Трент с ужасом понял, что этим *чем-то* была одна из его распростертых, кишаших вирусом рук. Он увидел, как розовый язык лизнул его ладонь, но не почувствовал этого. Он попытался пошевелиться и снова начал терять сознание. Последним, что пронеслось у него в сознании, прежде чем он провалился во тьму, было: «Возлюбленных все убивают...»

* * *

Трент лежал на мягкой, усыпляющей кровати. Он смутно осознавал, что прошло много времени, и припоминал прикосновение рук, иголок, каталку на колесиках, которая куда-то везла его, жидкость у себя во рту, трубки в венах. Он открыл глаза. Зеленые стены, яркий белый солнечный свет, частично рассеянный жалюзи, а снаружи – синеvато-зеленые холмы.

– Тебе лучше? – спросил свистящий голос веганина.

Трент посмотрел вправо. Гер! Стоявший у постели веганин выглядел обманчиво похожим на земных людей. Он широко открыл глазные щели и отвел покрытые перьями гребешки на голове назад. Одет он был в подпоясанный на талии желтый халат.

– Сколько...

Веганин коснулся запястья Трента семипалой рукой и пощупал пульс.

– Да, тебе намного лучше. Ты был очень болен почти четыре земных месяца.

– Значит, все собаки мертвы, – мрачно сказал Трент.

– Мертвы? – Гер закрыл глазные мембраны, затем снова открыл их.

– Я убил их, – сказал Трент. – В моем теле латентный вирус.

– Нет, – сказал веганин. – Мы ввели собакам дополнительные белые кровяные тельца – более агрессивные. Твой жалкий вирус не смог против них выстоять.

Трент попытался сесть, но Гер удержал его.

– Варли, прошу тебя. Ты еще не совсем здоров.

– Но если у собак есть иммунитет к вирусу... – Он покачал головой. – Дай мне корабль с собаками, назови любую цену.

– Варли, я не говорил, что у собак есть иммунитет. Они... не совсем... собаки. Мы не можем дать тебе корабль с вашими животными, потому что у нас их нет. В процессе работы пришлось ими пожертвовать...

Трент уставился на него.

– У меня печальные новости, друг мой. Наша планета закрыта для землян. Ты можешь остаться здесь на всю жизнь, но ты не сможешь общаться с себе подобными.

– Поэтому ваш корабль открыл по мне огонь?

– Мы думали, это земное судно проводит расследование.

– Но...

– Жаль, что тебя придется оставить здесь, Варли, но на кону гордость нашего народа.

– Гордость?

Веганин уставился в пол.

– Мы никогда не допускали ошибок в биофизических изменениях... – Он покачал головой.

– Что случилось?

Лицо веганина посинело от смущения.

* * *

Трент вспомнил, как очнулся на этой планете в первый раз.

– Когда я пришел в себя, то увидел собаку. По крайней мере ее голову.

Гер придвинул к кровати плетеное кресло и сел.

– Варли, мы пытались совместить лучшие элементы наших собственных *прогоасов* и земных собак.

– Так разве не это вы и должны были сделать?

– Да, но в процессе мы потеряли всех присланных тобой собак и даже тех, что вывели сами... – Он пожал плечами.

– И что получилось?

– У них нет чешуи или заостренной морды. Мы столетиями убеждали Вселенную, что высококлассные разумные питомцы должны обладать такими же качествами, как наши *прогоасы*.

– Разве новые животные не умны и верны? У них такой же хороший слух, такое же тонкое обоняние?

– Эти качества даже лучше, чем были. – Он помолчал. – Но ты ведь понимаешь, это животное – не настоящая собака.

– Не настоящая...

– Она, конечно, полностью пригодна...

Трент сглотнул.

– Тогда назови цену.

– Когда мы произвели первое скрещивание, процесс фертилизации объединил открытую клетку *прогоаса* с клеткой собаки, но произошел ряд странных сцеплений. Результат расходился и с нашими прогнозами, и с тем, что ты нам сообщил.

Трент глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

– Все выглядело так, будто собачий геном вел себя, как хищник, и жестко связывал доминанту *прогоаса*, – продолжал Гер. – Каждый раз, как мы повторяли процесс, происходило то же самое. Насколько мы знаем земную биологию, этого не должно было быть. Химия крови наших животных основана на элементе, который вы называете медью. У нас на планете мало

железа, но те немногие земные особи, которые у нас были, доказали, что в процессе скрещивания всегда доминирует медь. Разумеется, без генератора *микеза* нельзя открыть клетку, чтобы произвести подобное скрещивание, но все же...

Трент закрыл глаза, снова открыл их.

– То, что я тебе сейчас расскажу, больше никто не должен слышать...

Он замялся.

На щеках веганина появились вертикальные линии – признак задумчивости.

– Да?

– Когда я проводил здесь исследования, я скопировал схему генератора *микеза*. Мне удалось воспроизвести модель на Земле. С ее помощью я вывел линию гончих. – Он облизнул губы кончиком языка. – На Земле тоже есть формы жизни, биохимия крови которых основана на меди. Одна из них – обычный кальмар из нашего океана.

Гер опустил подбородок, не сводя взгляда с Трента.

– При помощи генератора я соединил доминантные гены своих собак с рецессивными генами кальмара.

– Но они не могли размножаться естественным путем. Они...

– Конечно, нет. Гончие, которых я отправил тебе, не имели отцов уже шесть поколений. Я оплодотворял их с помощью генератора. У них была только женская часть генотипа, открытая для связывания с другими генами.

– Но зачем?

– Потому что, исходя из наблюдений за *прогоасами*, я знал, что собаки превосходят их, но их все равно можно улучшить с помощью подобного скрещивания. Я надеялся, что смогу сам произвести его.

Веганин уставился в пол.

– Как это ни прискорбно, Варли, но у меня есть доказательства, что ты говоришь правду. Однако гордость моей планеты не позволит мне предать это огласке. Может быть, старейшины передумают.

– Ты меня знаешь, – сказал Трент. – Я даю тебе слово.

Гер кивнул.

– Как ты говоришь, Варли, я тебя знаю. – Он провел тремя пальцами по гребешку на голове. – Узнав тебя, я, возможно, стал придавать гордости своего народа не такое большое значение. – Он кивнул своим мыслям. – Я тоже сохраню все в тайне.

У него на лице мелькнула легкая веганская улыбка и тут же исчезла.

Тренту вспомнилась голова бигля, которую он видел под куполом парашюта, когда пришел в себя.

– Мне бы хотелось увидеть этих животных.

– Это можно... – Лай собачьей стаи где-то поблизости не позволил Геру договорить. Он встал, поднял жалюзи и поддержал голову Трента. – Смотри, друг Варли.

Трент увидел, как стая гончих преследует по сине-зеленой веганской равнине стаю местных животных, *ичиков*. У гончих была типичная морда бигля и белая с коричневым шерсть. У каждой собаки было по шесть ног.

Планета грызунов

Винсент Куган пожевал нижнюю губу, глядя, как на судовом мониторе увеличивается изображение его родной планеты.

– Что такое срочное могло заставить Паттерсона отозвать меня из поездки по подбору материала для Библиотеки? – пробормотал он.

Повернувшись к Кугану, главный навигатор обратил внимание на то, как осунулось лицо библиотечного чиновника.

– Вы что-то сказали, сэр?

– А? – Куган понял, что размышлял вслух. Глубоко вздохнув, он выпрямился перед монитором и сказал: – Хорошо, что я возвращаюсь в Библиотеку.

– Домой всегда приятно возвращаться, – согласился навигатор, глядя на изображение планеты на мониторе.

Это был мир садов и холмистых равнин, вращавшийся под лучами старого солнца. По неглубокому морю скользил круизный лайнер. Вокруг уходивших в глубь материка башен с лифтами сгрудились известково-белые домики с плоскими крышами. По равнинам текли спокойные, извилистые реки. Среди деревьев и цветов порхали гигантские бабочки. Люди гуляли, читали книги или отдыхали в креслах, а перед глазами у них висели экраны-сканеры, предоставлявшие полный обзор.

Когда включилась система посадки, по кораблю прошла дрожь. Куган почувствовал, как у него под ногами пронеслась волна энергии. Его охватило радостное чувство возвращения домой, ожидание, обострившее все ощущения. Этого хватило, чтобы исчезло беспокойство по поводу неожиданного отзыва из командировки и недовольство из-за потраченного впустую года работы.

Этого также хватило, чтобы ослабить горечь, с которой он вспоминал слова, нацарапанные у главного порта корабля на одной из далеких планет. Слова вырезали прямо под крылатым сапогом – эмблемой Галактической библиотеки, – видимо, лазерным резцом Гернсера.

«Возвращайтесь домой, мерзкие грызуны!»

Мерзкие грызуны уже дома.

* * *

Колдуэлл Паттерсон, директор Галактической библиотеки, сидел за столом у себя в кабинете глубоко под землей и держал в руках лист бумаги цвета металлик. Он был стар – даже по меркам восемьдесят первого века, когда дожить до шестисот лет стало обычным делом. Говорили, именно столько он проработал в Библиотеке. Бледную макушку покрывали редкие клочья седых волос. Испещренное морщинами лицо и крючковатый нос делали его похожим на древнюю птицу.

Когда Куган вошел в кабинет, с видеозэкрана на столе у Паттерсона раздался сигнал. Директор щелкнул переключателем, жестом пригласил Кугана садиться и устало ответил на вызов:

– Да.

Куган устроился на стуле, поджав длинные ноги, и краем уха слушал разговор на экране. Насколько он понял, к планете приближалось какое-то инопланетное судно, желавшее получить разрешение на приземление в особых условиях. Куган окинул взглядом знакомый кабинет. Дальняя стена за спиной у директора была сплошь покрыта панелями, циферблатами, переключателями, реостатами, динамиками, микрофонами, осциллографами, кодовыми

устройствами и мониторами. На боковых стенах располагались ромбовидные передатчики для реализации изображений. На стене с дверью висели восемь миниатюрных мониторов, каждый из которых был настроен на разные информационные передачи из Библиотеки. Все звуковые переключатели были поставлены в беззвучный режим, отчего в комнате царил непрерывный тихий гул.

Паттерсон начал стучать пальцами по столешнице, угрюмо уставившись в монитор на столе. Наконец он сказал:

– Так скажите им, что нам негде устраивать почетный прием. Эта планета занимается исследованиями и поиском знаний. Скажите им, чтобы садились на обычном космодроме. Я готов придерживаться Кодекса и выполнять любой приказ правительства, который мне по силам, но у нас просто нет объектов для того, что они требуют. – Директор нажал на переключатель на мониторе и повернулся к Кугану. – Что ж, Винсент, я вижу, что зеленая гниль Гесперид вас миновала. Полагаю, вам не терпится узнать, почему я вас отозвал?

«Старый фигляр все так же склонен к нравоучениям», – подумал Куган и сказал:

– Я все-таки не робот.

На лице у него мелькнула кислая улыбка. Паттерсон нахмурился, поджав синеватые губы.

– У нас новое правительство, – сказал он.

– Вы поэтому меня вызвали? – спросил Куган, вновь переживая чувство обиды, которую пришлось проглотить, когда он получил приказ о возвращении.

– В некотором роде да, – сказал Паттерсон. – Новое правительство намерено подвергнуть все трансляции из Библиотеки цензуре. Цензор находится на борту того корабля, который сейчас садится.

– Это невозможно! – выпалил Куган. – Устав категорически запрещает вмешиваться в трансляции или работу Библиотеки! Я могу процитировать...

– Каково первое правило Библиотечного кодекса? – тихо перебил Паттерсон.

Куган запнулся и уставился на директора.

– Ну... – Он помолчал, вспоминая. – Первое правило Кодекса Галактической библиотеки – выполнять все прямые приказы действующего правительства. Ради сохранения Библиотеки это должно быть основной заповедью.

– И что это значит? – требовательным тоном спросил Паттерсон.

– Это просто слова, которые...

– Это больше, чем просто слова! – возразил Паттерсон. Его старческие щеки слегка покраснели. – Благодаря этому правилу Библиотека существует вот уже восемь тысяч лет.

– Но правительство не может...

– Когда доживете до моих лет, – сказал Паттерсон, – то поймете, что любое правительство, как правило, не знает, что ему можно делать, а чего нельзя, до тех самых пор, пока оно не перестанет быть правительством. В каждом правительстве заложены зерна его собственного уничтожения.

– Значит, мы позволим им подвергнуть нас цензуре? – спросил Куган.

– Возможно, – произнес Паттерсон, – если нам повезет. Новый Верховный регент – лидер партии Смиренного Незнания. Он говорит, что собирается ввести цензуру. Однако проблема в том, что, по нашим сведениям, он намерен вообще уничтожить Библиотеку – как пример для всех остальных.

До Кугана не сразу дошел смысл этих слов.

– Уничтожить...

– Сжечь, – пояснил Паттерсон. – Цензор – его главный генерал и ликвидатор.

– Разве он не понимает, что это не просто Библиотека? – спросил Куган.

– Не знаю я, что он там понимает, – ответил Паттерсон. – Но мы в чрезвычайном положении, и все осложняется тем, что персонал охвачен паникой. Они тайно собирают оружие и

вопреки моим приказам вызывают корабли сборщиков данных. Этот Торис Сил-Чан говорит всем...

– Торис!

– Да, Торис. Ваш товарищ... или кто он вам там. Именно он стоит во главе этого бунта и, насколько мне известно...

– Неужели он не понимает, что Библиотека не может вести войну, не рискуя быть уничтоженной? – воскликнул Куган.

Паттерсон вздохнул.

– Вы один из немногих в новом поколении, кто это осознает, – заметил он.

– Где Торис? – спросил Куган. – Я...

– Сейчас на это нет времени, – сказал Паттерсон. – Ликвидатор Верховного регента вот-вот прибудет.

– На Гесперидах об этом ничего не было слышно, – сказал Куган. – Как зовут этого Верховного регента?

– Лидер Адамс, – ответил Паттерсон.

– Никогда о нем не слышал, – сказал Куган. – А кто ликвидатор?

– Его зовут Пчак.

– А дальше?

– Просто Пчак.

* * *

Это был суровый человек с резкими чертами лицами, лишенными утонченности, которой отличались лица обитателей внутренних планет. Он был одет в подпоясannую на талии коричневую тогу, почти сливавшуюся по цвету с его кожей. На круглом, плоском лице сидели похожие на щели глаза. Он вошел в кабинет Паттерсона в сопровождении двоих мужчин в серых тогах с бластером на поясе.

– Я Пчак, – коротко сказал он.

«Тот еще красавец», – подумал Куган. В стилизованной простоте его одежды проскальзывало что-то зловещее. Он напомнил Кугану боевой крейсер, готовый к схватке.

Медленно, как приличествует его возрасту, слегка сторбившись, директор Паттерсон обошел вокруг стола.

– Для нас это большая честь, – сказал он.

– Неужели? – хмыкнул Пчак. – Кто здесь главный?

Паттерсон поклонился.

– Позвольте представиться, – поклонившись, сказал Паттерсон, – я директор Колдуэлл Паттерсон.

Пчак окинул его взглядом.

– Мы к вашим услугам, – продолжал Паттерсон.

На губах Пчака промелькнуло подобие улыбки.

– Я бы хотел знать, кто так грубо разговаривал с нашим офицером связи. «Эта планета занимается исследованиями и поиском знаний». Кто это сказал?

– Как же... – Паттерсон запнулся и облизнул губы. – Это сказал я.

Человек в коричневой тоге уставился на Паттерсона, затем указал на Кугана.

– Кто этот человек?

– Это Винсент Куган, – ответил Паттерсон. – Он только что вернулся с планеты группы Гесперид, чтобы лично приветствовать вас. Мистер Куган – мой главный помощник и преемник.

Пчак покосился на Кугана.

– Такой же собиратель всякого хлама, как и остальные грызуны, – сказал он и вновь повернулся к Паттерсону. – Но, возможно, вам понадобится преемник.

Один из стражников подошел к генералу.

– Поскольку знание ведет к несчастью, даже это слово само по себе неприятно, когда его употребляют в положительном смысле.

Куган вдруг ощутил в комнате электризирующее присутствие смертельной опасности. Очевидно, Паттерсон тоже это почувствовал. Он посмотрел в глаза Кугану и тихо сказал:

– Мы здесь для того, чтобы выполнять приказы.

– Вы демонстрируете прискорбную готовность восхищаться знанием, – заметил Пчак.

Охранник внезапно поднял бластер и ударил им директора по голове. Паттерсон осел на пол. Из раны у него на голове потекла кровь.

Куган хотел было сделать шаг вперед, но другой охранник ткнул его бластером в бок. Все заволочла красная пелена. У Кугана закружилась голова. Несмотря на головокружение, часть его разума продолжала работать и оценивать поступающую информацию. «Это стандартный метод притеснения, – сообщил его разум. – Запугивание жертвы незамедлительной демонстрацией насилия». Что-то холодное, жесткое и расчетливое взяло верх над сознанием Кугана.

– *Директор* Куган, – сказал Пчак, – это вызывает у вас какие-либо возражения?

Куган посмотрел на приземистого человека в коричневом. «Я должен держать ситуацию под контролем, – подумал он. – Я единственный, кто сможет бороться с этим, не нарушая Кодекса».

– Каждый человек надеется на продвижение по карьерной лестнице, – ответил он.

Пчак улыбнулся.

– Вы реалист. А теперь объясните, как работает ваша Библиотека. – Он обошел вокруг стола и сел. – Вряд ли нашему правительству стоит поддерживать такую дыру, но я получил приказ провести расследование, прежде чем вынести приговор.

«Ты получил приказ сделать вид, что проводишь расследование, а потом сжечь Библиотеку», – подумал Куган. Он взял со стола пульт управления изображениями и пристегнул его к поясу. Охранник тут же снова ткнул его бластером в бок.

– Что это? – заинтересовался Пчак.

Куган сглотнул ком в горле.

– Это пульт управления изображениями, – сказал он, глядя на распростертого на полу Паттерсона. – Могу я вызвать медробота для мистера Паттерсона?

– Нет, – рявкнул Пчак. – Что такое управление изображениями?

Куган пару раз глубоко вдохнул, посмотрел на боковую стену.

– Стены этой комнаты – мониторы для реализации изображений, – объяснил он. – Их выключили, чтобы не отвлекаться во время вашего визита.

Пчак откинулся на спинку кресла.

– Можете продолжать.

Охранник по-прежнему не отводил бластера от Кугана.

* * *

Встав напротив стены, Куган включил систему управления. Стена превратилась в окно, выходящее на ряды несгораемых шкафов. Вдалеке виднелись фигуры занятых делом роботов.

– От Терры осталась в основном оболочка, – сказал Куган. – Большая часть материи пошла на строительство космических кораблей во время великого исхода.

– Опять эта басенка, – сказал Пчак.

Куган запнулся. Его взгляд против воли метнулся к неподвижно лежавшему на полу Колдуэллу Паттерсону.

– Продолжайте, – велел Пчак.

Нечто холодное, жесткое и расчетливое в сознании Кугана зашептало: «Ты знаешь, что делать. Запудри ему мозги и выруби его».

Сосредоточившись на мониторе, Куган продолжал:

– Потерю массы компенсировала гигантская гравитронная часть в ядре планеты. Библиотека занимает почти всю подповерхность Терры. Уровни разделены на совмещенные квадраты площадью до сотни километров. Богатство хранящихся здесь записей потрясает воображение. Это...

– Возможно, ваше воображение, – перебил его Пчак. – Но не мое.

Поборов охватившую его дрожь, Куган заставил себя говорить дальше.

– Это хранилище всех известных действий каждого правительства в истории Галактики. За образец взята оригинальная организация, на основе которой сформировалась наша Библиотека. Она называлась Библиотека Конгресса. У этой организации была репутация...

– Конгресс, – убийственно невыразительным тоном произнес Пчак. – Прошу вас пояснить этот термин.

«Что я сейчас такого сказал?» – удивился Куган. Глядя на Пчака, он пояснил:

– Конгресс – это древняя форма правительства. Ближайший современный пример – Совет Чи, который...

– Так я и думал! – рявкнул Пчак. – Этот клуб дебатов! Не объясните ли вы мне, мистер Куган, почему недавняя трансляция из Библиотеки превозносила преимущества данной формы правления?

«Вот же аспид», – подумал Куган, а вслух сказал:

– Ну, трансляции из Библиотеки все равно никто не смотрит. Из пяти тысяч каналов...

– Отвечайте на мой вопрос, мистер Куган. – Пчак подался вперед. В глазах охранника с бластером появилось голодное выражение. Куган вновь покосился на неподвижно лежавшего на полу Паттерсона.

– Мы не контролируем подбор передач, – сказал Куган, – за исключением десяти специальных каналов, предназначенных для ответа на вопросы, возникающие в ходе исследований, и десяти других каналов, которые сканируют поступающие в Библиотеку новые материалы.

– Не контролируете, – изрек Пчак. – Интересный ответ. Почему?

Куган потер шею левой рукой и сказал:

– Устав трансляции был дан нам первым правительством всей системы в двадцать первом веке. Метод случайного подбора передач был разработан для того, чтобы сохранять беспристрастность. Считалось, что информация, хранящаяся в Библиотеке, должна находиться в свободном доступе для всех...

Он замолчал. Уж не перегнул ли он палку, цитируя устав? «Что ж, они могут прочитать оригинал, если захотят», – подумал он.

– Весьма занимательно, – сказал Пчак и бросил взгляд на стоявшего рядом с ним охранника. – Не правда ли?

Охранник ухмыльнулся.

Куган медленно, осторожно вдохнул, затем выдохнул. Он чувствовал, что приближается критический момент. Это ощущение сдавило ему грудь.

– Расследование должно быть тщательным, – сказал Пчак. – Посмотрим, что вы транслируете сейчас.

* * *

Куган запустил систему контроля, и на правом ромбовидном мониторе появилось изображение. Это был человек с крючковатым носом, одетый в кожаные штаны и рубашку. На кончиках его ботинок красовались морды каких-то животных, голову покрывала шляпа с пером.

– Это регулярная передача случайной информации, – сказал Куган и посмотрел на пояс. – Канал восемьдесят два.

Он усилил громкость. Человек на экране говорил на языке, состоявшем из резких шипящих звуков. На полу рядом с ним высилась небольшая горка маленьких круглых предметов, каждый из которых был помечен.

– Он говорит на мертвом языке звезды Процион, – пояснил Куган. – Это зоолог из системы, уничтоженной коронным разрядом тридцать четыре века назад. На полу лежат черепа грызунов, которые водились в той системе. Он говорит, что на классификацию свыше восьми тысяч черепов у него ушло одиннадцать лет.

– Почему? – спросил Пчак. Казалось, вопрос его действительно заинтересовал. Он подался вперед, разглядывая горку черепов на полу.

– Думаю, мы пропустили эту часть, – сказал Куган. – Наверное, он хотел доказать какую-то зоологическую теорию.

Пчак снова откинулся на спинку стула.

– Этот зоолог мертв, – сказал он. – Его системы больше не существует. На его языке никто не говорит. Такие вещи часто показывают?

– Боюсь, что такие передачи составляют девяносто девять процентов трансляций из Библиотеки, за исключением исследовательских каналов, – ответил Куган. – Такова природа случайного отбора.

– Кому какое дело до теорий этого зоолога? – спросил Пчак.

– Возможно, каким-нибудь зоологам это интересно, – сказал Куган. – Невозможно предугадать, какая информация окажется для кого-то ценной.

Пчак буркнул что-то себе под нос. Что-то вроде: «Грызуны!»

– Грызуны? – переспросил Куган.

Коротышка в коричневом улыбнулся.

– Так мы вас называем, – ответил он. – И, очевидно, не зря. Вы собираете всякую бесполезную информацию, совсем как грызуны, которые тащат к себе в нору всякий мусор.

«Пора преподать ему небольшой урок», – подумал Куган и сказал:

– Лесной хомяк был грызуном родом с этой планеты. В настоящее время является вымершим здесь, но еще встречается на планете Маркеб IX и на нескольких планетах Кольца. Лесной хомяк жил в лесу и имел привычку воровать мелочи из охотничьих лагерей. В обмен на все, что он забирал, хомяк оставлял что-нибудь из своей норы: обрывок веревки, сучок, кусочек яркого стеклышка, камушек. Среди всего мусора, который засорял его нору, можно было иногда найти самородок ценного металла. Поскольку хомяк не отбирал предметы для обмена – так сказать, действовал случайным образом, – он мог оставить драгоценный металл в лагере охотника в обмен на крышку от бутылки.

Пчак встал, подошел к голографическому изображению зоолога, провел сквозь него рукой.

– Потрясающе, – сказал он, не скрывая сарказма. – И это, по-вашему, самородок?

– Скорее, сучок, – ответил Куган.

Пчак повернулся лицом к Кугану.

– Что еще вы прячете в норе грызуна? Самородки?

Куган посмотрел на Паттерсона на полу. Старик не двигался.

– Могу я сначала вызвать медробота для оказания помощи мистеру Паттерсону?

Генерал не сводил глаз с Кугана.

– Нет. Выполняйте мои указания.

«Первое правило Кодекса – подчиняться», – подумал Куган. Он медленно, твердо переключил рычаг на пульте управления у себя на поясе. Зоолог с Прочиона исчез, и стена превратилась в экран, на котором возникла страница из книги. «Вот приманка, – подумал Куган, – надеюсь, ты ею отравишься».

– Это пример древней военной тактики, в котором показаны некоторые действенные методы, а также некоторые неудачные.

Пчак повернулся к экрану, сложил руки у себя за спиной и принялся покачиваться на пятках.

– Что это за язык?

– Древний английский с Терры, – ответил Куган. – У нас есть сканер, который выполнит для вас устный перевод, если хотите.

Генерал не сводил глаз с экрана.

– Откуда мне знать, что этот текст соответствует действительности?

– Библиотечный кодекс запрещает вмешательство в записи, – сказал Куган. – Мы дали клятву сохранить настоящее ради будущего. – Он посмотрел на Пчака, затем снова на экран. – У нас есть и другие военные записи, примеры тактики каждой встреченной землянами расы. Например, есть полная военная история праэмиров с планеты Роман II.

Куган переключил управление на поясе, и на экране появилась история войн, составленная для генерала, которого не стало еще шестнадцать столетий назад. Пчак смотрел, как на экране дубины и камни сменяются копьями, потом и совсем уж странными видами оружия. Вдруг Куган отключил экран.

Пчак вскинул голову.

– Почему вы остановились?

«Попался», – подумал Куган.

– Я решил, что вам лучше посмотреть эту запись в удобное для вас время, – сказал он. – Если хотите, я подготовлю для вас просмотрную и покажу, как ориентироваться в записях, если вас заинтересует какая-либо сторонняя тема.

Куган затаил дыхание. «Теперь посмотрим, правда ли он попался», – подумал он.

Генерал продолжал таращиться в пустой экран.

– Мне приказано провести тщательное расследование, – наконец выдал он. – Полагаю, это входит в расследование. Подготовьте просмотрную. – Он повернулся и в сопровождении охраны зашагал к двери.

– Просмотровая А находится на шестьдесят девятом уровне, – сказал Куган и сделал шаг в сторону Пчака. – Я все для вас устрою и...

– Вы останетесь здесь, – возразил Пчак. – Мы используем просмотрную Б. Велите своему помощнику все нам объяснить. – Он оглянулся. – У вас ведь есть помощник?

– Я пришлю Ториса Сил-Чана, – сказал Куган. Тут он вспомнил слова Паттерсона о том, что Торис – главарь смутьянов, которые хотят развязать войну.

Он готов был откусить себе язык, но знал, что если передумает сейчас, то вызовет у Пчака подозрения. Вернувшись к столу, Куган велел компьютеру отыскать Ториса и отправить его в просмотрную.

«Прошу тебя, не совершай никаких поспешных действий», – взмолился он.

– Этот помощник – ваш преемник? – спросил Пчак, глядя на Паттерсона.

– Нет, – ответил Куган.

– Вы должны назначить преемника, – сказал Пчак и вышел из кабинета вместе с двумя охранниками.

Куган без промедления вызвал медробота для Паттерсона. Роб, напоминавший по форме скарабея, беззвучно въехал в комнату, поднял неподвижное тело своими плоскими разгибательными мышцами и удалился.

* * *

На закате дождь двигался вдоль земных меридианов, проливаясь в обмелевшее море, усеивая траву росой, наполняя чашечки цветов. Один из экранов на стене кабинета директора показывал эту сцену с поверхности планеты – белая деревня под дождем, трепещущие кроны деревьев. Над деревней кружили вертолеты, поблескивая влажными металлическими телами.

На худом лице Кугана лежал отпечаток усталости. Он сидел за директорским столом, сложив перед собой руки и то и дело поглядывая на экран. За пределами деревни виднелся шпиль правительственного звездолета – высокого алебастрового судна с эмблемой взрывающейся звезды на носу. Куган вздохнул.

Позади раздался звонок. Он повернулся к контрольной панели на стене, нажал на клавишу и произнес в микрофон:

– Да?

Из динамиков донесся голос, подобный скрежету проволоки по оловянной пластине:

– С вами говорят из больницы.

– Ну? – напрягшись, спросил Куган.

– Директор Паттерсон скончался до прибытия сюда, – проскрежетал голос. – Роботы уже избавились от его тела через офис КИБ.

– Пока никому об этом не говорите, – велел Куган. Он убрал руку с переключателя и повернулся к столу. Теперь это *его* стол. *Директор Куган*. Эта мысль, однако, не принесла ему никакого удовлетворения. Перед глазами снова возникло неподвижное тело на полу. «Какая ужасная смерть, – подумал он. – Библиотекарь должен умирать прямо во время исследования, просто тихо упасть среди полок».

Звякнул экран на столе. Куган ударил по ручному переключателю, и на мониторе появилось лицо Пчака. Генерал тяжело дышал, на лбу у него выступила испарина.

– Чем могу вам помочь? – спросил Куган.

– Как мне получить записи запрещенных уроков языка звезды Зосма? – требовательно спросил Пчак. – Ваша машина дает мне ссылки на какую-то чепуху про абстрактный символизм.

Дверь в кабинет Кугана приоткрылась, и вошел Сил-Чан. Увидев, что по монитору кто-то звонит, он остановился на пороге. Коренастый и весьма полный, Сил-Чан в то же время каким-то образом ухитрился не выглядеть бесформенным толстяком. На его круглом лице ярко выделялись миндалевидные, чуть навыкате глаза, характерные для обитателей планет группы Мундиаль возле звезды Рукбах.

Не сводя глаз с Сил-Чана, Куган покачал головой, пока искал в памяти ответ на вопрос Пчака. Он нашел его с отметкой «исследования в области семантики».

– Зосма, – сказал он. – Да, это был язык, оперировавший исключительно вторичными референтами. Каждая фраза была дважды удалена от...

– Что такое, во имя Шанду, вторичный референт? – выпалил Пчак.

«Спокойно, – сказал себе Куган. – Я не могу позволить себе перейти в наступление сейчас».

– Запросите раздел о семантике, – ответил он. – Мистер Сил-Чан показал вам, как получать необходимые записи?

– Да, да, – нетерпеливо пробормотал Пчак. – Семантика, да? – Экран погас.

* * *

Сил-Чан закрыл дверь и подошел к столу.

– Полагаю, – сказал он, – что генерал считает, будто сумеет завершить свое расследование за неделю или две.

– Видимо, – согласился Куган, разглядывая Сил-Чана. Этот человек не походил на смутяна, но, возможно, угрозы уничтожения Библиотеки оказалось достаточно, чтобы вывести его из себя.

Сил-Чан занял стул напротив Кугана.

– Генерал всего лишь уличный пес, – сказал он, – но он верит в этого лидера Адамса. Огонь в его глазах, когда он говорит об Адамсе, напугал бы и святого.

– Как все прошло в просмотровой? – спросил Куган.

– Пчак помешался на изучении разрушений, – сказал Сил-Чан. – Мы пока не решили, стоит ли от него избавляться. Где директор Паттерсон?

Интуиция подсказывала Кугану, что пока не следует рассказывать о смерти директора.

– Его здесь нет, – ответил он.

– Это и так понятно, – сказал Сил-Чан. – Я пришел, чтобы предъявить директору ультиматум. Где он?

– Можешь предъявить свой ультиматум мне, – сухо сказал Куган.

В глазах Сил-Чана сверкнул огонек. Он уставился на Кугана.

– Винс, мы с тобой давние друзья, – сказал он, – но тебя здесь долго не было, и ты не знаешь, что тут творилось. Не принимай пока ничью сторону.

– И что же здесь творилось? – спросил Куган, краем глаза глядя на Сил-Чана.

Уроженец Мундиала подался вперед и оперся локтем о стол.

– К власти пришло новое правительство, Винс, и оно планирует уничтожить Библиотеку. А этот тупоголовый Паттерсон выполняет каждый их приказ. Сделайте то! Сделайте это! И он все делает! Он без обиняков заявил нам, что не намерен нарушать приказы правительства. – Сил-Чан сжал губы так, что они превратились в тонкую линию. – *Это противоречит Библиотечному кодексу!*

– Кто такие *мы*? – спросил Куган.

– А? – не понял Сил-Чан.

– Ты сказал: *мы* решили не избавляться от Пчака, – напомнил Куган.

– Ах... – Сил-Чан отстранился. – Да всего-то треть персонала. Большая часть сборщиков данных присоединяется к нам по мере возвращения.

Куган постучал пальцем по столу. «Около восьмидесяти тысяч человек», – подумал он и спросил:

– И какой у вас план?

– Очень простой. – Сил-Чан пожал плечами. – Около пятидесяти человек в секции С на шестьдесят девятом уровне готовы по моей команде выступить против Пчака и его телохранителей. Еще триста сейчас на поверхности и готовятся атаковать правительственный корабль.

Куган склонил голову набок и в изумлении уставился на Сил-Чана.

– В этом заключается твой ультиматум?

Сил-Чан покачал головой.

– Нет. Где Паттерсон?

Куган принял решение и встал из-за стола.

– Паттерсон мертв. Директор теперь я. Можешь предъявить свой ультиматум мне...

Некоторое время Сил-Чан молча смотрел на Кугана.

– Как он умер? – спросил Сил-Чан.

– Он был стар, – ответил Куган. – Каков твой ультиматум?

Сил-Чан облизнул губы.

– Мне очень жаль, Винс. – Он снова пожал плечами. – Но это упрощает мою задачу. Ты из тех, кто прислушивается к доводам рассудка. – Он встретился взглядом с Куганом. – Наш план таков. Мы берем в плен этого Пчака и его корабль, держим его в заложниках и по каждому из имеющихся в нашем распоряжении каналов просим поддержки населения. Если пять тысяч каналов станут говорить о...

– Дубина! – рявкнул Куган. – В жизни не слышал ничего глупее! Адамс не обратит на вашего заложника никакого внимания и сбросит на нас космическую бомбу!

– Но, Винс...

– Никаких «но, Винс», – сказал Куган. Обойдя вокруг стола, он навис над Сил-Чаном. – Раз уж ты носишься тут и нарушаешь указания начальства, ты будешь называть меня «господин директор» и...

Сил-Чан вскочил на ноги и грозно посмотрел на Кугана.

– Мне не хочется напоминать тебе, Винс, – сказал он, – но у нас есть организация и цель. Тебе нас не остановить! Ты смещен с должности до тех пор, пока...

– Заткнись! – Куган вернулся за стол и положил руку на короткий рычаг внизу панели управления. – Ты знаешь, что это, Торис?

На лице Сил-Чана появилось выражение растерянности. Он неуверенно покачал головой.

– Это главный рычаг управления гравитронной частью, – сказал Куган. – Если я нажму на него, часть отключится. Вся почва, все, что находится за пределами Библиотеки, улетит в космос!

Сил-Чан побледнел. Он протянул руку к Кугану и тихо сказал:

– Ты не можешь это сделать... Твоя жена, твоя семья... Там все наши семьи. Они не выживут!

– Я здесь директор, – сказал Куган. – Я заслужил право занимать эту должность!

Свободной рукой он передвинул четыре переключателя на контрольной стене.

– Теперь пожарные перемишки помешают твоему отряду с шестьдесят девятого уровня выйти оттуда. – Он повернулся к Сил-Чану. – А сейчас свяжись со всеми подчиняющимися тебе смутьянами и прикажи им сдать оружие роботам, которых я отряжу для этой работы. Некоторые из твоих людей мне известны. Если ты сделаешь хоть один шаг, который меня не устроит, я сам покончу с этой лихорадкой!

– Ты! – Сил-Чан стиснул зубы. – Так и знал, что надо было взять с собой бластер. Но нет! Вы с Паттерсоном всегда были такими цивилизованными! С вами можно было договориться!

– Звони давай, – велел Куган и придвинул настольный монитор к своему собеседнику.

* * *

Сил-Чан рывком придвинул к себе монитор, исполняя приказ. Куган передал указания в штаб роботов и стал ждать, пока Сил-Чан закончит. Наконец уроженец Мундиаля отодвинул монитор обратно.

– Это тебя устраивает? – спросил он.

– Нет. – Куган сомкнул перед собой пальцы. – Я выдам оружие кое-кому из персонала, тем, кому могу доверять. Если восстание продолжится, им будет велено стрелять на поражение. – Он наклонился вперед. – Кроме того, мы выставим охрану между секторами и будем проводить регулярные обыски. У тебя не будет ни малейшего шанса что-нибудь проверить.

Сил-Чан сжимал и разжимал кулаки.

– А что ты намерен делать с этим Пчаком и его лидером Адамсом?

– Они члены правительства, – ответил Куган. – Согласно Кодексу мы обязаны подчиняться их приказам, что я и намерен делать. Каждого, в ком будет замечен хотя бы намек на неповиновение, я лично сдам Пчаку.

Сил-Чан медленно поднялся на ноги.

– Мы с вами знакомы уже более шестидесяти лет, *мистер* Куган. Это лишь доказывает, как мало можно узнать о крысе. После того как этот психопат отберет у тебя Библиотеку, у тебя здесь не останется ни одного друга. Ни меня, ни людей, которые должны теперь тебе повиноваться, ни жены, ни семьи. – Он ухмыльнулся. – Между прочим, один из твоих сыновей, Фил, на нашей стороне. – Он пристально посмотрел на Кугана. – Я намерен рассказать всем об угрозе, с помощью которой ты сегодня взял Библиотеку под контроль.

– Контроль над Библиотекой – мое заслуженное право, – ответил Куган и, улыбнувшись, нажал на рычаг на контрольной стене. Стена повернулась на четверть на центральной оси. – Торис, когда вернешься к Пчаку, пришли сюда робота-ремонтника. Я хочу сделать здесь кое-какие особые инсталляции.

Сил-Чан подошел к краю стола, глядя на рычаг, управлявший движением стены.

– Ты меня обманул!

– Ты сам себя обманул, – сказал Куган, – как только закрыл глаза на самое сильное наше преимущество – повиновение правительству.

Сил-Чан буркнул что-то себе под нос, круто развернулся и покинул кабинет.

Глядя, как закрывается за ним дверь, Куган подумал: «Если бы я только верил в эти слова так, как это необходимо».

* * *

С настольного монитора на Кугана смотрела красивая женщина с волосами цвета раскаленного угля, тонкими чертами лица и большим, чувственным ртом. Казалось, в ее зеленых глазах, как и в волосах, сверкали искры.

– Винс, где ты был? – спросила она.

– Прости, Фэй, – устало сказал он. – У меня были дела.

– Мальчики привезли свои семьи с Антигуа, и мы ждем тебя уже несколько часов. Что происходит? И что за чепуху несет Торис?

Куган вздохнул и провел рукой по волосам.

– Не знаю, что тебе наговорил Торис. Но Библиотека в критическом положении. Паттерсон мертв, и у меня нет надежных людей, чтобы держать все под контролем.

Широко раскрыв глаза, она прижала руку к губам и воскликнула:

– О нет! Только не Пат!

– Да, увы...

– Как это случилось?

– Видимо, не выдержал, – сказал Куган. – Все-таки возраст...

– Я не поверила Торису...

Куган ощутил, как на него наваливается неимоверная усталость.

– Ты сказала, мальчики дома... Спроси Фила, входил ли он в состав группы, поддерживавшей Ториса.

– Я тебе и так могу сказать, что входил, – ответила она. – Это не секрет. Дорогой, что на тебя нашло? Торис говорил, ты угрожал отправить всю планетарную поверхность в космос.

– Это была всего лишь пустая угроза, – сказал Куган. – Торис намеревался послушаться указаний правительства. Я не мог этого допустить. Это только...

– Винс! Ты сошел с ума? – В ее глазах плескались изумление и ужас. – Этот Адамс собирается уничтожить Библиотеку! Не можем же мы просто сидеть сложа руки и позволить ему это сделать!

– Мы чересчур расслабились, – возразил Куган. – Долгое время нам слишком легко все давалось. Я намерен исправить эту ситуацию!

– Но как же...

– Если мне позволят уладить все своим методом, он не сможет уничтожить Библиотеку, – сказал Куган. – Я надеялся, что ты мне доверишься.

– Конечно, я тебе доверяю, дорогой, но...

– Значит, доверься мне, – сказал он. – И прошу тебя, пойми, что я бы предпочел быть дома с тобой.

Она кивнула.

– Конечно, дорогой.

– Ах да, – прибавил он, – передай Филу, что он под домашним арестом за предумышленное неповиновение Кодексу. Позже я разберусь с ним лично. – И прежде чем она ответила, Куган отключил связь.

«А теперь займемся генералом Пчаком, – подумал он. – Посмотрим, не даст ли он нам понять, как разобраться с лидером Адамсом».

* * *

Для обеспечения наилучшей акустики комната имела яйцевидную форму. В одном конце располагался плоский экран и пространство для реализации изображений. Вдоль стены напротив экрана стоял изогнутый диван, разделенный на части регулируемыми подлокотниками со встроенной системой управления.

Пчак развалился на диване, напоминая коричневую кляксу на сером пластике, и смотрел, как двое гладиаторов с Кригеллии проливают кровь на арене с движущимся полом. Когда вошел Куган, Пчак переключил экран на книжную страницу, прочел несколько предложений на кригеллианском диалекте языка Зосма и, не скрывая раздражения, посмотрел на Кугана.

– *Директор* Куган, – сказал Пчак, – вы уже нашли преемника? – Он встал. – Семантика кажется мне чрезвычайно интересной, *директор* Куган. Мне нравится искусство использования слов как оружия. Особенно меня интересует психологическая война.

Куган задумчиво уставился на человека в коричневой тоге. В голове зародилась идея. «Если этот варвар начнет изучать психологическую войну, он никогда не уйдет». Куган выдвинул секцию изогнутого дивана и уселся напротив Пчака.

– Что прежде всего нужно знать об оружии? – спросил он.

Генерал наморщил лоб и пробормотал:

– Как его эффективно использовать, разумеется.

Куган покачал головой.

– Это чрезмерное обобщение. Прежде всего, необходимо знать недостатки оружия.

Пчак раскрыл глаза шире.

– Чего оно *не может* делать. Хитро.

– Психологическая война – объемная тема, – продолжал Куган. – Некоторые считают, что это палка о двух концах. Если схватить ее достаточно сильно, чтобы нанести удар противнику, можно самому оказаться небоеспособным еще до того, как удар будет нанесен.

Пчак оперся о подлокотник дивана.

– Не уверен, что понимаю вас.

– Все равно это поверхностная дискуссия, – сказал Куган. – Прежде всего, вам придется применить психологические методы по отношению к самому себе. Чем больше вы анализируете собственный рассудок, тем меньше вы способны применить оружие против кого-то другого.

– Вы намекаете, что я сумасшедший? – холодно спросил Пчак.

– Конечно, нет, – ответил Куган. – Я обобщил для вас одну из дискуссий на тему психологической войны. Некоторые считают любую войну безумием. Но психическое здоровье – вопрос степени. Степень подразумевает измерение. Чтобы что-то измерить, необходима абсолютная величина, от которой можно отталкиваться. Нельзя назвать кого-то здоровым или сумасшедшим, если у нас нет системы измерения. Соответственно, невозможно определить, уязвим ли противник перед нашим оружием.

Пчак дернулся. В его узких глазах вспыхнул холодный огонек.

Куган помедлил. «Может, я зашел слишком далеко?» – спросил он себя.

– Приведу еще пример, – сказал он, указывая на экран. – Вы только что посмотрели, как двое гладиаторов решают спор между своими городами. Эта схватка происходила двадцать веков назад. Вас не интересовал спор, который они улаживали. Вы изучали их боевые методы. Через двадцать веков кто-нибудь станет изучать ваши. Заинтересуют ли их споры, которые вы улаживали?

Пчак склонил голову набок, не сводя глаз с Кугана.

– По-моему, вы используете всякие хитрые слова, чтобы меня запутать, – сказал он.

– Нет, генерал. – Куган покачал головой. – Наша задача – не запутывать людей. Мы верим в Кодекс и соблюдаем его. Кодекс велит нам выполнять указания правительства. И это не значит, что мы выполняем их, когда нам этого хочется или когда наша позиция совпадает с вашей. Мы просто подчиняемся. Ваши приказы будут выполнены. Нам незачем вводить вас в заблуждение.

– Знания – это тупик, ведущий только к страданию, – странно невыразительным голосом проговорил Пчак.

Внезапно Куган понял, что он цитирует лидера Адамса.

– Мы не распространяем знания, генерал. Мы только храним информацию. Это наша первостепенная задача.

– Но от вас она растекается по всей Вселенной! – вскричал генерал. – И становится знанием!

– Это регулирует Устав, а не Кодекс, – сказал Куган.

Пчак поджал губы и подался вперед.

– Хотите сказать, что, если я велю вам прекратить трансляции, вы это сделаете? Мы полагали, что вы готовы оказывать нам любое возможное сопротивление.

– Значит, вы были дезинформированы, – сказал Куган.

Генерал откинулся на спинку дивана и потер подбородок.

– Хорошо, прекратите их, – сказал он. – Даю вам полчаса. Я хочу, чтобы вы отключили все пять тысяч каналов, в том числе специальные.

Куган встал и поклонился.

– Приказ будет исполнен, – сказал он.

* * *

Куган сидел за столом в кабинете директора, глядя на стену напротив. Экраны молчали. Казалось, будто в комнате открылась черная дыра, воплощение пустоты. Дверь отворилась, и вошел Сил-Чан.

– Ты хотел меня видеть? – спросил он.

Куган на секунду задержал на нем взгляд, затем ответил:

– Почему ты не вернулся в просмотрную Пчака, как я тебе велел?

– Потому что Пчак меня отпустил, – кратко ответил Сил-Чан.

– Заходи и садись, – сказал Куган. Повернувшись к настольному монитору, он запросил запись. – О родителях и воспитании нового Верховного регента, – сказал он.

После небольшой паузы с экрана раздался голос:

– Лидер Адамс, также известный как Адам Ю. Мать – Симила Ю, уроженка группы Мундиаль... – Куган покосился на Сил-Чана. – ...планета Секстус С III. Отец – Принцепс Адамс, родом из группы Геркулес. Погиб в результате несчастного случая с участием подпространственного переводчика Планетарного Университета на Геркулесе XII, когда сыну было девять лет. Юный Адамс воспитывался в семье матери на планете Секстус С III до восемнадцати лет, а затем отправился на Шанду, чтобы учиться на религиозного лидера. Во время пребывания на Шанду...

– Пришлите мне транскрипт, – перебил Куган. Оборвав связь, он перевел взгляд на Сил-Чана. – Ты все еще злишься, Торис?

Сил-Чан, нахмурившись, поджал губы.

Не обратив на это внимания, Куган продолжал:

– Отец Адамса погиб в результате несчастного случая на университетской планете. Возможно, отсюда у сына бессознательная ненависть к знанию. – Он с любопытством посмотрел на Сил-Чана. – Ты ведь сам из Мундиаля. Что можешь сказать о тамошних нравах?

– Если Адамс там вырос, значит, он мистик, – пожал плечами, сказал Сил-Чан. – Все наши – мистики. Мундиальцы не допустили бы, чтобы было иначе. Поэтому его и забрали на родную планету. – Вдруг Сил-Чан поднес руку к подбородку. – Отец погиб от несчастного случая... – Он посмотрел на Кугана, сквозь него. – Может быть, несчастный случай был *подстроен*. – Наклонившись вперед, он постучал рукой по столу. – Допустим, отец возражал против воспитания сына в группе Мундиаль...

– Хочешь сказать, несчастный случай устроила мать?

– Либо она, либо какие-нибудь родственники, – сказал Сил-Чан. – Такое случается. Мундиальцы ревностно стерегут своих. Мне было чертовски трудно получить разрешение на то, чтобы устроиться в Библиотеку.

– Культ счастья, которое достигается посредством невежества, – сказал Куган. – Как это связано с мистицизмом?

Сил-Чан смотрел на столешницу, наморщив лоб.

– Он искренне верит в судьбу. Если он считает, что должен уничтожить Библиотеку, чтобы исполнить свое предназначение, его не остановишь.

Куган сцепил пальцы поверх стола и сжал их с такой силой, что ощутил боль. «Повиновение! – подумал он. – Подходящее оружие против фанатика!»

– Если бы мы могли доказать, что мать или клан Ю причастны к гибели отца, это была бы ценная информация, – сказал Сил-Чан.

– Мудрый человек опирается на друзей в поиске информации и на себя в принятии решений, – сказал Куган.

– Это мундиальская аксиома, – заметил Сил-Чан.

– Я ее где-то прочитал, – сказал Куган. – Ты ведь из Мундиаля, Торис. Объясни мне про мистицизм.

– Я уже почти все забыл, но... попробую. Он вертится вокруг древней формы почитания предков. Видишь ли, мистицизм – это искусство оглядываться назад, при этом убеждая себя, что смотришь вперед. Древний бог с Терры, Янус, был мистиком. Он смотрел одновременно назад и вперед. Все, что мистик делает в настоящем, должно иметь интерпретацию в прошлом. Что до интерпретации...

– Тонко, – сказал Куган. – Я едва не упустил нюанс. *Интерпретация*. Если заменить *интерпретацию обоснованием*...

– Получится библиотекарь, – закончил Сил-Чан.

– Обоснование может быть правдой, а может и не быть, – сказал Куган. – Оно убеждает нас верить интерпретации.

– Снова семантика, – сказал Сил-Чан, едва заметно улыбнувшись. – Может, поэтому ты и директор.

– Ты все еще настроен против меня? – спросил Куган.

Улыбка сошла с лица Сил-Чана.

– Это самоубийство, Винс. – Он подался вперед. – Если мы станем исполнять твои приказы, то когда Адамс велит уничтожить Библиотеку, нам придется ему помочь!

– Конечно, – согласился Куган. – Но до этого не дойдет. Я бы хотел, чтобы ты доверился мне, Торис.

– Если бы в твоих действиях была хоть капля здравого смысла, разумеется, я бы тебе доверился, – сказал Сил-Чан. – Но... – Он пожал плечами.

– У меня для тебя работа, – сказал Куган. – Не важно, бессмысленна она или нет, я хочу, чтобы ты выполнил ее с точностью. Возьми любой корабль, какой сможешь достать, и слетай на Секстус С III в группе Мундиаль. Когда доберешься, я хочу, чтобы ты доказал, что в смерти отца лидера Адамса виновен клан Ю. Мне все равно, правда это или нет. Мне нужны доказательства.

– Это имеет смысл, – сказал Сил-Чан. – Если сможем дискредитировать большого начальника...

Звякнул монитор. Куган ударил по переключателю, и на экране появилось лицо библиотекаря среднего ранга.

– Сэр, – выпалил тот, – прекращены все информационные трансляции из Библиотеки! Мне только что позвонили из...

– Постановление правительства, – сказал Куган. – Все хорошо. Возвращайтесь к работе. – Он отключил связь.

Сжав кулаки, Сил-Чан навалился на стол.

– Хочешь сказать, что ты так просто, без малейшего сопротивления, позволил им закрыть нас?..

– Позволь кое о чем тебе напомнить, – сказал Куган. – Чтобы выжить, мы должны подчиняться правительству. Я директор, и я отдал тебе приказ. Выполняй!

– А если я откажусь?

– Я найду другого человека, а тебя арестуют.

– Ты не оставляешь мне выбора. – Сил-Чан торопливо покинул кабинет, хлопнув дверью.

* * *

Двадцать четыре раза вечерние дожди омыли башню высоко над кабинетом Кугана. Игра в кошки-мышки с Пчаком продолжалась в том же духе. Коротышка-генерал в коричневом все глубже и глубже погружался в записи. На двадцать пятый день Куган вернулся к себе в кабинет после полудня.

«Пчак окончательно попался, – подумал он, – но что будет, когда Адамс узнает, что Библиотека еще цела?»

Он сел за стол, повернулся к панели управления и включил крошечный экран, соединенный со скрытой камерой на шестьдесят девятом уровне. Пчак сидел в просмотровой, изучая язык Альбирео, прежде чем приступить к исследованию военной истории этой двухзвездной системы. За спиной у Кугана раздалось механическое жужжание, говорившее о том, что кто-то

вышел из лифта. Он поспешно выключил экран и повернулся к столу. Дверь распахнулась. В кабинет, пошатываясь, вошел Торис Сил-Чан в рваной одежде и с грязной повязкой на плече.

Уроженец Мундиаля покачнулся, пересекая комнату, и ухватился за край стола Кугана.
– Спрячь меня! – прохрипел он. – Скорее!

Куган дернул на себя панель и указал на пустое пространство за ней. Сил-Чан юркнул внутрь, и Куган, закрыв панель, снова повернулся к столу.

Опять послышался характерный звук. В комнату ворвались двое вооруженных бластерами охранников.

– Где он? – спросил первый.

– Кто он? – удивился Куган, выравнивая пачку бумаги на столе.

– Человек, спрыгнувший с челнока, – пояснил охранник.

– Не понимаю, о чем вы, – ответил Куган, – но вижу, что придется сообщить генералу Пчаку о вашем бесцеремонном вторжении в мой кабинет и...

Охранник опустил бластер и отступил на шаг.

– В этом нет необходимости, сэр, – сказал он. – Мы видим, что того человека здесь нет. Очевидно, он отправился на один из нижних уровней. Пожалуйста, простите нас за то, что помешали вам. – И они, пятась, вышли из кабинета.

Подождав, пока скрытые передатчики в коридоре известят о том, что охранники ушли, Куган отодвинул панель. Сил-Чан, съживившись, лежал на полу. Куган нагнулся и потряс его.

– Торис! Что случилось?

Сил-Чан пошевелился и посмотрел на Кугана так, словно поначалу не узнал его.

– Ох... Винс...

Директор положил руку на спину Сил-Чану и помог ему сесть.

– Полегче, полегче. Просто расскажи, что с тобой произошло.

– Я провалил задание, – сказал Сил-Чан. – Клан Ю узнал, зачем я приехал. Адамс отдал приказ об... аресте. Я потерял корабль. Сбежал в спасательной капсуле. Приземлился с другой стороны... планеты. Охранники Пчака пытались меня остановить... – Он уронил голову на грудь.

Куган прижал руку к сердцу своего друга, ощутил его равномерное биение. Уложив Сил-Чана обратно на пол, он вышел и вызвал медробота. Сил-Чан пришел в себя, когда робот поднимал его.

– Прости, что так тебя покидаю, – сказал он. – Я...

Монитор на столе директора звякнул. Куган нажал на переключатель, просмотрел слова сообщения, выключил экран и повернулся к Сил-Чану.

– Придется лечить тебя здесь, – сказал он. – Сейчас нельзя нести тебя по коридору. Слишком большой риск.

* * *

Возле двери зажуужал скрытый передатчик. Куган подтолкнул Сил-Чана назад за панель и закрыл ее. В кабинет вошел Пчак с бластером в руке. За ним следовали двое охранников. Скользя взглядом по медроботу, генерал уставился на Кугана.

– Где человек, для лечения которого был вызван этот робот?

Охранник, который вошел последним, закрыл дверь и вскинул бластер.

– Отвечайте! Или вас убьют прямо на месте, – пригрозил Пчак.

«Конец», – подумал Куган и сказал:

– Эти медроботы – интересные существа, генерал. У них нет полноценной встроенной директивы, запрещающей им наносить вред человеку, потому что порой им приходится выбирать между спасением одного человека и смертью другого. Я могу сказать этому роботу, что,

если мне будет нанесен какой бы то ни было вред, он обязан ввести вам смертельную дозу самого опасного яда, который находится в шприце у него в руке. Я говорю роботу, что это действие спасет мне жизнь. Он запрограммирован на верность Библиотеке и сделает именно то, что я только что велел ему.

Пчак стиснул зубы и приподнял бластер.

– Если не хотите умереть в агонии, положите бластеры мне на стол, – приказал Куган.

– Нет, – ответил Пчак. – И что вы теперь будете делать?

– Ваши бластеры могут убить меня, – сказал Куган, – но это не помешает роботу выполнить мой приказ.

Пчак сильнее прижал палец к спусковому крючку.

– Что ж, проверим...

По комнате пронеслась резкая вспышка энергетического разряда. Пчак осел. Стоявший за ним охранник испуганно обошел робота и бросил бластер на стол Кугана. От оружия исходил легкий запах озона, вызванный разрядом, убившим Пчака.

– Теперь отзовите эту штуковину, – сказал охранник, глядя на робота.

Куган покосился на второго охранника.

– Вы тоже, – велел он.

Второй человек обогнул робота, положил оружие на стол. Куган взял один из бластеров. Прикосновение вызвало странное ощущение.

– Теперь вы не спустите на нас эту штуку, да? – спросил второй охранник. Он никак не мог отвести взгляд от робота.

Куган посмотрел на механическое создание в форме скарабея с плоскими разгибателями и спинными крюками, с помощью которых оно переносило носилки. Интересно, как поступили бы эти двое, если бы он сообщил им то, о чем Пчак, вне всякого сомнения, прекрасно знал: директор солгал – робот не может совершить прямое действие против человека.

– Послушайте, мы теперь на вашей стороне, – сказал первый охранник. – Мы все вам расскажем. Перед тем как прийти сюда, Пчак получил сообщение о прибытии лидера Адамса и...

– Адамс! – рявкнул Куган. «Адамс направляется сюда! – подумал он. – Как бы это использовать?»

– Вы сопровождали Пчака, когда он явился сюда в первый раз, так? – спросил он, глядя на первого охранника.

– Я был его личным телохранителем, – ответил тот.

Куган взял со стола второй бластер и отошел.

– Так. Когда Адамс приземлится, вы свяжетесь с ним по этому монитору и скажете ему, что Пчак желает видеть его здесь. Взяв Адамса в заложники, я смогу убедить остальных сложить оружие.

– Но... – начал охранник.

– Одно лишнее движение, и я напущу на вас робота, – пригрозил Куган.

Охранник нервно сглотнул.

– Мы все сделаем, – пробормотал он. – Только я не понимаю, как вы сумеете заставить целое правительство сдаться... лишь потому...

– Значит, перестаньте об этом думать, – сказал Куган. – Просто доставьте сюда Адамса. – Он отступил к контрольной стене и принялся ждать.

* * *

– Ничего не понимаю! – воскликнул Сил-Чан. Уроженец Мундиаля сидел на стуле напротив Кугана. Новая библиотечная униформа прикрывала его перевязанное плечо. – Ты вдалб-

ливаешь нам, что мы должны повиноваться. Говоришь, что нельзя идти против Кодекса. А затем в последний момент делаешь крутой разворот, расстреливаешь всю команду и отправляешь их в больничный покой для травм, полученных насильственным путем.

– Вряд ли они оттуда выберутся, – сказал Куган.

– Ну да, при такой-то охране, – согласился Сил-Чан. – Но это все равно неповиновение, и это противоречит Кодексу. – Он поднял руку, развернул ладонь в сторону Кугана. – Пойми, я не возражаю. Ведь я с самого начала именно это и предлагал.

– Вот тут ты не прав, – сказал Куган. – Народ был готов игнорировать Библиотеку и ее глупые трансляции до тех пор, пока информация была в свободном доступе. А потом трансляции прекратились по приказу правительства.

– Но... – Сил-Чан покачал головой.

– К власти опять пришло новое правительство, – сказал Куган. – Лидера Адамса выгнали, потому что он заявил людям, что им чего-то нельзя. Большая ошибка для любого политика. Они держатся у власти до тех пор, пока говорят людям, что им что-то *можно*.

– Ну, а как... – начал Сил-Чан.

– Сразу после того, как ты объявился, – сказал Куган, – я получил приказ от нового правительства, которому я с радостью подчинился. В нем говорилось, что лидер Адамс в бегах и любой, кто встретит его, имеет право арестовать его и держать под арестом до суда. – Куган встал и подошел к Сил-Чану. Тот тоже поднялся на ноги. – Так что, видишь, – сказал Куган, – все это я сделал, не послушавшись правительства.

Уроженец Мундиаля бросил взгляд через стол Кугана, а потом вдруг улыбнулся и подошел к контрольной стене.

– Ловко же ты меня провел с этим рычагом. – Он положил руку на рычаг, с помощью которого не так давно Куган заставил его подчиниться.

Куган ударил Сил-Чана ногой по руке, отбросив ее прежде, чем тот успел нажать на рычаг.

Сил-Чан отступил, потряхивая ушибленной рукой.

– Ой! – Он поднял глаза на Кугана. – Что ты вытворяешь?..

Директор перевел рычаг в более высокое положение, и стена повернулась на четверть. Бросившись к стене, он начал вырывать провода из ряда нижних соединений. Когда он оттуда вышел, на лбу у него выступили крупные капли пота.

Сил-Чан уставился на рычаг, к которому недавно прикоснулся.

– О нет... – воскликнул он. – Ты что, *на самом деле* подключил это к подземной части?!

Куган молча кивнул.

Сил-Чан вытаращил глаза, отошел к столу и сел на него.

– Значит, ты не был уверен, что повиновение сработает, что...

– Нет, не был, – буркнул Куган.

Сил-Чан улыбнулся.

– Ну надо же, эта информация должна чего-нибудь да стоять. – Улыбка перешла в хитрую ухмылку. – Чего стоит мое молчание?

Директор медленно выпрямился и облизнул губы.

– Я скажу тебе, Торис. Все равно ты так или иначе получишь эту должность. Я скажу, чего это стоит для меня.

Куган многозначительно улыбнулся. Сил-Чан прищурился.

– Ты – мой преемник, – сказал Куган.

Крысиные бега

За девять лет, прошедших с тех пор, как Уэлби Льюис стал начальником отдела криминальных расследований под управлением шерифа Джона Чернака, он научился воспринимать работу полиции как некое подобие складывания пазлов. Рутинное занятие, составление целостной картины из отдельных фрагментов. И он совсем не был готов к тому, что однажды его мир, населенный циничными полицейскими, превратится в сцену из произведений Герберта Уэллса или Чарльза Форта.

Говоря о «чужаках», Льюис всегда имел в виду иностранцев, но никак не инопланетян. Разумеется, он знал, кто такие «жукоглазые», ведь иногда он все-таки почитывал фантастику. Но в том-то и проблема: подобные персонажи относились именно к *фантастике*, а не к тому, что можно увидеть в ходе обычной полицейской работы, да еще и в морге, а если точнее – в морге Джонсона-Тьюла.

Во вторник утром Льюис пришел на работу в офис шерифа без пяти минут восемь. Льюис был худощавым мужчиной с лицом валлийского типа, с низким лбом и черными волосами. Из-под густых бровей блестели нефритово-зеленые глаза.

Офис – помещение с высоким потолком и грязными, в пятнах стенами с потрескавшейся штукатуркой – располагался на первом этаже здания окружного суда Банбери. В комнате под одним из высоких окон торчал чугунный радиатор. Возле окна висел настенный календарь с изображением девушки, на которой из одежды была только нитка жемчуга на шее. По обе стороны прохода, ведущего от входной двери к радиатору, стояли два стола. Стол слева принадлежал Джо Уэлчу, ночному дежурному. Льюис занимал стол справа. Этот выдавший виды, покрытый следами от сигарет предмет мебели обитал здесь уже более тридцати лет.

Льюис остановился возле стола, просмотрел бумаги в корзинке, куда складывали приходящую почту, и поднял голову, когда вошел шериф Чернак, упитанный мужчина с широкими славянскими чертами лица и цветом кожи, напоминавшим корку пшеничного хлеба. Шериф засопел, усаживаясь на стул под календарем, и сдвинул на затылок коричневую фетровую шляпу, обнажив лысую макушку.

– Здорово, Джон, – сказал Льюис, бросив бумаги назад в корзинку. – Как здоровье супруги?

– Получше. На этой неделе радикулит ее уже не так мучает, – ответил шериф. – Я пришел сказать тебе, что можешь не заниматься отчетом об ограблении. Сегодня рано утром патрульный в городе взял двух пацанов с награбленным. Отправим их в суд по делам малолетних.

– Это их ничему не научит, – сказал Льюис.

– Для тебя есть другое дельце, – продолжал шериф. – А в целом все спокойно. Может, успеем закончить бумажную волокиту. – Он поднялся на ноги. – Док Беллармайн произвел вскрытие той дамочки, Черино, но оставил склянку с содержимым желудка в морге Джонсона-Тьюла. Ты не мог бы забрать ее и отвезти в окружную больницу?

– Конечно, отвезу, – сказал Льюис. – Но ведь Черино умерла естественной смертью. Она была алкоголичкой, это всем известно. У нее весь дом забит бутылками.

– Скорее всего, так и есть, – согласился шериф. Остановившись возле стола Льюиса, он посмотрел на девушку на календаре. – Какая кошечка!

Льюис широко улыбнулся.

– Когда встречу такую девчонку, обязательно женюсь.

– Непременно, – сказал шериф и заковылял прочь.

Было уже около половины девятого, когда Льюис на полицейской машине подъехал к моргу и, не найдя места для парковки, свернул направо на углу Коув-стрит и остановился в переулке, где находился гараж морга.

Как только Льюис вышел из машины, на него дохнул влажный юго-западный ветер, всю ночь грозивший превратиться в ураган. Льюис посмотрел на серое небо, но не стал брать из машины дождевик. Пройдя по узкой тропинке вдоль гаража, он заметил распахнутую настежь дверь черного хода в морг. Внутри виднелся коридор и три стоявших в ряд металлических баллона, вроде тех, в которых сварщики хранят кислород и ацетиленовый газ. Льюис не мог взять в толк, зачем моргу понадобилось подобное оборудование. Коридор вел в фойе, где на полу лежал ковер и пахло мускусом и цветами. На двери слева висела латунная табличка, гласившая: «ОФИС». Льюис пересек фойе и вошел в комнату.

В углу за столом со стеклянной столешницей сидел высокий светловолосый человек с явно скандинавскими чертами лица. За спиной у него висело фото вулкана Лассен в дубовой рамке с надписью «МИР», выгравированной на специальной пластине. На столе перед мужчиной лежала наполовину заполненная квитанция на ритуальные услуги. В левом углу стояла латунная чаша с металлическим шаром, с шипением наполнявшим комнату тем же тяжелым цветочным запахом, который Льюис ощутил в фойе.

Человек встал из-за стола, положил ручку на похоронный бланк. Льюис узнал его – это был Джонсон, совладелец морга.

– Чем могу помочь? – спросил доктор.

Льюис объяснил, зачем пришел.

Джонсон вынул из ящика небольшую склянку, передал ее Льюису и озадаченно нахмурился.

– Как вы вошли? – спросил он. – Я не слышал дверного звонка.

Помощник шерифа спрятал склянку в карман пальто.

– Я припарковался в переулке и вошел через черный ход, – сказал он. – Вся улица забита машинами Чудаков⁸.

– Чудаков? – Джонсон обошел стол.

– В газете писали, у них сегодня какая-то распродажа, – пояснил Льюис. Пригнувшись, он выглянул в окно сквозь жалюзи. – Наверное, это машины Чудаков. У того здания напротив.

Ветер пригнул к земле декоративный куст на лужайке перед моргом. По окну забарабанил дождь. Льюис выпрямился.

– Я оставил дождевик в машине, – сказал он. – Быстренько выйду тем же путем, через задний вход.

Джонсон подошел к двери.

– Двое наших санитаров скоро должны вернуться с вызова... – начал он. – Они...

– Ничего страшного, мне и раньше доводилось видеть жмуриков, – сказал Льюис и, обойдя Джонсона, направился к служебному входу.

Джонсон схватил помощника шерифа за плечо.

– Вынужден настоятельно просить вас выйти через главный вход, – сказал доктор.

Льюис остановился. В голове роем закружились вопросы.

– На улице дождь, – возразил он. – Я вымокну до нитки.

– Сожалею, – пробормотал Джонсон.

Возможно, кто-нибудь другой пожал бы плечами и выполнил просьбу Джонсона, но Уэлби Льюис был сыном Проктора Льюиса – человека, которого трижды избирали президентом общества «Круглый стол Шерлока Холмса в округе Банбери». Уэлби с детства осваивал *логическую дедуцию*, в данной же ситуации никакой логики не прослеживалось. Он восстановил в памяти картину коридора. Пусто – за исключением трех баллонов у двери черного хода.

⁸ Независимый орден Чудаков – международная организация, основанная в Англии в XIX веке, целью которой является помощь друг другу в тяжелые времена. В обязанности членов ордена входит: навещать больных, утешать страдающих, хоронить умерших, давать образование сиротам.

– Зачем вам те металлические баллоны? – поинтересовался он.

Патологоанатом еще крепче сжал его плечо, и Льюис почувствовал, как сильная рука разворачивает его в сторону главного входа.

– Это бальзамирующий состав, – ответил Джонсон. – Его поставляют в таком виде.

– Ага.

Льюис глянул на вытянутое лицо Джонсона, освободился от вцепившейся в него руки и вышел через главную дверь. Лил сильный дождь. Льюис бегом обогнул морг, прыгнул в машину, но не тронулся с места. Он ждал. В девять двадцать восемь, если верить его наручным часам, появился помощник патологоанатома и направился к воротам гаража. Льюис потянулся и опустил стекло со стороны пассажирского сиденья.

– Придется вам переставить машину, – предупредил помощник. – Мы едем на вызов.

– А когда вернутся другие ребята? – спросил Льюис.

Помощник патологоанатома остановился на полпути к гаражу.

– Какие другие ребята? – удивился он.

– Те, что отправились на вызов с утра.

– Может, вы путаете нас с каким-нибудь другим моргом, – сказал тот. – На сегодня это наш первый вызов.

– Спасибо, – поблагодарил Льюис.

Он закрыл окно, завел машину и поехал в окружную больницу. В голове продолжали крутиться вопросы, так и оставшиеся без ответа. И прежде всего один: «Зачем Джонсон обманом заставил меня выйти через главный вход?»

Приехав в больницу, он отнес склянку в патологоанатомическую лабораторию, разыскал телефонную будку и позвонил в Центральный морг Банбери. Трубку взял санитар.

– Мы тут с приятелем поспорили, – сказал Льюис. – Не могли бы вы рассказать, как в морг доставляют бальзамирующий состав?

– Мы заказываем ящик с концентратом, – охотно начал служащий морга. – В каждом ящике по двадцать четыре стеклянных сосуда, шестнадцать унций каждый. Красная или оранжевая краска в растворе создает иллюзию живого. Бренд, который используем мы, по запаху напоминает клубничную газировку. Ничего неприятного. Мы гарантируем полное сохранение...

– Я просто хотел узнать, как он перевозится, – пояснил Льюис. – Его точно никогда не доставляют в металлических баллонах?

– Боже мой, нет, конечно! – воскликнул санитар. – Раствор их разъедает!

– Спасибо, – сказал Льюис и повесил трубку. Ему на ум пришла достойная Шерлока Холмса мысль: *если человек лжёт о вещах на первый взгляд незначительных, значит, на самом деле они важны.*

Выйдя из будки, он столкнулся с доктором Беллармайном, хирургом-патологоанатомом. Доктор был высоким седовласым человеком с задубевшей кожей, искусственным загаром и голубыми глазами, острыми, как скальпель.

– А вот и вы, Льюис, – сказал он. – Мне говорили, что вы где-то здесь. В крови этой женщины, Черино, найдено такое количество алкоголя, которое могло бы убить троих. Мы, разумеется, проверим содержимое желудка, но вряд ли там обнаружится что-либо неожиданное.

– Черино? – переспросил Льюис.

– Старая алкоголичка, которую вы нашли в хибаре за тюрьмой, – напомнил Беллармайн. – Что, память отказывает?

– А... да, конечно, – сказал Льюис. – Просто я задумался кое о чем другом. Спасибо, док. – Он быстро проскользнул мимо хирурга, бормоча: – Мне пора...

* * *

Вернувшись в офис, Льюис присел на край стола, подтянул к себе телефон и набрал номер морга Джонсона-Тьюла. Ему ответил незнакомый мужской голос.

– В вашем морге проводится кремация? – спросил Льюис.

– У нас – нет, – ответил мужской голос, – но у нас договор с мемориальным крематорием Роуз-Лон. Приезжайте, и мы все обсудим.

– Не сейчас, спасибо, – Льюис повесил трубку.

Вот и ответ на очередной вопрос из списка: не содержался ли в тех баллонах газ для крематория? «Черт возьми, что же в них такое?» – спросил себя Льюис.

– Кто-то умер? – раздался из дверного проема голос, вернувший его к действительности. Льюис повернулся и увидел шерифа Чернака.

– Нет, – сказал Льюис, усаживаясь за стол. – Просто я нашел себе очередную головоломку.

– Док Беллармайн что-нибудь говорил про ту дамочку, Черино? – спросил шериф. Он вошел в комнату и уселся на стул под календарем.

– Алкоголизм, – ответил Льюис. – Как я и думал. – Откинувшись на спинку стула, он положил ноги на стол и уставился на грязное пятно на потолке.

– Что тебя гложет? – спросил шериф. – Ты как будто пытаешься разгадать какую-то загадку.

– Так и есть. – Льюис рассказал ему о случае в морге.

Чернак снял шляпу, почесал лысину.

– Не вижу в этом ничего особенного, Уэлби. Скорее всего, этому существует какое-то очень простое объяснение.

– Я так не думаю, – возразил Льюис.

– Почему?

Льюис пожал плечами.

– Не знаю. Просто мне так не кажется. Что-то в этом морге не так.

– И что же, по-твоему, в этих баллонах? – спросил шериф.

– Не знаю...

Шериф вернул шляпу на место.

– Будь на твоём месте кто-нибудь другой, я бы посоветовал выбросить это из головы, – сказал он. – Но с тобой... даже не знаю. Я частенько видал, как ты всякие фокусы вытворяешь. Иногда мне кажется, что ты ненормальный, который видит людей насквозь.

– Я и есть ненормальный, – согласился Льюис. Он опустил ноги на пол, вытащил блокнот и принялся рисовать.

– Да уж, вижу, у тебя шесть голов, – сказал шериф.

– Нет, правда, – сказал Льюис. – У меня сердце с правой стороны.

– Не замечал, – откликнулся шериф. – Но теперь, когда ты мне указал на это...

– Ненормальный, – сказал Льюис. – Вот что я почувствовал, когда встретился с патологоанатомом. Он показался мне каким-то жутковатым мутантом.

Он отодвинул блокнот, в котором нарисовал квадрат, разделенный на несколько сегментов кривыми линиями. Как мозаика.

– Он был мутантом?

Льюис покачал головой.

– По виду – нет.

Чернак встал.

– Вот что, – сказал он. – Сегодня у нас тихо. Покопайся-ка в этом деле как следует.

– Кого можно взять в помощь? – спросил Льюис.

– Через полчаса вернется Барни Килер, – сказал Чернак. – Он пошел относить повестку судье Гордону.

– О'кей, – согласился Льюис. – Когда вернется, скажи ему, пусть отправляется в здание ордена Чудаков и войдет с черного хода, чтобы не привлекать внимания. Пускай поднимется в комнату в башне и следит за входом в морг, отмечает всех, кто приходит и уходит, и следит за баллонами. Если баллоны увезут, пусть проследит за перевозчиком и выяснит, куда их везут.

– А ты чем займешься? – спросил шериф.

– Отыщу местечко, откуда можно наблюдать за черным ходом. Позвоню, когда обустроюсь. – Льюис указал на стол напротив. – Когда придет Джо Уэлч, пусть подменит меня.

– Ясно, – сказал Чернак. – Только сдается мне, ты идешь по ложному следу.

– Вполне возможно, – сказал Льюис. – Но в этом морге есть что-то зловещее, отчего у меня разыгралось воображение. Я все думаю, как легко работнику морга избавиться от неудобного трупа.

– Засунуть его в один из баллонов? – спросил шериф.

– Нет, для этого они слишком малы. – Льюис покачал головой. – Просто мне не нравится, что этот тип мне врал.

* * *

Около половины одиннадцатого Льюис нашел то, что искал: кабинет врача в торце здания в двух шагах от гаража морга. У врача было три комнаты на третьем этаже, последняя из которых выходила прямоком на задний двор морга. Взяв с врача и медсестры слово сохранить все в тайне и вооружившись биноклем, Льюис устроился в задней комнате.

В полдень он попросил сестру принести ему на обед гамбургер и стакан молока, а потом последить за моргом, пока он будет звонить в отделение, чтобы сообщить радиооператору о своем местонахождении.

В пять часов в заднюю комнату зашел врач, вручил Льюису запасные ключи от кабинета и попросил запереть дверь, когда будет уходить. Льюис еще раз напомнил врачу о необходимости помалкивать о наблюдении за моргом и строгим взглядом отбил у него охоту задавать какие-либо вопросы. Врач повернулся и вышел, плотно закрыв за собой дверь. В кабинете наступила тишина.

Около половины восьмого на улице стемнело и разглядеть, что происходит во дворе морга, стало почти невозможно. Льюис уже было подумал о том, что стоит перенести свой наблюдательный пункт в переулок, но в этот момент во дворе вдруг зажглись два фонаря, а в окошке задней двери вспыхнул янтарным светом ночник.

В восемь двадцать в офис приемной врача постучал Джо Уэлч. Впустив его, Льюис поспешил назад к окну. Уэлч последовал за ним. Второй помощник шерифа был высоким, нервным курильщиком с вечно прищуренными глазами и голосом, напоминавшим звук фagота. Он подошел к окну и спросил:

– Что происходит? Шериф Джон упоминал какие-то ацетиленовые баллоны.

– Может, и ничего, – ответил Льюис. – Но меня не покидает чувство, что здесь что-то серьезное. – Он вкратце описал утреннюю встречу с патологоанатомом.

– По-моему, ничего особенного, – сказал Уэлч. – Что ты рассчитываешь найти в этих баллонах?

– Сам не знаю, – признался Льюис.

Уэлч отошел в темный угол, зажег сигарету и вернулся.

– Почему бы тебе прямо не спросить Джонсона?

– В том-то и дело, – сказал Льюис. – Я спросил, а он мне соврал. Поэтому у меня и возникли подозрения. Я надеялся, что они вынесут баллоны и мы сможем проследить за ними и таким образом все узнать.

– Почему ты так уверен, что Джонсон хотел скрыть от тебя именно баллоны? – спросил Уэлч.

– А больше там ничего и не было, – сказал Льюис. – Станный коридор, с обоих концов двери, а в середине – ничего, кроме этих баллонов.

– Что ж, возможно, их уже там нет, – предположил Уэлч. – Ты приехал сюда не раньше половины одиннадцатого, сам говорил, а Килер начал следить за парадным входом часов в одиннадцать. Если для них эти баллоны так уж важны, они могли их вывезти до твоего приезда.

– Я об этом думал, – сказал Льюис. – Но сомневаюсь, что успели бы. Выйду перекусить, а потом загляну в переулок, попробую подобраться поближе.

– При таком освещении близко не подойдешь, – заметил Уэлч.

Льюис указал на гараж.

– Приглядишься и увидишь место в тени с другой стороны. Фонарь горит в заднем коридоре. Я постараюсь подойти достаточно близко, чтобы заглянуть в окошко в задней двери. Баллоны довольно большие, думаю, мне удастся их рассмотреть.

– А если их куда-нибудь переместили? – спросил Уэлч.

– Тогда придется войти и вызвать Джонсона на откровенный разговор, – ответил Льюис. – Может, надо было это сделать с самого начала. Ситуация весьма странная. Не по душе мне тайны в морге.

– Прямо-таки название для детективного романа, – сказал Уэлч. – «Тайны в морге». – Он фыркнул. – Там и без того полно мертвяков. Это может обернуться чем-нибудь неприятным.

Уэлч раскурил новую сигарету от предыдущей и загасил окурки в тарелке, которую Льюис использовал как пепельницу.

– Может, ты и прав, – сказал он. – Во всей этой неразберихе меня впечатляет только одно, Уэлби. Как говорит шериф Джон, я частенько видал, как ты всякие фокусы вытворяешь.

– Он и тебе это говорил? – спросил Льюис.

– Ага, но он думает, что на сей раз ты, скорее всего, ошибаешься. – Уэлч посмотрел на здание морга. – Если пойдешь внутрь, я мог бы собрать своих парней и оцепить это место, если ты вовремя не вернешься.

– Не думаю, что в этом будет необходимость, – возразил Льюис. – Ничего не предпринимай, ну... разве что заметишь что-то подозрительное.

Уэлч кивнул.

– О'кей, – сказал он и посмотрел на мерцающий кончик сигареты, затем перевел взгляд на двор, за которым они следили. – Все равно у меня от моргов мурашки по коже.

В кафе в двух кварталах от морга Льюис проглотил горячий сэндвич с говядиной и вернулся назад по переулку. На улице было холодно и сыро. Ветер безжалостно трепал полы его дождевика. Держась в тени около принадлежавшего моргу гаража, Льюис обнаружил ряд досок, перегораживавших проход. Он перелез через доски и спрыгнул на мягкую землю, размытую ручейками воды из открытого водостока. Ветра здесь не было. Льюис тихо подкрался к месту, где заканчивалась тень, и, как и ожидал, сумел заглянуть в окошко задней двери морга. Баллонов не было видно. Льюис тихо выругался, пожал плечами, вышел из тени и в открытую прошествовал по ярко освещенному двору. Дверь была заперта, но через окно он увидел, что в коридоре пусто. Подойдя к главному входу, он позвонил в дверь.

Ему открыл мужчина в черном костюме, таком мятом, будто он в нем спал. Льюис протиснулся мимо него в теплое, пропитанное ароматом цветов фойе.

– Джонсон здесь? – спросил он.

– Мистер Джонсон спит, – последовал ответ. – Что вам угодно?

– Пожалуйста, передайте мистеру Джонсону, чтобы он спустился сюда, – сказал Льюис. – Это официальное дело. – Он продемонстрировал свой значок.

– Непременно, – ответил мужчина. – Будьте добры, пройдите в кабинет. Я сообщу мистеру Джонсону о вашем приходе. Он спит в квартире наверху.

– Благодарю, – сказал Льюис.

Удалившись в кабинет, он разглядывал цветную фотографию вулкана Лассен до тех пор, пока ночной санитар не скрылся на лестнице в другом конце фойе. Затем Льюис вышел из кабинета и направился к двери, ведущей в коридор. Дверь была заперта. Он попробовал открыть ее силой, но она не поддавалась. Обнаружив трещину со стороны петель, он заглянул сквозь нее в коридор и резко вдохнул, увидев знакомые металлические баллоны. Они стояли как раз там, где он и предполагал. Вернувшись в кабинет, Льюис нашел в телефонном справочнике номер приемной врача, где ждал Уэлч, и позвонил. Уэлч ответил далеко не сразу.

– Да? – В голосе его слышалась осторожность.

– Это Уэлби, – сказал Льюис. – Сзади что-нибудь происходит?

– Нет, – ответил Уэлч. – У тебя все в порядке?

– Не уверен, – сказал Льюис. – Смотри внимательно. – Повесив трубку, он повернулся и увидел, что в дверях вырисовывается высокий силуэт Джонсона.

– Мистер Льюис, – войдя, произнес Джонсон. – Что-то случилось?

– Я хочу взглянуть на металлические баллоны, – сказал Льюис.

Джонсон замер.

– Какие металлические баллоны?

– Те, что в заднем коридоре, – пояснил Льюис.

– А-а, бальзамирующий состав, – сказал Джонсон. – Почему он вас так интересует?

– Давайте-ка на него взглянем, – предложил Льюис.

– У вас есть ордер? – поинтересовался Джонсон.

Льюис выпятил подбородок и уставился на патологоанатома.

– Я без труда его достану, – сказал он.

– На каком основании?

– Что-нибудь придумаю, – сказал Льюис. – Ну как, покажете мне их или хотите неприятностей на свою голову?

Джонсон пожал плечами.

– Как скажете.

Он отпер дверь в коридор и зашагал впереди Льюиса к трем баллонам.

– Я думал, бальзамирующий состав поставляют в бутылках емкостью шестнадцать унций, – сказал Льюис.

– У нас кое-что новое, – сказал Джонсон. – В этих баллонах вмонтирован внутренний стеклянный слой. Жидкость находится под давлением. – Он повернул клапан, и из краника наверху с шипением вырвалась водяная пыль.

– По запаху не похоже на бальзамирующий состав, – наугад сказал Льюис.

– Это новый тип, – ответил Джонсон. – Маскирующие запахи мы добавляем позже.

– Вы только что наполнили эти баллоны?

– Нет, их привезли на прошлой неделе, – ответил Джонсон. – Мы оставили их здесь, потому что больше нигде их хранить. – Он улыбался, но глаза оставались холодными, настороженными. – Чем вызван такой интерес к нашим баллонам?

– Можете считать это профессиональным любопытством, – сказал Льюис.

Он подошел к задней двери, открыл ее, выдвинул защелку, чтобы дверь не захлопнулась, вышел на улицу и прикрыл дверь. Баллоны были прекрасно видны через окно. Льюис вернулся в коридор.

* * *

«Он продолжает врать, – подумал Льюис. – Но очень правдоподобно».

– Я хочу провести здесь тщательный обыск, – сказал он.

– Но почему? – запротестовал Джонсон.

– Просто так, – сказал Льюис. – Если хотите, могу вернуться с ордером.

Попытавшись протиснуться мимо Джонсона, он почувствовал, как сильная рука удерживает его на месте. В бок ему уткнулось что-то твердое. Опустив глаза, Льюис увидел приставленный к нему автоматический пистолет.

– Мне очень жаль, – сказал Джонсон. – Поверьте, мне правда жаль.

– Сейчас вы начнете сожалеть еще сильнее, – сказал Льюис. – Ваше здание под наблюдением спереди и сзади, а в отделении знают, где я.

Впервые по лицу Джонсона промелькнула тень нерешительности.

– Вы лжете, – прошептал патологоанатом.

– Подойдите сюда. – Льюис отступил к задней двери и посмотрел на темное окно, за которым стоял Уэлч. Оранжевый огонек сигареты помощника шерифа ясно выделялся на фоне черноты, и Джонсон заметил его. – А теперь давайте проверим, что у нас спереди, – предложил Льюис.

– В этом нет необходимости, – сказал Джонсон. – Я думал, вы блефуете... – Он помолчал. – Вы выходили в задний двор и заглянули в окно, да?

– С чего вы взяли? – спросил Льюис.

– Мне следовало это предвидеть, – сказал Джонсон. – Возможно, я слишком беспокоился о том, как все выглядит со стороны. Вы застали меня врасплох, когда явился сюда ночью.

– Вы видели, как я вхожу через главный вход? – спросил Льюис.

– Скажем так, я знал, что вы внизу, до того, как санитар сообщил мне об этом, – Джонсон махнул пистолетом. – Идемте назад в кабинет.

Льюис пошел впереди Джонсона. У двери он обернулся.

– Идите прямо! Не оборачивайтесь! – рявкнул Джонсон.

Но Льюису хватило беглого взгляда, чтобы понять: баллоны исчезли.

– Что это за жужжание? – спросил он.

– Не останавливайтесь, – приказал Джонсон.

Когда они пришли в кабинет, патологоанатом указал Льюису на стул.

– Что вы искали? – спросил Джонсон. Он сел за стол и положил пистолет перед собой.

– Я нашел то, что искал, – заверил его Льюис.

– А именно?

– Доказательства того, что здесь необходимо провести тщательный обыск.

Джонсон улыбнулся, взял телефонную трубку левой рукой и положил ее на стол.

– Как позвонить в ваш офис?

Льюис назвал номер.

Джонсон набрал его и сказал в трубку:

– Привет, это Льюис.

От изумления Льюис едва не упал со стула. Джонсон говорил его, Льюиса, голосом. Пистолет в руке патологоанатома удерживал помощника шерифа на месте.

– Есть какие-нибудь новости? – спросил Джонсон. Помолчал. – Нет. Ничего важного. Просто осматриваюсь. – Снова помолчал. – Я сообщу, если что-нибудь обнаружу, – сказал он и положил трубку на рычаг.

– Ну что? – спросил Льюис.

Джонсон поджал губы.

– Невероятно! – прошептал он. – Обыкновенный человек... – Запнувшись, он посмотрел на Льюиса и продолжил: – Я допустил ошибку, отговорившись правдоподобной ложью, когда дверь оставили открытой. Надо было... – Он пожал плечами.

– Не могли же вы вечно водить нас за нос, – сказал Льюис.

– Наверное, нет, – согласился Джонсон, – но логика подсказывает, что шанс еще есть. – Внезапно он вскинул пистолет, нацелив его на Льюиса. – И мне придется им воспользоваться...

Дуло изрыгнуло пламя, и Льюиса прижало к спинке стула. Сквозь дымку он видел, как Джонсон поднес пистолет к своей голове, нажал на спусковой крючок и рухнул на стол. Вслед за этим дымка вокруг Льюиса сгустилась, и он провалился куда-то в черную бездну.

* * *

Льюис чувствовал, что бежит по темной пещере, спасаясь от чудовища с горящими глазами и щупальцами, как у осьминога. Чудовище кричало: «Обыкновенный человек! Обыкновенный человек! Обыкновенный человек!» Его вопли разносило гулкое эхо, словно оно кричало в дождевую бочку. Затем голос чудовища перекрыл мерный, быстрый звук капающей воды, и Льюис увидел выход из пещеры – светлый и круглый. Яркое пятно все разрасталось и разрасталось, пока, наконец, не превратилось в белую больничную стену с окном, сквозь которое струился солнечный свет.

Повернув голову, Льюис увидел металлические баллоны, такие же, как в морге.

– Вот он и пришел в сознание, – сказал чей-то голос.

У Льюиса закружилась голова, и некоторое время он пытался справиться с головокружением. В поле зрения показалась фигура в белом, постепенно превратившаяся в интерна окружающей больницы, с которым Льюис был знаком. Интерн держал в руках черную кислородную маску.

Звук капающей воды сделался громче, и теперь Льюис понял, что это тикают наручные часы. Он повернулся к источнику звука, увидел, как шериф Чернак, сидевший в изголовье кровати, выпрямился. На славянском лице Чернака заиграла улыбка.

– Ну ты нас и напугал, – сказал он.

Льюис сглотнул ком в горле и, собравшись с силами, попытался заговорить.

– Что...

– Знаешь, повезло тебе, что ты такой чудной, – сказал Чернак. – Тебя спасло только то, что у тебя сердце справа. И что Джо услышал выстрелы...

К шерифу подошел интерн.

– Пуля задела край легкого и снесла часть ребра сзади, – сказал интерн. – Вы, верно, родились в рубашке.

– Что с Джонсоном? – спросил Льюис.

– Мертвее мертвого, – сказал Чернак. – Тебе хватит сил, чтобы рассказать нам, что произошло? Из рассказа Джо я ничего не понял. Что за баллоны с бальзамирующим составом?

Льюис припомнил встречу с патологоанатомом. Все это казалось бессмысленным.

– Бальзамирующий состав привозят в бутылках емкостью шестнадцать унций, – сказал Льюис.

– Мы забрали те три баллона из коридора, – сообщил Чернак, – но ума не приложу, что с ними делать.

– Из коридора? – Насколько Льюис помнил, в коридоре было пусто, когда он последний раз заглянул туда перед тем, как Джонсон велел ему не оборачиваться. Он попытался сесть и ощутил острую боль в груди. Интерн осторожно уложил его обратно на подушку.

– Ну-ну, еще не хватало, – сказал он. – Лежите и не двигайтесь.

– Что было в баллонах? – прошептал Льюис.

– Местные лаборанты говорят, бальзамирующий состав, – сказал шериф. – Что в этом особенного?

Льюис вспомнил резкий запах спрея, который Джонсон выпустил из краника на баллоне.

– В лаборатории еще остались образцы жидкости? – спросил он. – Я бы хотел понюхать.

– Сейчас принесу, – сказал интерн. – Не позволяйте ему садиться, – обратился он к шерифу. – Может начаться кровотечение.

– Где вы нашли баллоны? – спросил Льюис.

– У двери черного хода, – ответил Чернак. – Как ты и говорил. А что?

– Пока не знаю, – сказал Льюис. – Но я бы хотел, чтобы ты кое-что сделал. Возьми...

Открылась дверь, и вошел интерн с пробиркой в руке.

– Вот оно, – сказал он.

Он поднес пробирку к носу Льюиса. От нее исходил мускусно-цветочный аромат – совсем не такой, какой он почувствовал около баллонов. «Понятно, почему баллоны исчезли, – подумал Льюис. – Кто-то их подменил. Но что же в них было?» Он поблагодарил интерна.

– Ты начал что-то говорить, – напомнил шериф.

– Да, – сказал Льюис. – Джон, иди вместе с ребятами в морг, пускай снесут стену за тем местом, где вы нашли баллоны. Пол тоже вскройте.

– Что ты рассчитываешь найти? – спросил Чернак.

– Чтоб я знал, – ответил Льюис, – но это наверняка будет что-то интересное. Стоило мне отвернуться, как эти баллоны то появлялись, то исчезали. Я хочу знать почему.

– Слушай, Уэлби, нам нужно опираться на что-нибудь конкретное, – сказал шериф. – Люди мечутся по всему моргу, говорят, это нарушает им работу, и тому подобное.

– Я бы сказал, наоборот, помогает. – Льюис едва заметно улыбнулся. Затем лицо его помрачнело. – Тебе недостаточно того, что кто-то пытался убить одного из твоих людей, а потом покончил с собой?

Шериф почесал голову.

– Наверное, Уэлби. А ты не можешь предоставить что-нибудь, кроме собственных домыслов?

– Мне об этом деле известно не больше твоего, – сказал Льюис. – Кстати, где тело Джонсона?

– Его готовят к погребению, – сказал Чернак. – Уэлби, одних твоих слов недостаточно. Окружной прокурор разорется, если я пойду напролом.

– Ты все-таки шериф...

– Но ты хотя бы можешь объяснить мне, почему Джонсон покончил с собой?

– Видимо, у него с психикой было не все в порядке, – сказал Льюис. – И вот еще что, Джон. Пусть док Беллармайн проведет вскрытие Джонсона, да повнимательнее, с лупой.

– Зачем?

– Он что-то говорил об обычных людях, – сказал Льюис.

– Заставляешь меня так рисковать карьерой, – проворчал Чернак.

– Ты это сделаешь? – спросил Льюис.

– Конечно, сделаю! – взорвался Чернак. – Но мне это не нравится! – Он нацепил шляпу и вышел из палаты.

Интерн повернулся, собираясь последовать за ним.

– Который час? – спросил Льюис.

Интерн остановился, глянул на часы.

– Около пяти. – Он перевел взгляд на Льюиса. – После операции вас держали на успокоительных.

– Пять утра или пять вечера? – спросил Льюис.

– Вечера...

– Трудно со мной пришлось?

– Рана была чистая, – сказал интерн. – А сейчас отдыхайте. Уже почти время ужина. Я прослежу, чтобы вам сразу принесли поесть, а потом сестра даст вам снотворное. Вам нужно отдохнуть.

– Долго я буду прикован к постели? – спросил Льюис.

– Мы это обсудим позже, – сказал интерн. – Сейчас вам не следует много разговаривать. –

Он повернулся и вышел.

Повернув голову, Льюис увидел, что кто-то оставил на прикроватном столике стопку журналов. Верхний журнал соскользнул, демонстрируя кричащую обложку, на которой чудовище с выпученными глазами преследовало полуодетую красотку. Льюис вспомнил о своем кошмаре. «Обыкновенный человек... обыкновенный человек...» Он никак не мог выкинуть эти слова из головы. «Что такого было в Джонсоне, что он показался мне мутантом?» – гадал Льюис.

Студентка-практикантка принесла поднос с едой, отрегулировала положение койки и помогла ему поесть. Затем вошла медсестра со шприцом и сделала ему укол в руку. Льюис почти сразу провалился в сон, а в мозгу у него так и роились вопросы без ответов.

– Он проснулся, – сказал женский голос.

Льюис услышал, как открывается дверь, поднял глаза и увидел Чернака, за которым следовал Джо Уэлч. На улице был день, лил дождь. Мужчины сняли мокрые плащи и повесили их на спинки стульев.

Льюис улыбнулся Уэлчу.

– Благодарю за хороший слух, Джо, – сказал он.

Лицо Уэлча осветилось широкой улыбкой.

– Я открыл окно, когда увидел, как ты вышел через заднюю дверь, – сказал он. – Подумал, может, ты хочешь крикнуть мне. Потом ты снова зашел внутрь, мне это показалось странным, и я оставил окно приоткрытым, иначе в жизни бы ничего не услышал.

Чернак придвинул стул к кровати Льюиса и сел. Уэлч занял место в изножье.

– Окружной прокурор уже разбушевался? – повернувшись к шерифу, спросил Льюис.

– Нет, – сказал Чернак. – Он недавно попал под ливень и подхватил простуду. Теперь отлеживается дома. К тому же я пока что все еще шериф этого округа. – Он хлопнул рукой по кровати. – Как ты себя чувствуешь, парень?

– Боюсь, что жить буду, – отшутился Льюис.

– Да уж, пожалуйста, – воскликнул Уэлч. – У нас новая телефонистка... Увидела твое фото в личном деле и говорит, что не прочь с тобой познакомиться. Настоящая красавица.

– Передайте ей, пусть подождет, – сказал Льюис и посмотрел на шерифа. – Что вы нашли?

– Ничего не понимаю, Уэлби, – ответил Чернак. – Прямо за баллонами была покрытая штукатуркой кирпичная стена. Мы сняли штукатурку, а там сплошная проводка.

– Что за проводка?

– Видишь ли, папаша Килера – ювелир, и Килер говорит, проводка серебряная. Там все так переплетено, прямо-таки защитный экран.

– К чему она подведена?

– Этого мы так и не нашли, – сказал Чернак и глянул на Уэлча. – Верно?

– Да там ничего, кроме проводки, нет, – подтвердил Уэлч.

– Что вы с ней сделали? – спросил Льюис.

– Ничего, – ответил Чернак. – Сфотографировали и оставили все, как было.

– А под полом что-нибудь было?

Лицо Чернака расплылось в улыбке.

– Ох, вот где нам повезло! – Он наклонил голову и уставился на Льюиса. – Откуда ты знал, что мы там что-нибудь найдем?

– Я просто знал, что баллоны появляются из ниоткуда, – сказал Льюис. – Что там было? Чернак выпрямился.

– В общем, целая секция пола в коридоре оказалась лифтом, а внизу – большое помещение, от коридора аж до комнаты, где делают бальзамирование, а в комнате для бальзамирования в одном месте на полу можно приподнять плитку, а под ней люк и лестница. Черт возьми! Прямо как в фильмах ужасов!

– И что там было?

– Какая-то техника, – сказал Чернак.

– Что за техника?

– Понятия не имею. – Чернак покачал головой и посмотрел на Уэлча.

– Безумие какое-то! В жизни не встречал ничего подобного, – пожал плечами, сказал Уэлч.

– Вчера вечером док Беллармайн заглянул туда после вскрытия, – сказал Чернак. – Сказал, что зайдет к тебе утром.

– Он что-нибудь говорил про вскрытие? – спросил Льюис.

– Мне он ничего не говорил, – ответил Чернак.

Уэлч придвинул стул поближе к кровати и оперся рукой о перила.

– Мне он только сказал, что кое-что, обнаруженное им во время вскрытия, заставило его приехать осмотреть морг. Но что конкретно, он не говорил.

– А персонал морга? – спросил Льюис. – Они что-нибудь говорят о тайной комнате?

– Клянутся, что даже не подозревали о ее существовании, – сказал Чернак. – Мы их все равно взяли под стражу, всех, кроме Тьюла и его жены.

– Тьюла?

– Ну да, второго партнера. Его жена – тоже лицензированный работник морга. Но после того как в тебя стреляли, у них отобрали лицензию. Остальные сотрудники говорят, что Джонсон, Тьюл и его жена постоянно запирали двери в здании, вроде бы без видимой причины.

– Что напоминала та техника?

– Большая часть – это лифт под полом. А другая часть подсоединена к куче труб, торчащих из стола для бальзамирования наверху. Там был такой большой...

Чернака прервал звук открывающейся двери. В палату заглянуло циничное лицо доктора Беллармайна. Он обвел взглядом присутствующих, зашел и закрыл за собой дверь.

– Вижу, пациенту уже лучше, – сказал он. – А я уж боялся, что придется официально заниматься этим делом.

– Да он нас всех переживет, – ухмыльнулся Уэлч.

– Скорее всего, – согласился доктор, глядя на Льюиса. – Говорить можете?

– Секундочку, док, – сказал Льюис и повернулся к Чернаку. – Джон, сделай одолжение, отправь один из тех баллонов с бальзамирующим составом в сварочный цех и попроси их открыть его паяльной лампой. Я хочу знать, что там внутри.

– Ну уж нет, – запротестовал Чернак. – Никуда я не пойду, пока ты хоть что-нибудь не объяснишь!

– Да нет у меня никаких объяснений! – возмутился Льюис. – Я же еще не собрал все фрагменты. А теперь прикован к постели, а должен бы заниматься делом. У меня десять тысяч вопросов, на которые я хочу получить ответы, да не могу.

– Не стоит так волноваться, – предостерег Беллармайн.

– Да, Уэлби, успокойся, – сказал Чернак. – Просто меня раздражает любопытство. Получается какая-то бессмысленная история... Мужик без всякой видимой причины пытается убить тебя, а потом кончает с собой. Вроде бы оттого, что ты изъявил желание заглянуть в баллоны, а в них просто состав для бальзамирования. Ничего не понимаю.

– Ты вскрыешь для меня эти баллоны? – спросил Льюис.

– Ладно, ладно. – Чернак с трудом поднялся на ноги. Уэлч последовал его примеру. – Пошли, Джо, – сказал шериф. – Мы для Шерлока всего лишь мальчишки на побегушках. Ответим-ка...

– Джон, ты уж извини меня, – сказал Льюис. – Просто сам я не могу...

– Понятно, что сейчас ты не можешь этим заниматься, – перебил Чернак. – Потому и делаю это для тебя. Ты лучший из моих людей, Уэлби, и я рассчитываю, что ты разберешься в этом деле. Лично я сдался, когда увидел всю эту технику.

Бормоча себе что-то под нос, он вышел из комнаты. Следовавший за ним Уэлч остановился у двери и подмигнул Льюису.

Беллармайн дождался, пока за ними закроется дверь, и присел в ногах у Льюиса.

– Как вам удалось их убедить? – спросил он.

Льюис пропустил вопрос мимо ушей.

– Что показало вскрытие? – спросил он.

Хирург нахмурился.

– Когда шериф передал мне ваши пожелания, я подумал, что вы сошли с ума, – сказал он. – Любому дураку было ясно, что Джонсон убит выстрелом в голову. Но я решил, что у вас, скорее всего, имеется на то какая-то причина, поэтому резал очень осторожно – и слава богу.

– Почему?

– Ну, в тех случаях, когда причина смерти очевидна, патологоанатом частенько ленится вникать в детали. Огнестрельная рана. Диагноз не вызывает сомнений. Я мог бы это упустить. Парень выглядел вполне нормальным.

– Что упустить?

– Сердце, прежде всего. Дополнительный слой мышц в сердечной оболочке. Я решил поэкспериментировать и чуть не уронил скальпель. Этот слой работает, как автоматический замок на самолетных топливных баках. Один прокол – и этот мышечный слой запечатывает дыру до тех пор, пока сердце не восстановит работу.

– Черт возьми! – воскликнул Льюис.

– И у этого парня все органы такие, – сообщил Беллармайн. – Врачи, изучая человеческое тело, давно мечтали изменить в нем некоторые вещи, так сказать, улучшить их. Джонсон выглядел так, словно эта мечта осуществилась. Более выраженные позвонки, при этом их меньше, чем обычно. Пигментированные сосуды в глазах, явно какой-то фильтр для...

– Точно! – Льюис хлопнул ладонью по кровати. – Он показался мне каким-то странным, и я никак не мог понять почему. У него зрачки меняли цвет. Я помню, что заметил это и...

– Вы не видели всего остального! – воскликнул Беллармайн. – У него расширенный таз, более равномерно распределявший вес между ногами. Кости стопы крупнее и равномернее распределяли вес над сводом. Внутренности поддерживала переплетенная мембрана. В системе кровообращения стратегически расположенные клапаны, контролировавшие кровоток. Джонсон, может, внешне и выглядел человеком, но внутри это был сверхчеловек.

– А что там с техникой в подвале морга? – спросил Льюис.

Беллармайн встал и принялся шагать взад-вперед. Наконец он остановился, оперся о поручни койки и посмотрел на Льюиса.

– Я полночи потратил на то, чтобы все там осмотреть, – сказал он. – Никогда не видел столь великолепно продуманной и исполненной системы. Ее основная задача – собирать кровь трупов и фракционировать белок.

– То есть создание плазмы или что-то в этом роде? – спросил Льюис.

– Да, что-то подобное, – ответил Беллармайн.

– Не думал, что для этого годится кровь трупа, – сказал Льюис.

– Мы тоже, – сказал хирург. – Впрочем, русские над этим работают. По результатам наших опытов, распад происходит слишком быстро. Мы пытались...

– Хотите сказать, это все происки коммунистов?

Беллармайн покачал головой.

– Ничего подобного. Эта система неизвестна не только в США, но и на Земле в целом. Есть там одна центрифуга, которая раскручивается от единственного дуновения ветра. Мысль о том, какую силу она может вырабатывать, приводит меня в ужас. У нас нет материалов, которые и близко подошли бы к этому сплаву. И у русских тоже.

– Откуда вы знаете?

– Начнем с того, что подобный механизм необходим для нескольких подобных проектов, а у русских по этим проектам результатов не больше, чем у нас.

– Значит, что-то было произведено из крови трупов и хранилось в этих баллонах, – сказал Льюис.

Беллармайн кивнул.

– Я проверил. Крепления на баллонах соответствовали креплениям на механизме.

Льюис вынудил себя сесть, не обращая внимания на боль в груди.

– Это означает взнезменное вли... – Боль в груди стала нестерпимой, и он, замолчав, рухнул обратно на подушку.

Доктор Беллармайн подбежал к нему.

– Дурак! – рявкнул он. – Вам же было велено не напрягаться. – Он нажал на кнопку вызова в изголовье кровати и занялся повязками.

– В чем дело? – прошептал Льюис.

– Кровотечение, – объяснил Беллармайн. – Где эта дура медсестра? Что она не отвечает на вызов? – Он оторвал пластырь.

Открылась дверь, и вошла медсестра. Увидев, что происходит в палате, она остолбенела.

– Тревога! – сказал Беллармайн. – Зовите доктора Эдвардса! Несите плазму!

В голове у Льюиса будто стучал барабан – все громче, и громче, и громче. Затем стук начал стихать, и не осталось больше ничего.

* * *

Его разбудили шуршание и звук шагов. Он узнал эти звуки. Шелест накрахмаленной формы медсестры, которая ходила по палате. Льюис открыл глаза и по свету за окном определил, что сейчас середина дня.

– Вы проснулись, – сказала сестра.

Льюис повернул голову на звук ее голоса.

– Вы новенькая, – заметил он. – Я вас не узнаю.

– Отделение особого ухода, – пояснила сестра. – Расслабьтесь и постарайтесь не двигаться. – Она нажала на кнопку вызова.

Льюису показалось, что над ним почти сразу же нависло лицо доктора Беллармайна. Врач прощупал пульс на запястье Льюиса и глубоко вдохнул.

– У вас был шок, – сказал он. – Молчите, вам нельзя разговаривать. И не пытайтесь двигаться.

– Могу я задать несколько вопросов? – прошептал Льюис тихим, глухим голосом.

– Да, но очень коротко. Вы не должны напрягаться.

– Шериф что-нибудь выяснил насчет баллонов?

Беллармайн скривился.

– Их не смогли вскрыть. Не смогли разрезать металл.

– Это все подтверждает, – сказал Льюис. – Думаете, существуют еще такие механизмы?

– Наверняка, – сказал Беллармайн и сел на стул в изголовье кровати. – Я еще раз осмотрел подвал, на сей раз взял с собой технического специалиста. Он со мной согласен. Все там

говорит о массовом производстве. В основном арматура с минимальной машинной обработкой. Простая, эффективная конструкция.

– Но зачем? Зачем нужна кровь мертвых людей?

– Я и сам задавался этим вопросом, – сказал Беллармайн. – Может быть, для питания растущих культур. Может, для извлечения антител.

– Это возможно?

– Все зависит от того, насколько быстро взята кровь. На время влияют температура и состояние тела и еще много факторов.

– Но зачем?

Хирург провел рукой по седым волосам.

– Мне не нравится мой собственный ответ на этот вопрос, – сказал он. – Я все думаю о том, как мы фракционируем кровь морских свинок, как производим вакцину из зародышей цыплят, как используем всех наших подопытных животных.

Взгляд Льюиса упал на столик в другом конце палаты. Кто-то перенес на него все журналы с прикроватной тумбочки. Он все еще видел обложку с пучеглазым чудовищем.

– Насколько я знаю из научной фантастики, – сказал Льюис, – та серебряная сетка в стене коридора – видимо, какой-то передатчик материи. Она отправляет баллоны туда, где их используют. Интересно, почему ее не поместили внизу с остальными механизмами.

– Может, она должна находиться на поверхности, – сказал Беллармайн. – Я знаю не больше вашего.

– Вы трезвомыслящий человек, док, – сказал Льюис. – Почему вы так спокойно приняли теорию о пучеглазом чудовище?

– Дело в сочетании фактов, – ответил Беллармайн. – Серебряная сетка, дизайн и назначение механизмов, неизвестные металлы, странности в организме Джонсона. Сразу видно, это – ПРИШЕЛЬЦЫ. Но тот же вопрос я могу задать и вам, Льюис. Что навело вас на эту мысль?

– Джонсон. Он назвал меня «обыкновенным человеком». Я задумался, насколько же парень должен отличаться от всех остальных, чтобы отделять себя от человеческой расы.

– Все сходится, – сказал Беллармайн.

– Но при чем тут морские свинки? – спросил Льюис.

Хирург нахмурился, глянул на пол, затем снова на Льюиса.

– Это устройство выполняло еще одну функцию, – сказал он. – Подвергало живые вирусы определенному воздействию – облучению рентгеновскими лучами или бета-лучами или чему-нибудь подобному, – и помещало мутировавший вирус в небольшой контейнер размером с ваш кулак. По опыту я знаю, что некоторые мутировавшие вирусы могут быть смертельными.

– Биологическое оружие, – прошептал Льюис. – Вы уверены, что это не русские?

– Уверен. Это был идеальный центр распространения инфекции. Полноценный. Если бы все сработало, Банбери был бы уже опустошен.

– Может, они были не готовы.

– Биологическое оружие считается готовым к применению, когда обустроен хотя бы один центр распространения инфекции. Нет... Это устройство производило незначительные изменения в обычных микроорганизмах, если не ошибаюсь. Маленький контейнер помещался в...

– Подставке на столе Джонсона, – сказал Льюис.

– Ага, – подтвердил Беллармайн.

– Я его видел, – сказал Льюис. – Принял за освежитель воздуха. – Он смахнул с одеяла невидимые пылинки. – Значит, они заражают нас мутировавшим вирусом.

– Это меня и пугает, – сказал Беллармайн.

Прищурившись, Льюис посмотрел на хирурга.

– Док, что бы вы стали делать, если бы узнали, что одна из ваших белых крыс не просто обладает достаточно развитым интеллектом, но к тому же понимает, что вы с ней делаете?

– Ну... – Беллармайн выглянул в окно. Сгущались сумерки. – Я не чудовище, Льюис. Я бы, наверное, отпустил ее на волю. Нет... – Он почесал подбородок. – Нет, пожалуй, и не отпустил бы. Но я бы не стал больше заражать ее. Наверное, я провел бы несколько тестов, чтобы проверить, насколько она умна. Эта крыса перестала бы быть простым подопытным животным. Она стала бы полезной с психологической точки зрения. С ее помощью я смог бы многое узнать о себе.

– Я так и подумал, – сказал Льюис. – Долго мне еще валяться в кровати?

– А что?

– Я придумал, как подопытные могут сообщить исследователям, что время вышло.

– Как? Мы даже не знаем их языка. Мы видели одну особь, и она мертва. Мы даже не можем быть уверены, что они отреагируют так, как отреагировали бы мы сами.

– Они отреагируют так же, – сказал Льюис.

– Откуда вы знаете? Они должны уже понимать, что мы разумны.

– Крыса тоже в некоторой степени разумна, – сказал Льюис. – Все зависит от того, как вы на нее смотрите. Разумеется, по сравнению с нами, они овощи. То же самое и с...

– У нас нет права ставить под удар все остальное человечество, – запротестовал Беллармайн. – Черт возьми, один из них пытался вас убить!

– Все указывает на то, что он был с дефектом, – заключил Льюис. – Слишком много ошибок наделал. Только поэтому нам и удалось разгадать их замысел.

– Они могут решить, что мы больше не приносим пользу, и избавиться от нас, – сказал Беллармайн. – Они...

– Среди них должны быть настоящие ученые, – сказал Льюис. – Джонсон был простым лаборантом. Настоящие ученые поступят так, как поступаем мы, люди. Я в этом уверен. Для того чтобы быть настоящим ученым, нужно уметь контролировать себя. Это значит, уметь понимать проблемы других людей... других существ. Нет, док. Вы с самого начала дали самый верный ответ. Вы проводите психологические испытания с крысами.

Беллармайн рассматривал свои руки.

– Что вы задумали?

– Возьмите белую крысу из лабораторной клетки. Заразите ее каким-нибудь простым микробом, оставьте в клетке шприц с заразой и все это – крысу и остальное – поместите возле той серебряной сетки. Искжите...

– Это безумие, – воскликнул Беллармайн. – Как вы можете заставить гипотетическое нечто обратить внимание на ваше послание, если даже не знаете их языка? Как с ними вообще можно контактировать?

– Искжите поле сетки, прикоснувшись к проводке чем-нибудь металлическим, – сказал Льюис. – Привяжите металл к палке, чтобы было безопаснее.

– В жизни не слышал более безумной идеи! – повторил Беллармайн.

– Достаньте мне белую крысу, клетку и шприц, я все сделаю сам, – сказал Льюис.

Беллармайн встал и зашагал к двери.

– В ближайшие две недели вы ничего не будете делать, – отрезал он. – Вы больны, а я и так слишком много с вами разговаривал. – Он открыл дверь и вышел из палаты.

Льюис уставился в потолок. По телу прошла дрожь. *Мутировавший вирус!*

Открылась дверь, вошли санитар и медсестра.

– Вам надо съесть горячий студень, – сказала медсестра. Она помогла ему есть, затем, вопреки его возражениям, вколола ему снотворное.

– Предписания врача, – строго сказала сестра.

– Какого врача? – пробормотал Льюис сквозь окутывавший его туман.

– Доктора Беллармайна.

Туман сгустился, сделался темнее. Льюис провалился в кошмар, где тысячи Джонсонов носились вокруг него с большими металлическими баллонами и каждый из них спрашивал: «Ты человек?» и брал у него кровь.

* * *

Очнувшись, Льюис увидел сидящего возле кровати шерифа Чернака. За окном занимался рассвет. Льюис повернулся к шерифу и с трудом прошептал:

– Утро, Джон... – Язык еле ворочался во рту и казался сухим и неповоротливым.

– Ну наконец-то, проснулся, – сказал Чернак. – Я тут уже пару часов сижу. Творится что-то неладное.

– Подними мне койку, – попросил Льюис. – Что случилось?

Чернак встал, подошел к краю кровати и отрегулировал ее положение.

– Самое главное – пропал док Беллармайн, – сказал он. – Мы проследили его путь от здешней лаборатории до морга. А там он как в воду канул!

Льюис широко раскрыл глаза.

– Там была клетка с белой крысой?

– Ну вот опять! – рявкнул Чернак. – Говоришь, что тебе ничего не известно, но вопросы задаешь правильные. – Он наклонился к Льюису. – Разумеется, там была крысиная клетка! А теперь рассказывай, откуда ты об этом знаешь!

– Сначала *ты* скажи мне, что случилось, – сказал Льюис.

Чернак выпрямился и нахмурился.

– Ладно, Уэлби, так и быть. Но потом, когда я закончу, начнешь говорить ты. – Он облизнул пересохшие губы. – Мне сказали, что док приходил сюда вчера вечером и говорил с тобой. Потом он пошел в лабораторию, взял клетку с белой крысой и направился в морг. Наш ночной охранник пропустил его. Когда, спустя некоторое время, док так и не вернулся, охранник забеспокоился и зашел внутрь. И там, в заднем коридоре, увидел черную сумку дока. А там, где была серебряная проводка, он нашел...

– Была? – выпалил Льюис.

– Да, – устало сказал Чернак. – Вот еще кое-что странное. Прошлой ночью кто-то выдернул все эти провода. Ни одного не осталось.

– Что еще нашел охранник?

Чернак подергал себя за воротник и уставился на стену напротив.

– Ну? – поторопил его Льюис.

– Слушай, Уэлби, я...

– Что случилось?

– Ну, ночной охранник – это был Расмуссен – позвонил мне, и я тут же поехал туда. Расмуссен ничего не трогал. Там была сумка дока, длинный деревянный шест с прикрепленной к нему железякой и крысиная клетка. Крысы в ней не было.

– А в клетке вообще что-нибудь было?

Чернак вдруг наклонился и выпалил:

– Слушай, Уэлби... как раз по поводу клетки... С ней что-то не так. Когда я только приехал, клянусь, ее там не было. Расмуссен тоже ее не помнит. Когда я приехал, то сначала решил, что док вышел через черный ход, но дверь все еще была опечатана полицией. Ее не открывали. Пока я это обдумывал – а стоял я примерно посередине коридора, – вдруг послышался хлопок, как будто из бутылки выдернули пробку. Я повернулся и на полу увидел эту клетушку. Она будто появилась из ниоткуда.

– И она была пуста?

– Да, не считая небольших стеклянных осколков. Мне сказали, это от шприца.

- Он был разбит?
 - На мелкие кусочки.
 - Дверца клетки была открыта?
- Чернак склонил голову набок, глядя на противоположную стену.
- Вроде нет.
 - А где именно стояла клетка? – Льюис пожирал шерифа взглядом.
 - Как я и сказал, Уэлби, прямо напротив проводки.
 - А провода исчезли?
 - Ну... – Шерифу явно снова стало не по себе. – На секунду, когда я повернулся, услышав шум... на секунду мне показалось, что я их видел.
- Льюис глубоко вдохнул.
- Теперь твоя очередь, – напомнил Чернак. – Где док? Судя по твоим вопросам, ты должен иметь об этом какое-никакое представление.
 - Он сдает вступительные экзамены, – ответил Льюис. – И нам всем остается молиться, чтобы его приняли.

Оккупационные силы

Пробуждение было долгим. Откуда-то раздавался стук. Генерал Генри А. Льюэллин открыл глаза. В комнате кто-то был. Он услышал чей-то голос.

– Сэр... сэр... сэр... – Это был его ординарец.

– Все в порядке, Уоткинс, я проснулся.

Стук прекратился.

Генерал свесил ноги с кровати и посмотрел на подсвеченный циферблат будильника. Двадцать пять минут третьего. Что за черт? Он накинул халат – высокий человек с лицом багрового цвета, начальник Объединенного штаба.

Уоткинс отдал честь, когда генерал открыл дверь.

– Сэр, президент созвал экстренное совещание кабинета. – Ординарец заговорил быстрее, почти тараторя. – Вокруг Земли кружит инопланетный космический корабль размером с озеро Эри и готовится атаковать.

Смысл его слов не сразу дошел до генерала. Он фыркнул. «Чепуха из бульварных газетенок!» – подумал он.

– Сэр, – сказал Уоткинс, – внизу ждет штабная машина, она отвезет вас в Белый дом.

– Принесите мне кофе, пока я буду одеваться, – велел генерал.

* * *

На совещании присутствовали представители пяти иностранных государств, все штабные офицеры, девять сенаторов, четырнадцать депутатов, главы секретных служб, ФБР и всех армейских подразделений. Они собрались в конференц-зале бомбоубежища в Белом доме – помещения с обшитыми панелями стенами, на которых в глубоких рамках, имитирующих окна, висели картины. Генерал Льюэллин сидел напротив президента за дубовым столом для совещаний. Президент постучал молотком по столу, и стоявший в зале гомон стих. Поднялся секретарь президента, чтобы зачитать первый вопрос повестки дня.

Астроном из Чикагского университета заметил корабль около восьми часов вечера. Тот приближался от Пояса Ориона. Астроном уведомил об этом другие обсерватории, и кому-то пришлось в голову поставить в известность правительство.

Корабль приближался на огромной скорости, а потом резко свернул на околоземную орбиту, облетая Землю за полтора часа. Теперь его было видно невооруженным глазом, словно очередной спутник. По подсчетам специалистов он был девятнадцати миль в длину, двенадцати миль в ширину и имел форму яйца.

Спектроскопический анализ показал, что двигатель судна работает на потоке водородных ионов со следами углерода, возможно, от рефрактора. Корабль был отчетливо виден на радаре, но игнорировал все попытки установить с ним связь.

Мнение большинства: инопланетный завоеватель, настроенный на то, чтобы захватить Землю.

Мнение меньшинства: *осторожный* гость из космоса.

Примерно через два часа после того, как корабль обосновался на орбите, от него отошел разведывательный модуль длиной в пятьсот футов, опустился на Бостон и выхватил из группы ночных рабочих, ожидавших автобус, человека по имени Уильям Р. Джонс.

Кое-кто из меньшинства переметнулся в противоположный лагерь. Однако президент продолжал налагать вето на все попытки заявить об атаке. Его поддерживали иностранные представители, периодически связывавшиеся со своими правительствами.

– Посмотрите на размер этой штуки, – сказал президент. – Муравей с крошечной мухобойкой мог бы атаковать слона с таким же успехом, с каким мы могли бы атаковать ее.

– Всегда остается надежда, что они проявят благоразумие, – сказал секретарь госдепартамента. – У нас нет доказательств, что они расчлениют этого Джонса из Бостона, как решили некоторые.

– Размер судна говорит об отсутствии мирных намерений, – возразил генерал Льюэллин. – На борту захватническая армия. Мы должны запустить все атомные боеголовки, которые сумеем достать, и...

Президент махнул рукой, призывая его замолчать.

Генерал Льюэллин откинулся на спинку стула. От споров у него разболелось горло, от ударов по столу – рука.

В восемь утра от корабля отделился модуль длиной в тысячу футов. Миновав побережье Нью-Джерси, он двинулся к Вашингтону.

В восемь восемнадцать утра модуль связался с аэропортом Вашингтона и на безупречном английском запросил инструкции к посадке. Изумленный диспетчер попросил модуль подождать, пока армия не расчистит место.

Генерала Льюэллина с группой помощников отправили в качестве делегации для встречи пришельцев. В восемь пятьдесят одну они прибыли на поле. Разведмодуль, бледно-голубой, как яйцо малиновки, сел на полосу, которая тотчас треснула под его тяжестью. На корабле то открывались, то закрывались тонкие прорези. Высунулись длинные стержни, затем снова исчезли. Спустя десять минут открылась дверь, из нее выехал трап и опустился на землю. И снова тишина.

Все оружие, которое армия смогла в столь короткий срок привести в боевую готовность, было нацелено на захватчика. В небе кружили реактивные самолеты. Высоко над ними вился одинокий бомбардировщик с надписью «БОМБА». Все ждали команды генерала.

В тени над трапом произошло какое-то движение. В открытой двери появились пять человеческих фигур. Все были одеты в полосатые брюки, рубашки с вырезом, сверкающие черные ботинки и цилиндры. Ткань переливалась разными цветами. Пришельцы несли в руках портфели, один держал свиток. Они начали спускаться по трапу.

Генерал Льюэллин и его помощники приблизились к трапу. «Они больше похожи на каких-то чиновников», – подумал генерал.

Первым заговорил человек со свитком, темноволосый, с узким лицом.

– Я имею честь быть послом Кролии, Лоо Могасайвидианту. – Это было сказано на безукоризненном английском. – Вот мои верительные грамоты. – Он протянул свиток.

Генерал Льюэллин взял свиток и представился:

– Я генерал Генри А. Льюэллин... – Он замялся. – Представитель Земли.

Кролианин поклонился.

– Могу я представить своих помощников? – Он повернулся. – Айк Турготокикалапа, Мин Синобаятагурки и Уильям Р. Джонс, уроженец Бостона, Земля.

Генерал узнал человека, чье фото было в каждой утренней газете. «А вот и первый коллаборационист Солнечной системы», – подумал он.

– Хочу принести свои извинения за задержку, – сказал посланник Кролии. – Иногда получается так, что между первичной и вторичной фазой колониальной программы проходит довольно долгий срок.

«Колониальной программы!» – ахнул про себя генерал, едва не дав сигнал о начале боевых действий. Однако послу было еще что сказать.

– Задержка высадки на Землю была необходимой предосторожностью, – объяснил кролианин. – За столь долгий срок наши данные несколько устаревают. Нам потребовалось время,

чтобы взять пробы, поговорить с мистером Джонсом, обновить базы данных. – Он снова ответил галантный поклон.

Генерал Льюэллин вконец запутался: «Пробы... база данных...» Он глубоко вдохнул и, ощущая на плечах груз истории, сказал:

– У нас к вам один вопрос, господин посол. Вы прибыли как друзья или как завоеватели? Кролианин широко раскрыл глаза и повернулся к землянину, стоявшему рядом.

– Я так и думал, мистер Джонс. – Он поджал губы. – Ох уж этот Колониальный департамент! Штат не укомплектован! Работает черт-те как! Ну и путаница...

Генерал нахмурился.

– Я вас не понимаю.

– Конечно, нет, – сказал посол. – Но если бы наш Колониальный департамент следил... – Он махнул рукой. – Посмотрите на своих людей, сэр.

Прежде всего генерал посмотрел на тех, кто стоял позади посла. Ясное дело, люди. По знаку кролианина он повернулся к солдатам у себя за спиной, затем бросил взгляд на перепуганные лица гражданских за оградой аэропорта.

Генерал пожал плечами и повернулся обратно к кролианину.

– Люди Земли ждут ответа на мой вопрос. Вы прибыли как друзья или как захватчики?

Посол вздохнул.

– Дело в том, сэр, что на этот вопрос нет ответа. Вы, верно, заметили, что мы с вами одного биологического вида.

Генерал молчал.

– Вам должно быть ясно, – продолжал кролианин, – что мы уже захватили Землю... около семи тысяч лет назад.

Пустышка

Если бы не ссора с отцом, я бы никогда не пошла в Таверну и никогда не встретила бы Пустышку. Пустышка выглядел обычным парнем и не стоил особого внимания, если только вы не притворялись, как это делала я, что вы – Марла Грэйм, звезда чувствилок, а он – Сидни Харш, явившийся в бар, чтобы передать вам шпионскую капсулу.

Во всем был виноват мой отец. Представьте, он разозлился из-за того, что я отказалась жечь кусты. Что это вообще за работа для восемнадцатилетней девушки? Я знаю, у моих предков были трудности с деньгами, но это не давало ему права на меня набрасываться.

Мы поругались за обедом, но улизнуть из дома мне удалось только после шести. Я отправилась в Таверну, поскольку знала, что, узнав об этом, старик взбесится пуще теле, попавшего в свинцовую бочку. Разумеется, скрыть это от него я бы не смогла. Каждый раз, как я возвращаюсь домой, он устраивает мне настоящий допрос.

Таверна – это место на перекрестке, где таланты собираются вместе, чтобы обменяться впечатлениями и обсудить работу. Я была там только один раз, и то в компании отца. Он запрещал мне ходить туда одной, потому что там часто крутятся всякие наркоши. Наркотой пропах весь зал. Под потолком клубился розовый дым из чаши с хиро. Кто-то дымил венерианским ойном. Было еще совсем рано, но в Таверне собралось уже немало талантов.

Я присела в свободный уголок за барной стойкой и заказала «голубой огонь», потому что видела, как его заказывает в чувствилках Марла Грэйм. Бармэн пристально уставился на меня. Я решила, что он наверняка теле, но он не стал меня доставать. Немного погодя он отправил ко мне напиток по воздуху и телепортировал к себе мои деньги. Я пригубила напиток, как это делала Марла Грэйм. Он показался мне слишком сладким, но я постаралась сделать так, чтобы на лице у меня ничего не отражалось.

Зеркало над барной стойкой давало хороший обзор зала, и я смотрела в него так, словно кого-то ждала. Увидев его отражение, я сразу поняла, что он сядет рядом со мной. Я не то чтобы ясновидящая, но иногда такие вещи сразу понятны.

Он пересек зал, двигаясь между забитыми столиками с легкостью гладиатора. Тогда-то я притворилась, что я – Марла Грэйм, что я жду в баре Порт-Саида Сидни Харша, чтобы забрать у него шпионскую капсулу, как в чувствилке, которую я видела в воскресенье. Этот парень и правда чем-то напоминал Харша – светлые кудрявые волосы, темно-синие глаза, лицо с такими резкими чертами, будто высеченное из камня скульптором, который еще не закончил работу.

Как я и думала, он сел рядом со мной и заказал «голубой огонь», поменьше сахара. Ясное дело, я догадалась, что он намерен со мной познакомиться, и задумалась, что ему сказать. Внезапно мне пришла в голову потрясающая идея: почему бы так и не следовать примеру Марлы Грэйм до тех пор, пока не настанет время уходить?

Он бы все равно не сумел меня остановить, даже если бы был портером. Видите ли, я – пиро, а это отличная защита в любом случае. Покосившись на свою вызывающую юбку, я сдвинула ногу так, чтобы в разрезе показалась подвязка. Я видела, как это делала Марла Грэйм. Блондин и глазом не моргнул. Он допил свой напиток и заказал еще один.

Я принялась. Дурью от него не пахло. Впрочем, витавшие в зале запахи уже начинали на меня действовать, и меня слегка подташнивало. Я знала, что скоро мне придется уйти, а другого шанса побыть кем-то вроде Марлы Грэйм не представится. Поэтому я сказала:

– У тебя что?

Ох, он прекрасно понял, что я обращаюсь к нему, но даже не поднял взгляда. Это меня разозлило. У девушки должна быть гордость, а я и так уже пошла на большие жертвы, первой начав разговор! Перед ним стояла пепельница с кучей бумаги. Я сосредоточилась на ней, и бумагу вдруг охватило пламя. Я – хороший пиро, когда захочу. Некоторые мужчины были

достаточно милы, чтобы заметить, что я и без таланта могла бы разжечь огонь. Впрочем, с таким отцом, как у меня, который везде сует свой нос, разве был у меня шанс это проверить?

Огонь привлек внимание парня. Он знал, что это я его разожгла. Взглянув на меня всего разок, он отвернулся.

– Отвяжись, – сказал он. – Я – Пустышка.

* * *

Не знаю, в чем дело. Может, я и правда немножечко теле, как сказал врач, но я знала, что он говорит правду. Это не прикол, как показывают в чувствилках. Ну, знаете, такой, где два комика, и один из них говорит: «А что у тебя?» А другой отвечает: «Пусто».

Только на самом деле он в это время заставляет стул левитировать и жонглирует без рук кучей вещей у себя за спиной. Ну, вы знаете этот прикол. Его уже до смерти заездили. В общем, когда он это сказал, меня как будто взяла оторопь. Я никогда раньше не видела настоящего живого Пустышку. Нет, я, конечно, знала, что они существуют. В правительственных резервациях и все такое, но вот так, чтобы сидеть рядом с одним из них...

– Извини, – сказала я. – Я – пиро.

Он покосился на золу в пепельнице и сказал:

– Да уж, вижу.

– Сейчас для пиро почти нет работы, – продолжала я. – Это мой единственный талант. – Я повернулась и посмотрела на него. Такой красавчик, хоть и Пустышка. – Что ты сделал? – спросила я.

– Сбежал, – ответил он. – Из резервации в Сономе.

От этого у меня закипела кровь. Не просто Пустышка, но еще и беглец. Совсем как в чувствилках.

– Хочешь у меня спрятаться? – предложила я.

Он развернулся, осмотрел меня и – честное слово! – покраснел. На самом деле! Никогда не видела, чтобы мужчина краснел. Этот парень определенно был полон сюрпризов.

– Люди могут неправильно понять, когда меня поймают, – сказал он. – А меня рано или поздно наверняка поймают. Так всегда бывает.

Мне отлично удавалась роль опытной женщины.

– Почему бы тогда не насладиться свободой? – спросила я, позволив ему увидеть в разрезе юбки немного больше, чем следовало.

А он, представьте себе, отвернулся!

Вот тогда и появились копы. Они не стали поднимать шум. Я давно заметила, что у двери стоят двое и смотрят на нас, только решила, что смотрят они на меня. Копы подошли к нам, и один из них склонился над моим блондинчиком.

– Так, Клод, – сказал он. – Давай по-тихому.

Второй ухватил меня за руку и сказал:

– Тебе тоже придется с нами пойти, сестренка.

Я вырвалась.

– Какая я тебе сестренка? – возмутилась я.

– Оставьте ее в покое, парни, – сказал Клод. – Я ей ничего не сказал. Она просто ко мне клеилась.

– Извини, – ответил коп. – Но она тоже пойдет с нами.

Тут я испугалась.

– Слушайте, – сказала я. – Я понятия не имею, в чем тут дело.

Полицейский показал мне дуло пистолета с транквилизатором у себя в кармане.

– Хватит устраивать сцены. Иди по-хорошему, сестренка, или мне придется пустить вот это в ход, – сказал он.

Кому же охота, чтобы его усыпили? Я пошла тихо, надеясь, что по дороге нам встретится мой отец или какой-нибудь знакомый и я смогу объяснить, что к чему. Но мне не повезло.

Снаружи нас ожидал старый полицейский реактивный кабриолет, вокруг которого уже собралась толпа. Какой-то портер из толпы развлекался, раскачивая зад машины вверх-вниз. Он стоял чуть поодаль, сунув руки в карманы, и ухмылялся.

Коп, который говорил с нами, бросил взгляд на портера, и тот, перестав улыбаться, поспешил прочь. Тут я поняла, что коп – теле, хотя он не трогал мой разум. Некоторые теле очень чтут свой моральный кодекс.

Ехать в старом реактивном кабриолете было весело. Раньше я никогда на таком не ездила. Один из копов сел назад вместе со мной и Клодом. Другой был за рулем. Лететь над заливом было очень странно. Обычно, если я хотела куда-то попасть, я вежливо спрашивала, нет ли рядом портера, а потом думала о том, куда мне надо, и портер в мгновение ока отправлял меня.

Конечно, то и дело я оказывалась в квартире какого-нибудь престарелого господина. Некоторые портеры промышляют сутенерством. Но пирог нет нужды волноваться по поводу всяких там казанов. Ни один пожилой господин не станет заниматься ерундой, когда на нем загорится одежда.

Итак, кабриолет наконец приземлился на территории старой больницы за чертой города, и копы отвели нас в небольшой офис, находившийся в главном здании. Пешком, представляете! В офисе было темно – недостаточно света, – и мои глаза не сразу привыкли к этому после яркого освещения в коридоре. Когда я все же смогла что-то разглядеть и увидела за столом какого-то старикана, то чуть в обморок не упала. Это был Менсор Уильямс. Ага. Большой босс. Чего бы ни умели остальные, он это делал лучше.

Кто-то нашел выключатель, и свет стал ярче.

– Добрый вечер, мисс Карлайл, – сказал Уильямс. Его козлиная бородка при этом подрагивала. Прежде чем я сделала замечание насчет того, что читать мысли неэтично, он добавил: – Я не вторгаюсь в ваши мыслительные процессы. Я просто заглянул вперед, в тот момент, когда уже узнал ваше имя.

Еще и ясновидящий!

– Не было особой необходимости привозить ее сюда, – обратился он к копам. – Но это было неизбежно. – А потом он сделал очень странную вещь – повернулся к Клоду и кивнул в мою сторону. – Как она тебе, Клод? – спросил он. Как будто меня на продажу выставили!

– Это она, папа? – спросил Клод.

Папа! Это меня убило наповал. У Большого босса есть ребенок, и этот ребенок – Пустышка!

– Она, – сказал Уильямс.

Клод расправил плечи и заявил:

– Что ж, я пас. Не буду я этого делать!

– Будешь, – сказал Уильямс.

Я окончательно потеряла нить разговора и решила, что с меня хватит.

– Погодите-ка, господа, – воскликнула я. – А не то я сплю здесь все к чертям! В прямом смысле!

– Она может, – улыбнувшись отцу, подтвердил Клод.

– Но не станет, – ответил Уильямс.

– Ах, не стану? – возмутилась я. – Попробуйте-ка меня остановить!

– В этом нет нужды, – сказал Уильямс. – Я видел, что произойдет.

Вот так просто! У меня от ясновидящих мурашки по коже. Иногда я удивляюсь, как они сами себя не боятся. Наверное, для них вся жизнь – повторение того, что они уже знают. Но не для меня.

– Что случится, если я сделаю что-то, чего вы не видели? – спросила я.

Уильямс подался вперед, с интересом глядя на меня.

– Такого никогда раньше не случалось, – сказал он. – Если бы это случилось хоть однажды, был бы настоящий прецедент.

Я, конечно, не уверена, но, глядя на него, я подумала, что ему было бы очень интересно увидеть нечто, не совпадающее с прогнозируемым. Я подумывала о том, чтобы разжечь костерок, может, из бумаг у него на столе. Но почему-то эта мысль потеряла для меня привлекательность. И вовсе не потому, что чье-то присутствие в моем сознании приказывало мне этого не делать. Даже не знаю, в чем дело. Мне просто не *хотелось* этого делать.

– Что все это значит? – спросила я.

Старик откинулся на спинку стула, и, честное слово, он выглядел немного разочарованным.

– Дело в том, что вы с Клодом поженитесь, – сказал он.

Я раскрыла рот, но не издала ни звука. Наконец мне удалось выдать из себя:

– То есть вы заглянули в будущее и увидели, что мы *женаты*? Сколько у нас детей и все такое?

– Ну, не все, – сказал он. – В будущем не все для нас ясно. Только определенные вехи. И мы не можем заглядывать в слишком отдаленное будущее. Прошлое гораздо проще. Оно фиксировано.

– А если мы этого не хотим? – спросил Клод.

– Да, – вторила я. – Что в таком случае?

Но должна признать, что предложенная перспектива не показалась мне такой уж отталкивающей. Как я уже говорила, внешне Клод напоминал Сидни Харша, только моложе. У него было что-то... можете называть это животным магнетизмом, если хотите.

Старик лишь улыбнулся.

– Мисс Карлайл, – сказал он, – вы действительно возражаете против...

– Раз уж я скоро стану членом вашей семьи, можете называть меня Джин, – перебила я.

Я уже начала проникаться неизбежностью ситуации. Моя двоюродная бабушка Харриет была ясновидящей, так что опыт общения с такими людьми у меня имеется. Сейчас я вспомнила, как она сказала мне, что мой котенок умрет, и я спрятала его в старом баке, а ночью пошел дождь и заполнил бак до краев. Разумеется, котенок утонул. Я так и не простила ее за то, что она не сказала мне, от чего котенок должен был погибнуть.

Старик Уильямс посмотрел на меня и сказал:

– По крайней мере *вы* проявляете благоразумие.

– А я нет, – парировал Клод.

Тогда я рассказала ему про свою двоюродную бабушку Харриет.

– Такова природа вещей, – сказал Уильямс. – Почему ты не можешь тоже проявить благоразумие, сынок?

Клод так и сидел с каменным лицом.

– Я что, такая ужасная? – спросила я.

Тогда он посмотрел на меня. По-настоящему посмотрел. Меня аж в жар бросило, честное слово. Я-то знаю, что я привлекательная. Наконец я, видимо, покраснела.

– Ты не ужасная, – сказал он. – Просто я против того, чтобы моя жизнь была расписана как шахматная партия.

Тупик. Минуты две мы просидели в полной тишине. Наконец Уильямс обратился ко мне:

– Что ж, мисс Карлайл, полагаю, вам интересно узнать, что здесь происходит.

– Я не дура, – ответила я. – Это одна из резерваций для Пустышек.

– Верно, – сказал он. – Но дело не только в этом. Вы знаете, что наши таланты возникли в результате мутаций, вызванных радиацией. Но знаете ли вы, что происходит с экстремальными отклонениями от нормы?

Разумеется, это знает каждый школьник. Я ему так и сказала. Конечно, я знала, что эволюционное развитие ведет к усреднению. Что у гениальных родителей обычно рождаются менее блестящие дети. Это общеизвестно.

Тут старик подкинул мне задачку.

– Таланты исчезают, моя дорогая, – сказал он.

Я задумалась над его словами. Конечно, я замечала, что в последнее время все труднее найти портера, даже такого, который отправит тебя к престарелым господам.

– В каждом поколении рождается все больше детей, у которых вообще нет талантов или же они слишком слабо выражены, – продолжал Уильямс. – Вряд ли мы когда-нибудь дойдем до их полного исчезновения, но те, кто останется, будут необходимы для особых работ на благо общества.

– Хотите сказать, что, если у меня будут дети, они окажутся Пустышками? – спросила я.

– Взгляните на вашу собственную семью, – ответил он. – Ваша двоюродная бабка была ясновидящей. Были ли у вас в семье другие, подобные ей?

– Ну... нет, но...

– Ясновидение – экстремальный талант, – сказал он. – Его обладателей осталось меньше тысячи. В моей категории всего девять человек. Кажется, вы называете нас Большими боссами.

– Но мы должны что-нибудь сделать! – воскликнула я. – Иначе мир полетит к чертям!

– Вот мы и *делаем*, – сказал он. – Здесь и еще в восьми резервациях по всему миру. Мы возрождаем механические и практические навыки, на которые опиралась цивилизация до появления талантов, и подбираем инструментарий, который сделает возможным перерождение той цивилизации. – Он поднял руку. – Но действовать нужно тайно. Мир пока не готов к восприятию подобной информации. Если об этом станет известно, начнется ужасная паника.

– Но вы же ясновидящий. Что произойдет? – спросила я.

– К сожалению, ни одному из нас пока не удалось это установить, – сказал он. – То ли это неустойчивая линия, то ли впереди какое-то препятствие, которое мы не в силах преодолеть. – Он покачал головой, и его козлиная бородка снова задрожала. – Ближайшее будущее покрыто туманом, сквозь который мы не в состоянии ничего разглядеть. Никто из нас.

Это меня напугало. От ясновидящих, может, и бывают мурашки по коже, но приятно знать, что существует будущее, которое кто-то может увидеть. Иначе будущего как бы и совсем нет. На глаза у меня навернулись слезы.

– И наши дети будут Пустышками, – сказала я.

– Это не совсем правда, – сказал Уильямс. – Некоторые из них – возможно, но мы сравнили ваши с Клодом генетические линии. У вас хорошие шансы произвести потомство, в котором будут ясновидящие или телепаты или оба таланта. Вероятность больше семидесяти процентов. – В его голосе послышались умоляющие нотки. – Миру нужен этот шанс.

Клод подошел и положил руку мне на плечо. От этого у меня по спине пробежали приятные мурашки. Вдруг я поймала вспышку его мыслей – видение того, как мы целуемся. Я не то чтобы теле, но, как я уже говорила, иногда что-нибудь мельком да и увижу.

– Хорошо, – сказал Клод. – Наверное, нет смысла бороться с неизбежным. Мы поженимся.

Больше никаких споров. Мы все пошли в соседнюю комнату, где нас ждал священник и все уже было готово, даже кольцо. Еще один ясновидящий. Он сказал, что проехал сто миль, чтобы провести церемонию бракосочетания.

* * *

Позже я позволила Клоду разок меня поцеловать. Мне было трудно смириться с тем, что я замужем. Миссис Клод Уильямс. Но так обычно и бывает с неизбежным, наверное.

Старик взял меня за руку и сказал, что необходима одна небольшая предосторожность. Время от времени я буду покидать резервацию, и нельзя исключать возможность того, что какой-нибудь наглый теле будет лезть мне в голову.

Меня поместили в анестезатор, а когда я вышла оттуда, в голове у меня была установлена серебряная сетка. Голова немного чесалась, но меня заверили, что это пройдет. Я слышала об этой штуковине. Ее называли одеялом.

– А теперь отправляйтесь домой и заберите свои вещи, – сказал Менсор Уильямс. – Родителям скажете только, что теперь работаете на правительство. Возвращайтесь, как только сможете.

– Приведите мне портера, – попросила я.

– Резервация охраняется от телепортеров, – объяснил он. – Придется отправить вас на реактивном кабриолете.

Так он и поступил.

Через десять минут я была дома.

Я поднялась по лестнице к дому. Был уже десятый час. Отец ждал у двери.

– Самое подходящее время для восемнадцатилетней девушки возвращаться домой! – закричал он и ворвался ко мне в сознание с помощью телепатии, чтобы проверить, чем я занималась. Ох уж эти телепаты и их правила! Что ж, он уткнулся прямо в защитное одеяло, и это его сразу осадило. Он вдруг притих.

– Я теперь работаю на правительство, – объявила я. – Просто зашла за вещами. – У меня еще будет время рассказать им про свадьбу. Если бы я тогда что-нибудь сказала, они бы совсем завелись.

Вошла мама.

– Моя детка работает на правительство! – воскликнула она. – Сколько тебе платят?

– Не надо вульгарностей, – сказала я.

Папа занял мою сторону.

– Конечно, Хейзел, – сказал он, – оставь ребенка в покое. Работа на правительство! Ну надо же! За такое платят предостаточно. А где это, детка?

Я видела, что он размышляет о том, сколько бы из меня вытянуть на оплату счетов, и задумалась, будут ли у меня вообще деньги, чтобы продолжать игру.

– Я работаю в резервации в Сономе, – сказала я.

– Зачем им там пирог? – спросил папа.

На меня снизошло вдохновение.

– Чтобы контролировать Пустышек. Тут ожог, там ожог. Ну, ты понимаешь.

Папе это показалось смешным. Отсмеявшись, он сказал:

– Я тебя знаю, милая. Я хорошо изучил твой образ мыслей. Позаботься о себе и не влипай в неприятности. Тебе предоставят хорошее, безопасное жилье?

– Самое безопасное, – сказала я.

Я почувствовала, как он снова тыкается в мое одеяло и удаляется.

– Это секретная работа, – пояснила я.

– Конечно, – согласился он. – Понимаю.

Я пошла к себе и собрала вещи. Предки еще немного пошумели из-за того, что я уезжаю так внезапно, но притихли, когда я сказала, что должна ехать незамедлительно, иначе потеряю работу.

Наконец папа сказал:

– Ну, если в правительстве и не безопасно... но ведь и нигде не безопасно.

Они поцеловали меня на прощание, и я пообещала, что буду писать и приеду домой, как только будут свободные выходные.

– Не волнуйся, папа, – сказала я.

Реактивный кабриолет отвез меня назад в резервацию. Когда я вошла в кабинет, мой муж Клод сидел за столом напротив своего отца.

Старик прижал руки ко лбу, и на коже между пальцами у него проступили капельки пота. Вскоре он опустил руки и покачал головой.

– Ну? – спросил Клод.

– Ничего, – сказал старик.

Я сделала несколько шагов, но они меня не заметили.

– Скажи мне правду, папа, – попросил Клод. – Насколько далеко ты видел наше будущее?

Старый Менсор Уильямс со вздохом опустил голову.

– Ладно, сынок, – сказал он. – Ты заслуживаешь знать правду. Я видел твою встречу с мисс Карлайл в Таверне, и это все. Нам пришлось отслеживать ее по старинке и сравнивать ваши генетические линии, как я и сказал. Все остальное – правда. Ты знаешь, что я не стал бы тебе лгать.

Я откашлялась, и они оба посмотрели на меня.

Клод вскочил со стула и повернулся ко мне.

– Можем все аннулировать, – сказал он. – Никто не вправе так играть с жизнями людей.

Он выглядел таким милым и похожим на маленького мальчика. Я вдруг поняла, что не хочу развода.

– Молодое поколение иногда должно брать ответственность на себя, – сказала я.

Менсор Уильямс оживился.

– Семьдесят процентов – это верный показатель? – спросила я старика.

– Абсолютно, дорогая моя, – сказал он. – Мы проверили каждую достигшую брачного возраста девушку, с которой он встречался, потому что он – носитель доминантной линии моей семьи. Ваша комбинация оказалась лучшей. Намного выше, чем мы надеялись.

– Вы еще что-нибудь можете сказать нам насчет нашего будущего? – спросила я.

Он покачал головой.

– Все в тумане. Вы сами по себе.

Меня снова охватило то жутковатое чувство, и я посмотрела на мужа. В уголках его глаз заиграли веселые морщинки, и он улыбнулся. И тут мне в голову пришла другая мысль. Если мы сами по себе, это значит, что мы сами создаем собственное будущее. Оно не фиксировано. И никакой любопытный ясновидящий не может за нами шпионить. Женщинам нравится такая идея. Особенно в первую брачную ночь.

Перемирие

Резкие порывы ветра гнали снег косыми полосами по замерзшему болоту. Снежные хлопья медленно окутывали деревянное сооружение, где располагался Наблюдательный пункт. На крыше НП ритмично двигались, описывая полукруг, антенны детектора жизни, напоминавшие покрытые инеем ломкие ветки.

Снег покрывал все вокруг, искажая материю, делая ее похожей на бесплотные серые тени. Яркое пятно на севере давало представление о положении солнца, которое в это время года висело низко над горизонтом даже в полночь.

Из всех мест, где могло бы родиться потрясшее мир изобретение, это казалось самым неподходящим.

Пуля из винтовки, рассыпая искры, просвистела вдоль заброшенного танка к северо-востоку от НП и со стоном унеслась вдаль. Пуля лишь подчеркнула одиночество, изолированность НП, устроенного далеко за передовой линией Арктического поля боя 1972. За пунктом к югу тянулись длинные канадские пустоши. На севере ранняя метель скрывала часть Северного Ледовитого океана за островом Бэнкс.

На НП стоял на страже один оператор, дрожавший от недосыпа и воздействия лекарств. Помещение, в котором он находился, едва ли достигало шести футов в диаметре и было забито оборудованием, мерцавшими зеленым светом экранами радаров, на которых точками отмечались живые существа: стая тундряных куропаток, возможно, песец. На каждом узле координатной сетки отображался прицельный код для минометной очереди.

Командование союзных войск обозначило эту зону как «НП 114». Служба в таком месте менее всего подходила человеку впечатлительному, которого чуть ли не силой и давлением на совесть и чувство долга вынудили согласиться на эту ужасную должность. Тот факт, что он оказался на НП 114, лишний раз свидетельствовал о чрезвычайной поспешности, с которой во время этой войны принимались почти все решения.

Пуля из винтовки снова ударила по заброшенному танку. Склонившись над экранами НП, капрал Ларри Халсер попытался отследить траекторию движения пули. Похоже, ее пустили со стороны мерцающей точки, которую он принял за песца.

«Маловата для человека, – подумал он. – Или нет?»

Зеленые отсветы экранов освещали темное лицо Халсера, загоняя наверх тени, которые сливались с его черными волосами. Он пожевал губами, нервно вращая глазами от страха, который ему никогда не удавалось скрыть, страха, который делал его объектом постоянных насмешек со стороны сослуживцев.

Халсер никак не походил на человека, способного полностью изменить мир. Он выглядел, как бесформенный человекоподобный комок в окружении детекторов форм жизни и странных зеленых теней.

Давным-давно, еще в юности, один из профессоров Халсера по химии выдал ему такую характеристику: «Мечтатель... В современном мире его непременно ждут неудачи».

Светящаяся точка, которую Халсер принял за песца, сменила положение.

«Стоит ли уведомить артиллерию? – спросил себя Халсер. – Нет, лучше не буду. Они, наверное, решат проверить с помощью летучего детектора. И если пилот установит, что это действительно песец...»

Халсер поежился, вспомнив, как над ним потешались, когда месяца два назад он доложил о волке. С тех пор к нему прилипло прозвище Волчишка Халсер!

«Стар я уже для таких игр, – подумал он. – Тридцать восемь лет – это слишком много. Если бы только можно было как-нибудь положить этому конец...»

Еще одна пуля врезалась в разбитый танк. В тесном деревянном помещении НП Халсер попытался сжаться еще сильнее. Эти пули, словно ищущие пальцы, тянувшиеся к неопознанному металлу, пытались найти НП. Стоило им установить цель, как за ними следовал один боевой снаряд калибра 200 мм, наведенный с помощью эхофона.

Или могло случиться так, как случилось с другим наблюдателем, Бреком Вингейтом. Воспоминание заставило Халсера содрогнуться.

Вингейта нашли скрючившимся среди приборов с аккуратной сквозной дырой под мышками. Сквозь отверстие от одиночной пули в стене НП рядом с Вингейтом свистел ветер. Враг нашел его, так и не узнав об этом.

Халсер нервно покосился на фанерные стены. От ищущих пуль его укрывали только деревянные щиты, созданные для того, чтобы ставить в тупик настроенные на металл поисковики и отражать звук пули, ударившей по снежному заносу. Дыра, пробитая пулей под куполом во время чьей-то вахты, была заткнута куском скомканной печатной бумаги.

Халсера снова затрясло.

И снова пуля отскочила от сломанного танка. Затем земля задрожала, и к танку устремился снаряд.

«Чтобы мы не думали использовать его в качестве НП», – подумал Халсер.

Он включил режим отслеживания, чтобы передать собственной артиллерии позицию вражеского миномета, хотя надежда на его обнаружение казалась минимальной. В последнее время противник использовал новые маскировочные снаряды, которые не отслеживались.

* * *

Телефон рядом с экранами загорелся красным. Халсер наклонился к трубке и ответил: – НП 114. Халсер.

Голос принадлежал сержанту Чемберлену.

– Во что это там стреляет миномет, Волчишка?

Стиснув зубы, Халсер рассказал о танке.

– Мы не обязаны звонить и требовать подобных объяснений! – рявкнул Чемберлен на другом конце провода. – Ты уверен, что не спишь на посту?

– Да, сержант.

– О'кей. Гляди в оба, Волчишка.

Красный свет вокруг телефона померк.

Халсера трясло от ярости. *Волчишка!*

Он представил себе сержанта Майка Чемберлена: высокий, заносчивый, с раздражающе гнусавым голосом. И задумался о том, что бы ему хотелось сделать с вытянутым лицом Чемберлена с маленькими глазками и огромным носом. Может, стоит перезвонить и попросить к телефону «Шнобеля» Чемберлена?

Халсер вымученно ухмыльнулся. «Как его это взбесит! И ему придется ждать еще четыре часа, прежде чем он сможет что-нибудь со мной сделать».

Но при мысли о последствиях гнева Чемберлена улыбка сошла с лица Халсера.

Центральный экран зафиксировал какое-то движение. Песец. Или нет? Он двигался по замерзшей земле в направлении разбитого танка, потом остановился на полпути.

«Песец, исследующий странные запахи кордита и продуктов горения? – подумал Халсер. – Или все-таки противник?»

Эта мысль повергла его в панику. Если какое-либо живое существо, превышающее определенный минимальный размер – пятьдесят килограммов, – подойдет слишком близко к НП, а система «свой – чужой» не сумеет его опознать, то сарай и все, что в нем находится, взлетит

на воздух в ослепительной вспышке термита. Все сгорит, чтобы не дать противнику захватить детектор форм жизни, которым управляет наблюдатель.

Халсер внимательно смотрел на центральный экран. Это напомнило ему игру из его детства: двое детей друг против друга прячут на коленях за книжками листы линованной бумаги. На листе каждого – тайно отмеченные клетки: четыре в ряд – линкор, три в ряд – эсминец, две в ряд...

Светящееся пятно на экране снова придвинулось ближе к танку.

Халсер уставился на пересечение квадратов поверх светящейся точки, и откуда-то из глубины сознания выплыла забавная мысль: «Позвони и сообщи им, что у тебя тут линкор на экране на клетке О-6-С. Тебя тут же вышвырнут из армии по причине психической нестабильности!»

Вышвырнут из армии!

Его мысли тут же устремились в Нью-Окленд, к Кэрол Джин. «У нее скоро родится ребенок, а...»

Пятно (песец?) еще более приблизилось к танку.

Но теперь Халсер безнадежно застрял мыслями в Нью-Окленде. Он подумал о годах одиночества до встречи с Кэрол: пять дней в неделю работа в «Планетари Кемикалс»... библиотека и бесконечные страницы книг (и другая часть его разума тут же заметила: «У тебя слишком обширные интересы!»)... крошечная квартира... убогая обстановка...

Теперь нечто (песец?), метнувшись к танку, обогнуло его.

Халсер отметил движение, не прерывая воспоминаний: «А потом – Кэрол! Почему мы не отыскиали друг друга раньше? Всего один месяц вместе и...»

На экране возник еще один небольшой светящийся объект рядом с местом, где Халсер засек предыдущий. Объект тоже устремился к кратеру.

Халсер вернулся в леденящее кровь настоящее. В мозгу зародилось ужасное подозрение: «У врага новый тип щита. Хуже нашего. Он просто уменьшает размер изображения!»

«Или же это пара песцов?»

Его терзали сомнения.

«Может, у них действительно есть новый щит, – размышлял он. – У нас нет монополии на научные идеи».

Он нашел себе новую пищу для размышлений: война внутри войны, борьба за превосходство в области вооружения. Новое оружие – новый щит – более качественное оружие – более качественный щит. Как лестница, ступени которой усеяны изуродованными останками.

«Может, у них действительно есть новый щит», – повторил он про себя.

Теперь Халсер задумался о щитах – сложной мерцающей решетке, делавшей человеческое тело прозрачным...

И вдруг он замер. Ясно, отчетливо – каждая диаграмма на своем месте, каждое уравнение, каждая формула завершены – у него в сознании возник прибор, который наверняка помог бы положить конец войне. Его охватила неконтролируемая дрожь. В горле пересохло. Он судорожно сглотнул, не сводя глаз с экрана.

Две светящиеся точки встретились, направляясь к танку. Халсер наклонился к телефонной трубке.

– Это НП 114. У меня тут двое зеленых. Координаты – О-6-С-суб Т-Р. По-моему, они устраивают НП!

– Ты уверен? – раздался гнусавый голос Чемберлена.

– Конечно, уверен!

– Проверим.

Линия затихла.

* * *

Выпрямившись, Халсер облизнул губы.

«Отправят самолет, чтобы посмотреть сверху? Они мне не доверяют».

В ответ со стороны танка раздался оглушительный взрыв.

Со стороны противника тут же последовал огонь из стрелкового оружия. Пули летели сквозь серый снег.

«Это был вражеский НП! Теперь им известно, что у нас здесь есть наблюдатель!»

Очередная пуля попала в купол НП.

Халсер в ужасе уставился на дыру. «Вдруг меня убьют? И тогда моя идея погибнет вместе со мной! Война будет идти бесконечно...» Он бросился к телефону и закричал:

– Вытащите меня отсюда! Вытащите меня отсюда! Вытащите меня отсюда!

Когда его нашли, Халсер все еще бормотал эти три слова.

У входа в НП возник сухошавый силуэт Чемберлена. Три размытые фигуры позади него не обращали на НП никакого внимания, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, разглядывая снег, держа винтовки наготове. Противник прекратил стрельбу.

«Еще один не выдержал, – подумал Чемберлен. – Я-то думал, чувство стыда поможет ему протянуть чуть подольше!»

Он вытащил Халсера в снег и прошипел:

– Ну, в чем дело? Чего ты всех нас сюда пригнал?

Сглотнув, Халсер сказал:

– Сержант, пожалуйста, поверьте мне. Я знаю, как взорвать вражеские боеприпасы, даже не зная, где они находятся. Я могу...

– Взорвать боеприпасы на расстоянии? – Чемберлен прищурился так, что его глаза стали похожи на два куска кремня. «Еще один пациент для мозгоправов, если только не удастся вывести его из этого состояния с помощью шока». – Да ты совсем спятил! Возвращайся-ка к приборам и...

Халсер побледнел.

– Нет, сержант! Я должен вернуться туда, где...

– Я могу пристрелить тебя прямо тут...

Страх, отчаяние, ярость – все сложные, родившиеся под давлением эмоции вынудили Халсера выпалить:

– Ты, тупица с огромным носом! Я могу закончить войну! Слышишь? – Его голос сделался громче. – Отвези меня к лейтенанту! Я отправлю таких, как ты, назад под камни, из-под которых вы выползли!..

Чемберлен ударил Халсера кулаком по голове, отчего тот рухнул в снег. Падая, он подумал: «Но ты все-таки сделал это, парень! Наконец ты ему все высказал!»

Сержант оглянулся на своих спутников и подумал: «Если враг его слышал, нам конец!» Он жестом подозвал одного из парней.

– Митч, встань на вахту в этом НП. Нужно отвезти Халсера назад.

Тот кивнул и нырнул в дверной проем.

Чемберлен склонился над Халсером.

– Трус проклятый! – прошипел он. – Убить бы тебя прямо здесь! Но я отвезу тебя в штаб ради удовольствия посмотреть, как ты будешь пресмыкаться, когда тебя решат поджарить! На ноги! Шагай давай!

* * *

Майор Тони Липари – для своих Тони Губа – прислонился к обитой полотнищем стене землянки, сцепив руки за головой. Это был худой человек с сальными черными волосами, разделенными на прямой пробор и прилизанными так, что они напоминали крылья жука. На гражданке он продавал спортивные товары со склада. Однажды он надел тюрбан на офисную вечеринку, и перед ним как будто распахнулись все двери. Где-то среди предков у него имелись мавры.

Майор чувствовал усталость («Отчеты о потерях! Бесконечные отчеты о потерях!») и раздражение и слегка нервничал.

«Нам не хватает людей, чтобы управлять НП! – думал он. – Неужели мозгоправы заберут у нас еще одного?»

– Лейтен... – начал он высоким от волнения, писклявым голосом. Он замолчал и прочистил горло. – Лейтенант все мне рассказал, капрал. Честно говоря, фантастика какая-то.

Капрал Халсер вытянулся перед ним по струнке.

– Разрешите обратиться, майор?

Липари кивнул.

– Прошу.

– Сэр, я был химиком... в смысле, на гражданке. В эту воинскую часть меня направили потому, что я немного занимался электроникой, а наблюдатели за детекторами форм жизни им нужны были больше, чем химики. Наши щиты...

«Он еще мне будет рассказывать, как нам нужны наблюдатели!» – недовольно подумал майор, а вслух сказал:

– Ну, продолжайте, Халсер.

– Сэр, вы разбираетесь в химии?

– Немного.

– Я хочу сказать, вы знаете уравнения Редокса и реакции замещения?..

– Да, да. Дальше!

Халсер перевел дух и подумал: «Ничего он не знает. Почему бы ему не перенаправить меня к тому, кто в этом действительно разбирается?»

– Сэр, вам известно, что изоляционный слой нашего щита обеспечивает особый тип защиты для...

– Разумеется! Он изолирует носителя от электрического разряда костюма!

Халсер уставился на майора.

– Изолирует... О нет, сэр. Прошу прощения, майор, но...

– Капрал, это необходимо? – перебил Липари, подумав: «Вот перестал бы он прикидываться и вернулся бы к работе! Ведь ясно же, что он симулирует! Если...»

– Сэр, разве вы не...

– Я прошел полную профориентацию по поводу детекторов форм жизни, когда меня снова призвали, – сказал Липари. – Моя специализация, разумеется, пехота. Корея, знаете ли. Но я понимаю, как управлять щитом. Продолжайте, капрал. – Ударом ноги он отодвинул стул от стены.

– Сэр, на самом деле этот изоляционный слой предохраняет носителя от своего рода реакции псевдозамещения с кожей. Поле костюма может обманом заставить организм вырабатывать пузырьки азота...

– Да, Халсер! Все это мне известно! Но какое отношение это имеет к вашей замечательной идее?

Халсер глубоко вдохнул.

– Сэр, я могу построить проектор, работающий по принципу костюмов с детекторами, который вызовет искусственную реакцию замещения в любом типе взрывчатки. Я уверен, что могу!

– Уверены?

– Да, сэр. Например, я мог бы создать такую реакцию в triNOx , чтобы вырабатывать фтор и ионизированный водород – в минимальных количествах, разумеется, – но этого будет достаточно, чтобы ликвидировать ближайший источник взрывчатых веществ...

– Как вам удастся проверить, имеется ли такой источник на складе противника?

– Сэр! Все так или иначе носят щиты, защищающие от детекторов! Это полевые генераторы. Или двигатели внутреннего сгорания... или... или что угодно! Если у вас имеется взрывоопасная смесь, переходящая из одного состояния в другое в присутствии фтора и водорода... – Он пожал плечами. – На нее достаточно посмотреть краем глаза, и она взорвется!

Липари откашлялся.

– Ясно. – Он снова откинулся к стене. В висках начинала пульсировать головная боль, вызванная перенапряжением глаз. «А теперь самое главное», – подумал он. – И как же нам построить этот чудесный излучатель, капрал?

– Сэр, мне нужно будет поработать с механиками и инженерами-техниками и...

– Капрал, я сам решаю, кто с кем работает среди моих людей. Так. Я скажу вам, что вы сделаете. Нарисуйте спецификацию этого вашего излучателя и оставьте ее мне. Я передам ее соответствующим лицам.

– Сэр, не все так просто. У меня в голове есть все детали, это так, но в таком деле нужно проработать все неточности...

– У нас множество специалистов, которые могут это сделать, – отрезал Липари. И подумал: «И чего он не сдастся? Я дал ему возможность красиво выйти из этой ситуации! Набросать что-нибудь на бумажке, отдать мне. И все!»

– Но, сэр...

– Капрал! Мой ординарец выдаст вам бумагу и карандаш. Вам нужно только...

– Сэр! Это невозможно так сделать!

Липари потер лоб.

– Капрал Халсер, я отдал вам приказ. Вы сядете и представите схему и спецификацию вашего проектора. И вы сделаете это прямо сейчас!

Халсер почувствовал во рту кисловатый привкус и скривился. «И больше о капрале Ларри Халсере никто не услышит, – подумал он. – Вся слава достанется Тони Губе».

– Сэр, – сказал он, – что вы станете делать, если после того, как передадите мои планы, вас, например, спросят о полярных молекулах...

– Все это вы объясните в своем предложении. Ясно, капрал?

– Сэр, на то, чтобы разработать схему, в которой все будет учтено, мне понадобится шесть месяцев...

– Вы тянете время, капрал! – Майор Липари подался вперед и встал. Понизив голос, он произнес: – Признайтесь, Халсер, вы же симулируете! Я это знаю. И вы это знаете. Война уже сидит у вас в печенках, и вам хочется выйти из игры.

Халсер покачал головой.

– Это не так просто, капрал, – продолжал Тони Губа. – Итак. Я всеми возможными способами дал вам понять, что все понимаю, что я готов...

– Майор, прошу прощения, но...

– У вас два варианта, капрал Халсер. Либо вы представите диаграммы, схемы или что-нибудь в этом роде, чтобы доказать, что у вас действительно есть хорошая идея, либо вы вернетесь к себе в часть. Мне надоело с вами возиться!

– Сэр, неужели вы не пони...

– По уставу военного времени я могу расстрелять вас!

«Вот что приведет его в себя, – подумал Липари, – сильный шок!»

Халсера захлестнуло горькое отчаяние. Он ощутил тот же гнев, который заставил его все высказать сержанту Чемберлену.

– Майор, о моей идее слышало уже немало людей. По крайней мере некоторые из них могут подумать, что вы пристрелили курицу, несущую золотые яйца!

У Липари окончательно разболелась голова. Он придвинулся ближе к Халсеру.

– Я могу придумать кое-какую альтернативу расстрелу, капрал!

Халсер посмотрел в разъяренные глаза Липари.

– Я подумал, *сэр*, что этот проект вдруг может стать «нашим» проектом, а затем и «вашим», в ходе чего простой капрал может потеряться.

Липари беззвучно открыл рот. Наконец он сказал:

– Ну всё, Халсер, с меня хватит! Я отдам вас под трибунал! Причем хуже от этого будет только вам!

«Ладно, – подумал Липари, – с этим покончено. Ну и денек!»

Он повернулся к выходу из землянки и крикнул:

– Сержант!

Дверь открылась, и на пороге возник каланча Чемберлен. Преодолев комнату, он отдал Липари честь.

– *Сэр*?

– Сержант, этот человек под арестом, – сказал Липари. – Отвезите его обратно в штаб под стражей, и пусть остается там до трибунала. На выходе пришлите моего ординарца.

Чемберлен отдал честь.

– Слушаюсь, *сэр*. – Он повернулся, взял Халсера за локоть. – Пошли, Халсер.

Липари отвернулся и пошарил рукой по угловой полке, пытаясь на ощупь отыскать аспирин. Он услышал, как у него за спиной открылась и закрылась дверь. И только сейчас он спросил себя: а вдруг этому психу действительно пришла в голову стоящая идея? Майор нашел аспирин и прогнал мысль прочь. «С ума можно сойти!»

* * *

Халсер сидел на железной койке, уронив голову в ладони. Его окружали стены из клепанной стали. Пространство равнялось длине койки и вдвое превосходило ее по ширине. Слева, в изножье койки, располагалась зарешеченная дверь. Справа на полу стоял складной умывальник, а под ним – туалет. Несмотря на резкий запах дезинфицирующего средства, в комнате воняло нечистотами.

«Чего они тянут? – спрашивал себя капрал. – Три дня этого безумия! Как долго они...»

Дверь камеры задрожала.

Халсер поднял голову. По ту сторону решетки появился пожилой человек в форме полковника – крошечный, седовласый, с глазами любопытной птицы и сухой, как пергамент, кожей. Если его нарядить в соответствующее одеяние, он вполне бы сошел за средневекового колдуна.

Рядом возник молодой сержант военной полиции, отпер дверь и отодвинулся в сторону. Полковник вошел в камеру.

– Так-так, – проговорил он.

Халсер встал и отдал честь.

– Я вам еще нужен, *сэр*? – спросил полицейский.

– А? – Полковник обернулся. – Нет-нет, сержант. Просто оставьте дверь открытой и...

– Но, *сэр*...

– Из этой тюрьмы ведь невозможно бежать, не так ли, сержант?

– Да, сэр. Но...

– Тогда просто оставьте дверь открытой и идите по своим делам.

– Есть, сэр. – Сержант отдал честь и, нахмурившись, повернулся. По коридору разнеслось эхо от его шагов по металлическому полу.

Полковник снова повернулся к Халсеру.

– Значит, это вы – молодой человек с гениальными идеями.

Халсер прокашлялся.

– Да, сэр.

Полковник беглым взглядом осмотрел камеру.

– Я полковник Пейдж из штаба генерала Сэвиджа. Химическое оружие.

Халсер кивнул.

– Адъютант генерала предложил мне приехать сюда и поговорить с вами, – сказал Пейдж. – Он считает, что химик может...

– Пейдж! – воскликнул Халсер. – Не вы ли тот самый доктор Эдмонд Пейдж, который занимался псевдолитием?

Лицо полковника расплылось в довольной улыбке.

– Как же... да, это я.

– Я прочел все, что сумел достать, о вашей работе, – воскликнул Халсер. – Я подумал, что если бы вы только... – Он запнулся.

– Продолжайте, – сказал Пейдж.

Халсер облизнул сухие губы.

– Ну, если бы вы просто перешли от органической химии к неорганической, то... – Он замолчал.

– Я смог бы получить прямую химическую реакцию вместо органической? – продолжил за него Пейдж.

– Да, сэр.

– Эта мысль пришла мне в голову только по пути сюда, – сказал Пейдж и указал на койку. – Присаживайтесь.

Халсер рухнул на койку.

Пейдж осмотрелся, протиснулся мимо коленей Халсера и уселся на крышку унитаза.

– Давайте-ка поговорим о вашей идее.

Халсер молча уставился на собственные руки.

– Я уже обсудил это дело с генералом, – продолжал Пейдж. – Мы решили, что вы, вероятно, знаете, о чем говорите, и были бы очень признательны, если бы вы все объяснили.

– Что мне терять? – спросил Халсер.

– Возможно, у вас есть причины чувствовать себя оскорбленным, – сказал Пейдж. – Но, прочитав выдвинутые против вас обвинения, я пришел к выводу, что частично вы сами виноваты в том, в какое положение попали. – Он бросил взгляд на наручные часы. – Итак, расскажите мне, как именно вы предлагаете взорвать боеприпасы противника на расстоянии... Вы говорили о каком-то излучателе.

Халсер глубоко вдохнул. «Это химик, – подумал он. – Может, я сумею его убедить». Капрал посмотрел на Пейджа и начал объяснять.

Вскоре полковник перебил его.

– Но ведь потребуется огромное количество энергии, чтобы изменить атомную...

– Я говорю не об изменении атомной структуры в этом смысле, сэр. Разве вы не понимаете? Я просто создаю искусственное состояние, *как если бы* имелся катализатор. Псевдокатализатор. И это выводит из статического смесителя вещества, которые там уже имеются:

ионизированный водород из влаги – фтор из реальных компонентов в случае TriNOx. Белый фосфор из дитрата, оксид азота и ромбическую серу из обычного пороха.

Пейдж облизнул губы кончиком языка.

– Но почему вы считаете... в неорганической системе... присутствие псевдокатализатора... – Он покачал головой. – Ну конечно! – неожиданно воскликнул полковник. – Какой же я дурак! Сначала вы получите полярную реакцию – как я с псевдолитием. И это будет первым шагом на пути к... – Он уставился на Халсера выпученными глазами. – Мальчик мой, думаю, вы открыли совершенно новую область неорганической химии!

– Вы понимаете, сэр?

– Конечно, понимаю! – Пейдж вскочил на ноги. – Вы можете создать искусственный радикал с нестабильным периметром. Малейшее количество влаги в этом периметре даст вам необходимый ионизированный водород и... – Он хлопнул в ладоши, как восторженный ребенок. – Бум!

Халсер улыбнулся.

Пейдж внимательно посмотрел на него.

– Капрал, я верю, что ваш излучатель может сработать. Признаюсь, я не очень силен в полевых решетках и прочих электронных делах, но вы, видимо, разбираетесь.

– Да, сэр.

– Как вам вообще это пришло в голову? – спросил Пейдж.

– Я думал об эффекте решетки в наших детекторах форм жизни, как вдруг у меня в голове появилась вся идея целиком!

Пейдж кивнул.

– Это одна из тех идей, которая должна была дожидаться своего часа. – Пейдж снова протиснулся мимо коленей Халсера. – Нет-нет. Оставайтесь здесь. Я устрою встречу с полковником Алленби из части L-D и найду какого-нибудь специалиста по механике – скорее всего, капитана Стивенса. – Он кивнул. – А вы, капрал, оставайтесь тут до тех пор, пока... – Он бегло осмотрел камеру и нервно засмеялся. – Не волнуйтесь, молодой человек. Через несколько часов мы вытащим вас отсюда.

* * *

Пять недель первой фазы операции «Большой взрыв» казались Халсеру хаотическими и нереальными. Штаб велел приступить к разработке проекта в резервной зоне генерала Сэвиджа после того, как им направили предварительную схематику. Они рассчитывали, что вблизи зоны боевых действий меньше опасность утечки информации, а на обширных пустошах резервной зоны было меньше шансов таинственным образом взорвать что-нибудь свое, что привело бы к нежелательным вопросам.

Но корпус не собирался рисковать. Зону окружили специальным подразделением военной полиции. К проекту присоединились специалисты, записывавшие все для отправки в Штаты.

Для заключительных испытаний выбрали открытую равнину на достаточном расстоянии от собственных складов боеприпасов. Это было пустынное место, открытое всем ветрам. Из замерзшей земли торчали серые камни. Кабель питания длинной черной змеей тянулся вдаль за укрытие.

На место проведения испытаний Халсера и Пейджа доставил вездеход «Ласка». Коробка излучателя лежала на сиденье между ними. В ней находился зеленый контейнер двух футов в ширину и четырех в длину. С одной стороны торчала стеклянная трубка. Напротив нее находилось запечатанное гнездо с красным предохраняющим знаком «не соединять». С другой стороны подсоединялся треножник.

Утро выдалось холодным и ясным. Воздух, казалось, хрустел. Небо было темно-кобальтового цвета, такого насыщенного, словно его отполировали.

На испытания собралось человек пятьдесят. Они распределились по укрытию, представлявшему собой длинный сарай, открытый с одной стороны. Почти посередине перед открытой стороной стоял пустой треножник. По обе стороны его сидели техники с записывающими устройствами. От них тянулись тонкие черные провода, собиравшиеся в пучок почти в миле от сарая, прямо напротив открытой стороны.

Генерал Сэвидж был уже на месте и как раз беседовал с незнакомцем, который прибыл утром с впечатляющей защитой с воздуха. Незнакомец был одет в гражданскую одежду, но перед испытаниями сменил ее на парку и лыжные штаны. Ни внешностью, ни манерами он не походил на гражданского. И все заметили, что генерал Сэвидж называет его «сэр».

Генерал был грубоватым, плотного телосложения мужчиной с наглой самоуверенностью человека, никогда не сомневающегося в своих силах. Крупный нос и квадратная челюсть делали его похожим на бульдога. В камуфляжной одежде без погон его можно было бы принять за сержанта. Он выглядел так, как должен был выглядеть суровый сержант старой школы. Люди генерала Сэвиджа прозвали его Тарзаном, главным образом за то, что он любил принимать снежные ванны нагишом при температуре ниже нуля.

Внутри сарая выстроились охранники в белых шлемах. Халсер заметил, что они не были вооружены огнестрельным оружием, а только держали в руках штыки. Ему вдруг пришло в голову, что он не удивился бы, если бы они держали арбалеты.

Когда полковник с Халсером вошли в сарай, генерал Сэвидж помахал Пейджу рукой. Полковник махнул в ответ и остановился возле гладко выбритого лейтенанта рядом с треножником.

– Лейтенант, – сказал Пейдж, – из зоны проведения испытаний убрали всю взрывчатку, кроме необходимой для опытов?

Лейтенант вытянулся по струнке и отпартовал:

– Так точно, сэр, полковник.

Пейдж вынул из кармана сигарету.

– Пожалуйста, лейтенант, дайте мне вашу зажигалку.

– Да, сэр. – Лейтенант порылся в кармане, нашел хромированную зажигалку и протянул ее Пейджу.

Полковник Пейдж взял зажигалку, посмотрел на нее и выбросил вместе с сигаретой в снег. Зажигалка упала футах в шестидесяти от него.

Лейтенант побледнел, потом покраснел.

– Уберите каждую зажигалку, каждую спичку, – сказал полковник. – И проверьте, все ли приняли те специальные таблетки по меньшей мере четыре часа назад. Нам не нужно никакое *внутреннее* стогорание, если только оно происходит не в двигателе.

Лейтенант выглядел смущенным.

– Есть, сэр.

– И еще, лейтенант, остановите последний вездеход и скажите водителю забрать то, что вы сейчас соберете.

– Есть, сэр.

Лейтенант поспешил прочь.

* * *

Пейдж снова повернулся к Халсеру, который уже прикрепил излучатель к треножнику и теперь стоял рядом с ним.

– Все готово, сэр, – сказал Халсер. – Подсоединить кабель?

– Как вы думаете? – спросил Пейдж.

– Мы готовы, насколько это вообще возможно.

– О'кей. Подсоедините кабель и ждите. Держите выключатель в руках.

Халсер выполнил приказ. Теперь, по мере приближения заключительного этапа испытаний, у него начинали дрожать ноги, и он был уверен, что все видят, как сильно он нервничает.

В сарае воцарилась напряженная тишина.

Подожли генерал Сэвидж и его гость. Генерал объяснял теоретические основы работы излучателя.

Гость кивал.

Вблизи этот человек казался не менее суровым и непреклонным, чем генерал Сэвидж – только еще жестче. На его лице из-под угрюмых темных глаз выступали, словно два горных хребта, резко очерченные скулы.

Генерал Сэвидж указал на черную грудку взрывчатки вдалеке.

– У нас там приборы вместе с взрывчаткой, сэр. Кабели соединяют их с записывающей техникой здесь, в сарае. Мы планируем протестировать несколько типов взрывчатых веществ, в том числе керосин, бензин и машинное масло. Все, что смогли достать, кроме атомной взрывчатки. Но если это взорвется, будет ясно, что излучатель сработает и с атомной.

Гость заговорил, и звук его голоса напоминал скрип бревна, которое волокут по гравии.

– Мне дали понять, что... если теория верна... этот излучатель будет воздействовать на любые зажигательные вещества, в том числе и уголь.

– Да, сэр, – подтвердил Сэвидж. – Уголь тоже должен загореться. У нас есть несколько кусков в мешке сбоку. Его не видно из-за снега. Но наши приборы покажут, что именно подвергается воздействию... – Он покосился на Халсера. – Если это сработает.

Вернулся полковник Пейдж, проверявший записывающее оборудование.

Сэвидж повернулся к полковнику.

– Все готово, Эд?

– Да, генерал. – Он посмотрел на Халсера и кивнул. – Вперед, Ларри. Включайте.

Халсер нажал на выключатель, непроизвольно закрыв глаза, затем резко открыл их и уставился на взрывчатку вдали.

Излучатель низко загудел.

Пейдж обратился к генералу:

– На то, чтобы все подействовало, может понадобиться вре...

Не успел он договорить, как грудка взрывчатки задрожала и с ревом занялась пламенем. Полковник Пейдж уставился на взрыв, беззвучно, одними губами заканчивая слово: «...мя».

Место, где находилась взрывчатка, окутали дым и пыль.

За спиной у Халсера раздался дребезжащий голос гостя:

– Вот вам и вся перестрелка, генерал. *Вся перестрелка.*

– Этого мы и боялись, сэр, – ответил Сэвидж. – Но теперь делу уже ничем не поможешь. – В голосе его звучала горечь.

Разочарование, явно прозвучавшее в голосах генерала и сурового незнакомца, поразило Халсера. Повернувшись, он увидел, что лейтенант, которого Пейдж отругал за нарушение правил безопасности, яростно пытается погасить загоревшийся нагрудный карман. Окружившие его люди смеялись и пытались помочь.

Пейдж бросился к записывающим устройствам, проверяя каждое из них.

Халсер вдруг осознал, почему лейтенант так странно себя ведет. «Спички! Он забыл избавиться от спичек, после того как полковник отобрал у него зажигалку!» Халсер глянул туда, куда полковник бросил зажигалку, и увидел черное пятно на снегу.

Вернулся Пейдж, проверявший записывающие устройства.

– Насчет угля пока непонятно, но, насколько мы можем судить, на все остальное в куче излучатель подействовал! – Он обнял Халсера за плечи. – Этот молодой гений выиграл для нас войну.

Сэвидж повернулся и угрюмо посмотрел на Халсера.

Человек в гражданском фыркнул.

Но Халсер смотрел на образовавшийся при взрыве кратер, и на лице у него появилось выражение эйфории.

Туда уже направились техники, тщательно проверяя наличие невзорвавшихся фрагментов.

Генерал и его гость обменялись взглядами, которые могли означать что угодно.

Сэвидж передал по радио запрос о транспорте.

Вскоре к месту проведения испытаний с ревом подъехало несколько вездеходов.

Сэвидж крепко схватил Халсера за локоть.

– Вам лучше поехать с нами. Вы теперь ценное имущество.

Халсер мысленно вернулся к странному разговору между Сэвиджем и его гостем сразу после взрыва. Его неприятно поразила подозрительная грусть в голосе генерала. «Может быть, старый бойцовский пес просто не хочет, чтобы все заканчивалось?» Нет, глядя на генерала, он понимал, что дело не в этом.

* * *

Они мчались по пустошам к базе. Халсеру было неуютно сидеть между генералом и его гостем. Никто явно не желал обсуждать результаты испытаний. Вокруг не чувствовалось радостного удовлетворения, и от этого Халсеру было не по себе. Он уперся взглядом в затылок водителя, но это не помогло.

Они прошли в кабинет генерала, овальную комнату без окон. По стенам были развешены карты. Низкая ширма разделяла помещение на две части: в одной стояло два пустых стола, а в другой три рабочих стола, один из которых находился чуть поодаль от других. Они подошли к отдельному столу.

Сэвидж указал на гостя.

– Это мистер Слейден. – Перед словом «мистер» он слегка замялся.

Халсер подавил желание отдать честь и пожал гостю руку. У того была крепкая хватка и гладкая ладонь.

– Проинформируйте его, генерал, – сказал Слейден хриплым голосом, привыкшим отдавать приказы. – Я соберу своих людей и снаряжение. Нам пора возвращаться.

Сэвидж кивнул.

– Благодарю, сэр. Сейчас займусь.

Слейден задумчиво посмотрел на Халсера.

– Убедитесь, что он ясно понимает, что только что произошло. Мне кажется, он об этом не подумал.

– Да, сэр.

Слейден ушел.

Халсер почувствовал странное сосущее ощущение в животе.

– Не люблю я все это чинопочитание, Халсер, к тому же у нас мало времени, – сказал Сэвидж. – Придется на несколько минут забыть об армейских формальностях.

Халсер молча кивнул.

– Вы осознаете, что только что произошло? – спросил Сэвидж.

– Да, сэр. Но я не могу понять, почему вас не радует тот факт, что у нас теперь есть оружие, при помощи которого мы можем выиграть войну. Это...

– Мы не уверены, что у нас есть именно такое оружие. – Сэвидж сел за стол и взял книгу в красном кожаном переплете.

– Хотите сказать, противник...

– Умные идеи вроде вашей практически носятся в воздухе, Халсер. Возможно, противник уже располагает таким оружием или они над ним как раз сейчас работают. Иначе я бы похоронил этот ваш проект. Видите ли, стоит человеку осознать, что что-то достижимо, он не успокоится, пока не достигнет этого.

– Разве были какие-нибудь признаки того, что противник...

– Нет. Но ведь и *они* не видели никаких признаков *нашего* оружия... надеюсь. Дело вот в чем: оно у нас есть, и мы планируем его использовать. Возможно, мы одолеем их прежде, чем они сумеют что-либо сделать. И *эта* война закончится.

– Но если взрывчатка уйдет в прошлое, это будет означать конец всем войнам вообще, – возразил Халсер. – Вот о чем я думал!

Генерал ухмыльнулся.

– Мой юный восторженный друг, способа сделать войну невозможной пока еще не изобрели! Когда закончится эта война, начнется другая, и обе стороны будут использовать ваш излучатель. Это всего лишь вопрос времени.

– Но, сэр...

– Значит, следующая война будет вестись с помощью кавалерии, мечей, арбалетов и копий, – сказал Сэвидж. – Последуют и другие *улучшения*! – Он стукнул книгой по столу и вскочил на ноги. – Устранение взрывчатки лишь делает шпионаж, яды, ядовитые газы, бактериальное оружие – все это – необходимостью!

– Как вы можете...

– Разве вы не понимаете, Халсер? Вы сделали невозможным использование взрывчатых веществ в военных целях. То есть бензин. Двигатель внутреннего сгорания – тоже. Ракетное топливо. Самолеты тоже нельзя использовать. Порох. Нельзя использовать ничего – от маленького пистолета до огромной пушки!

– Конечно, но...

– Однако у нас есть альтернатива, Халсер. У нас есть оружие времен короля Артура. Плюс кое-какие *современные* инновации: ядовитые газы, арбалетные стрелы с наконечниками, пропитанными ядом кураре, бактериальное...

– Но как же Женевская конвенция...

– К черту Женевскую конвенцию! Туда ее и пошлют, как только достаточно большая группа людей решит ее проигнорировать! – Генерал Сэвидж ударил кулаком по столу. – Поймите! Насилие – атрибут жизни человека. Жажда власти – атрибут жизни человека. До тех пор, пока люди жаждут власти, они сделают все, чтобы получить ее, и не важно, каким путем. Честным или не очень! Мирным или нет!

– Мне кажется, вы настроены слишком пессимистично, сэр.

– Может быть. *Надеюсь*, что так. Но я родом из семьи военных, много поколений военных. Мы достаточно повидали на своем веку, чтобы стать пессимистами.

– Но призывы к миру...

– Пока что они не возымели должного действия на предотвращение войн, Халсер. – Генерал покачал головой. – Я кое-что расскажу вам, мой юный друг. Когда я впервые увидел упоминание о ваших идеях в выдвинутых против вас обвинениях, я испытал ощущение, которое человек испытывает, когда тонет в третий раз. Я отчаянно надеялся, что вы ошибаетесь, но я не мог позволить себе *не* обратить на это внимание. Я надеялся, что майор Липари и сержант Чемберлен правильно поняли... – Генерал замолчал и сердито посмотрел на Халсера. – Вот еще одна претензия, которая у меня к вам имеется! Вы вели себя с двумя прекрасными

солдатами, как избалованный ребенок! Если бы не Липари и Чемберлен, вы бы каждое утро получали по тридцать плетей от вашего местного рабовладельца!

– Но, сэр...

– Никаких «но, сэр», Халсер! Будь у вас время перед отъездом, я бы заставил вас лично извиниться перед ними обоими!

Покраснев, Халсер покачал головой.

– Не знаю. Я просто был уверен, что моя идея сработает и что Липари и Чемберлен этого не понимают. И я знал, что, если бы меня убили или не дали мне разработать проект, противник получил бы это оружие первым.

Сэвидж склонился над столом и потер рукой глаза.

– Вы, конечно же, правы. Но вы пытались прогнуть систему, а вы не из тех, кто должен это делать. У таких, как вы, любые попытки что-либо изменить в данной сфере обычно заканчиваются крахом.

Халсер вздохнул.

– Вы теперь ценное имущество, дружище. Так что перестаньте себя жалеть. Вас отправят домой, и вы будете рядом с женой, когда ей придет время рожать.

Халсер удивленно посмотрел на него.

– О да, мы про нее знаем, – сказал Сэвидж. – Поначалу мы думали, вы просто ищете предлог, чтобы вернуться к ней. – Он пожал плечами. – Полагаю, жизнь у вас теперь будет весьма комфортная. Вас будут охранять, с вами будут нянчиться. От вас будут ждать очередной гениальной идеи! Черт вас знает, может, вы и правда гений.

– Вот подождите, сэр. Я думаю, это положит конец всем войнам.

Генерал вдруг задумался.

– Халсер, очень недооцененный и многими презираемый писатель однажды сказал: «Нет ничего труднее, опаснее и неопределеннее, чем руководить введением нового порядка вещей». Очень глубокомысленное утверждение, Халсер. И вот вы прямо на передовой, вводите «новый порядок вещей». Хотелось бы думать... ради вашего будущего ребенка – ради всех детей, – что другой войны не будет. – Он пожал плечами. – Но я бы на это не рассчитывал.

В кабинет снова заскочил Слейден.

– Приближается воздушная защита, генерал. Придется везти его прямо так. Пошлите его снаряжение потом, ладно?

– Разумеется, сэр. – Сэвидж выпрямился и пожал Халсеру руку. – Удачи, Халсер. Запомните, что я вам сказал. Всем военным приходится жить с этой горькой истиной. Развивая свою гениальную идею, вы атаковали не источник проблемы, а лишь один из ее симптомов. – Генерал поднял со стола книгу в красном переплете. – Вот вам подарок для вашего будущего ребенка. – Он вложил книгу в руки Халсера. – Новому поколению будет нужно понять эту книгу.

Халсер успел лишь сказать:

– Спасибо, сэр.

Затем Слейден вывел его из кабинета.

Возможность рассмотреть книгу представилась Халсеру только на борту летевшего на юг самолета. Он стиснул ее в руках и окинул взглядом океан облаков за окном. Это было редкое, неадаптированное собрание сочинений Николо Маккиавелли, мастера обмана и коварства.

Эпилог

Многие ошибочно полагают, что Детонатор Халсера был изобретен в секретной правительственной лаборатории. На самом же деле гений доктора Лоуренса Халсера раскрылся на боевых полях Арктики в 1972 году, где ему в голову пришла эта идея, благодаря которой он сразу прославился.

Бичер Карсон. «Пришествие меча. История древнего и современного военного искусства». Том 6, стр. 112.

Все дело в постромках

Гердэй, Домен 18, 7102 (Н. К.)

Веритин-сити, Аспидиск VII

Заседание Особого подкомитета по межгалактической культуре (см. стр. 33) состоялось, согласно созыву, в 16:00 в зале заседаний комитета в здании сената по адресу 8122, Верштин-сити. Председательствовал сенатор Джордж С. Золам, председатель подкомитета.

Также присутствовали: сенатор Арден Г. Пингл от Проксисту I; Мергис В. Леддер, советник подкомитета; Джордж К. Макки, чрезвычайный агент саботажа комитета.

Сенатор Золам: Призываю подкомитет к порядку. Наш первый свидетель – distinguished Глиббис Аблар, секретарь синтеза.

Мы рады видеть вас, господин секретарь. Известно, что в вашем департаменте работают лучшие эксперты в области культурного синтеза, и мы привыкли полагаться на их записи фактических данных.

Как вам известно, наш подкомитет работает согласно резолюции сената 1443 первой сессии 803-го конгресса с целью проведения полноценного и тщательного расследования жалоб, полученных от групп по соблюдению экономии, которые обвиняют команды исторического сохранения из Бюро культурных дел в растрате финансовых ресурсов.

Итак, господин секретарь, насколько я понимаю, вы готовы предоставить образец работы, выполненной вашими командами исторического сохранения.

Секретарь Аблар: Да, сенатор. У меня имеется три-ди-запись интервью с одним из ранних исследователей Гомейсы III, а также транскрипт интервью и кое-какие объяснительные комментарии, необходимые для полного понимания данного экспоната.

Сенатор Золам: Вы хотите поставить три-ди-запись сейчас?

Секретарь Аблар: К сожалению, сенатор, я не в состоянии это сделать. Мой проектор подвергся официальному саботажу – видимо, в целях экономии времени комитета. Меня смущает моя неспособность...

Сенатор Золам: Агент саботажа комитета Макки внесет в протокол официальное объяснение.

Агент саботажа Макки: Секретарь может официально сослаться на неисправность три-ди-записи.

Секретарь Аблар: Благодарю, мистер Макки. Ценю ваше понимание. Могу я также добавить к официальной отсылке, что неисправность записи связана с устаревшим оборудованием, обновление или замену которого невозможно было покрыть из средств, выделенных нам на двухлетний период?

Сенатор Золам: Комитет рассмотрит этот запрос позднее. Итак, господин секретарь, у вас ведь есть письменный транскрипт этого интервью?

Секретарь Аблар: Да, сенатор.

Сенатор Золам: В чем значимость этого конкретного интервью?

Секретарь Аблар: Интервью было записано в деревне Лау на Гомейсе III. Мы считаем это интервью одним из лучших, что когда-либо было нами взято. Оно представляет особый интерес с точки зрения культурных следов в лексиконе пожилого господина, бывшего объектом интервью.

Сенатор Золам: Кого интервьюировали ваши люди?

Секретарь Аблар: Его зовут Хильмот Гастин. Тем, кто изучает межгалактические семейные связи, имя Гастин – или Гастен, или Густинг, или Гауштерн – знакомо по культурной среде Проциона, образовавшейся в результате марсианской миграции.

Сенатор Золам: Опишите этого Гастина для протокола, пожалуйста.

Секретарь Аблар: Родители привезли его на Гомейсу III в возрасте девяти лет, во время ранних исследований планеты. Это было в 6873 году по Новому календарю, следовательно, сейчас ему двести тридцать восемь лет. Семья Гастина прибыла вместе со второй миграционной волной через три стандартных года после первых переселенцев. Сейчас он на пенсии, проживает с племянницей.

Сенатор Золам: Нет ли у вас изображения Гастина?

Секретарь Аблар: Только в записи, сенатор. Однако один из докладов описывает его как... Прошу прощения, кажется, у меня есть этот доклад с собой. Да... Вот: «Сварливый престарелый гражданин, который выглядит и ведет себя так, будто он вдвое моложе, чем на самом деле. Ростом около двух метров, лицо узкое, длинные седые волосы носит заплетенными в две косы на древний манер, водянистые голубые глаза, острый подбородок, огромные уши и нос».

Сенатор Золам: Какое красочное описание.

Секретарь Аблар: Благодарю, сенатор. Некоторые из наших людей гордятся своей работой, как художники.

Сенатор Золам: Это очевидно, господин секретарь. Итак, вы готовы сейчас предоставить транскрипт интервью?

Секретарь Аблар: Да, сенатор. Хотите, чтобы я его зачитал?

Сенатор Золам: В этом нет необходимости. Передайте его роботу, и интервью будет напечатано в протоколе.

***ИНТЕРВЬЮ С ХИЛЬМОТОМ ГАСТИНОМ, РАННИМ
ПОСЕЛЕНЦЕМ НА ПЛАНЕТЕ ГОМЕЙСА III
(отдел по сохранению исторического наследия)***

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ СЛЕДОВ
В СИСТЕМЕ ГОМЕЙСА
БЮРО КУЛЬТУРНЫХ ВОПРОСОВ
СЛУШАНИЯ
ОСОБОГО ПОДКОМИТЕТА ПО МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЕ
КОМИТЕТА ПО ГАЛАКТИЧЕСКОМУ СИНТЕЗУ, ДИСПЕРСИИ,
МИГРАЦИИ И ЗАСЕЛЕНИЮ
МЕЖГАЛАКТИЧЕСКИЙ СЕНАТ
803-й КОНГРЕСС
Первая сессия
согласно
Рез. 1443
Резолюция по исследованию действий команд исторического сохранения
из Бюро Культурных Вопросов

Часть 1

Межгалактический департамент синтеза, Бюро культурных вопросов
Домен 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26: 7102
(Новый календарь)

Напечатано для использования Комитетом по галактическому синтезу,
дисперсии, миграции и заселению

***КОМАНДА 579 БЮРО КУЛЬТУРНЫХ ВОПРОСОВ,
ДЕПАРТАМЕНТ СИНТЕЗА***

Интервьюер Симсу Яггата: Мы находимся в доме мистера и миссис Пресби Килкау в деревне Лау на планете Гомейса III с целью взять интервью у Хильмота Гастина, джентльмена, который сидит напротив меня рядом со своей племянницей, миссис Килкау. Мистер Гастин – один из немногих первых поселенцев на Гомейсе III, которые еще живы, и он любезно согласился поведать нам о некоторых событиях, которые он пережил в те ранние дни. Я хотел бы поблагодарить вас, миссис Килкау, за оказанное вами сегодня гостеприимство.

Миссис Килкау: Для нас это честь, мистер Яггата.

Гастин: Я все равно думаю, что это чепуха, Бесси. Я должен был сегодня идти удить билкеров.

Миссис Килкау: Но, дядя Гас...

Гастин: Вы как думаете, мистер Яггата? Разве вы не предпочли бы рыбалку?

Яггата: Прошу прощения, сэр. Наше расписание не оставляет мне времени.

Гастин: Жаль. Билкеры кусаются, как стая голодных клыко-птиц.

Яггата: Думаю, для начала вам следует рассказать нам, когда вы впервые прибыли на Гомейсу III.

Гастин: Это было в шестьдесят четвертом.

Яггата: То есть в 6864-м?

Гастин: Да. Я тогда был совсем мальчонкой. Папаня перевез нас с Проциона IV во вторую волну миграции.

Яггата: Насколько мне известно, у вас в роду много переселенцев, сэр.

Гастин: Мои предки так и не смогли усидеть на одном месте после Марса. Пять поколений прожили на Марсе – а потом, как семена бумера: бах! Рассыпались по всей вселенной!

Яггата: Вы из марсианских мигрантов?

Гастин: Мой дед переселился на Процион IV. Папаня родился по дороге туда. Я родился на Проционе.

Яггата: А что подвигло вашего отца переселиться на Гомейсу III?

Гастин: Он услышал, что тут есть зелень. На Проционе нет ничего, кроме песчаных бурь.

Яггата: И что он сказал, когда узнал, что растительность здесь фиолетового цвета?

Гастин: Сказал, что все лучше, чем желтая пыль.

Яггата: И это очень красивая планета.

Гастин: Одна из самых красивых во вселенной!

Яггата: А теперь, сэр, нас интересуют подробности вашей жизни в тот ранний период. Каковы были условия, когда вы только прибыли?

Гастин: Жестче, чем у клеща в... Вы сейчас записываете, мистер Яггата?

Яггата: Записываю.

Гастин: Условия были довольно жесткие.

Яггата: Как скоро по прибытии вы получили свой участок?

Гастин: Дней десять-пятнадцать мы ждали в соляных болотах вместе с остальными, а потом отправились напрямик в Лау. В округе были две другие семьи: Пиджуны и Килкау. Муж Бесси – внук старого Эффуса Килкау.

Яггата: Как тогда тут все выглядело?

Гастин: Сплошняком кусты и жуки-уолли, иногда попадалась тигровая змея и дука-дуки, ну и, конечно, эти треклятые клыкоптицы⁹.

Яггата: Многие во вселенной знают об этих ужасных существах, клыкоптицах, сэр. Какое счастье, что их истребили!

⁹ Клыкоптицы, или псевдоптеродактили, – летающая рептилия родом с Гомейсы III, ныне вымершая. Размах крыльев до десяти метров. Это существо отличалось характерными ядовитыми клыками (муравьиная кислота), выступавшими над носовыми пазухами. – В этом рассказе примеч. авт.

Гастин: Вовсе их не истребили! Просто они затаились в какой-нибудь неизвестной долине и ждут часа, когда...

Миссис Килкау: Ну, дядя Гас!

Гастин: Это правда!

Яггата: Дука-дуки – это такие маленькие пушистые существа, похожие на собак, не так ли?

Гастин: Верно. Пушок у них жесткий, как проволока, да еще и с зазубринами. Царапает страшнее, чем фритч-куст.

Яггата: Это первое, что с вами произошло, когда вы сюда приехали?

Гастин: Мы все покрылись паршой.

Яггата: Паршой?

Гастин: Врачи называют это фурункулами Фремонта, в честь старого дока Фремонта, который прибыл с первыми переселенцами. Это он обнаружил, что их вызывает микрорыльца цветов фритча.

Яггата: Ясно. Вы сразу построили дом?

Гастин: Ну, сэр, пока мы расчесывали свои нарывы, мы построили домик из дерна с крышей из дранки, а вокруг сложили заграждения из фритча, чтобы отгонять дука-дуков.

Яггата: Наверное, это было очень страшно – слушать странные крики клыкотиц, свист дука-дуков.

Гастин: У нас было слишком много работы, особенно волноваться было некогда.

Яггата: То или иное место на этой планете часто бывает названо в честь кого-нибудь из первых поселенцев. Вашу семью этим почтили?

Гастин: Ха-ха! Болото Гастина! Вот что мы получили! Я вам так скажу, мистер Яггата, Бесси хотела, чтобы я представил нашу семью кучкой героев, но, по правде говоря, мы всего лишь нищие фермеры, и две трети нашей фермы занимает болото.

Яггата: Но развивать фермерское хозяйство в этой дикой местности наверняка было интересно.

Гастин: Знаете, мистер, то, что одни называют *интересным*, другие, кто этим занимается, считают тяжелым, неблагодарным трудом.

Яггата: Неужели не было ничего, что помогло бы облегчить вашу долю? Какие-нибудь развлечения?

Гастин: Ну, сэр, как-то раз папаня купил перекатыша¹⁰ и...

Миссис Килкау: Ох, ладно тебе, дядя Гас! Я уверена, мистеру Яггате неинтересно слушать про глупую старую покупку вроде...

Гастин: Послушай-ка, Бесси! Интервью тут берут у меня!

Миссис Килкау: Конечно, дядя Гас, но...

Гастин: И я считаю, что история о перекатыше для кого угодно послужит хорошим уроком!

Яггата: Нам, разумеется, не помешает ее послушать, сэр.

Гастин: Вы же понимаете, мистер, мы были просто голодранцами¹¹ с легким снаряжением¹². Наш блок питания все время был занят тем, чтобы кое-как поддерживать нас на плаву.

¹⁰ Перекатыш (Rollitus Sphericus) – истреблен на Гомейсе III в результате эпидемии мутировавшего вируса мастита в 6990 г. Одно стадо можно увидеть в Галактическом зоопарке на Аспидиске III, хотя и в сильно адаптированной к условиям этой планеты форме. Первоначальные перекатыши были яйцеобразными яйценосными существами, которые могли достигать двадцати метров в диаметре и двигались, перенося равновесие с одной точки на другую.

¹¹ Голодранцы – бедные переселенцы.

¹² Легкое снаряжение – минимальное снаряжение переселенцев, допустимое миграционными властями: пригодная для местного климата одежда (по два комплекта на человека); один геллеритовый блок питания; ручные инструменты, пригодные для разработки местных ресурсов, достаточные для того, чтобы построить укрытие и возделывать землю.

Поэтому когда старый Эффус Килкау объявил, что у него есть тягловая скотина на продажу, папаня тут же решил купить ее.

Яггата: Объявил? Как именно он это сделал?

Гастин: Через обязательную сеть¹³. Старик Эффус объявил, что дешево продает одного перекатыша весом 2500 кг, натренированного пахать землю.

Яггата: Некоторым из тех, кто будет смотреть это интервью, возможно, неизвестно, что такое *rollitus sphericus*, мистер Гастин. Не могли бы вы пояснить?

Гастин: Всему свое время, сынок. Не гони лошадей. Дело в том, что мой папаня тоже не мог отличить перекатыша от мяча для боулинга, но был слишком горд, чтобы в этом признаться.

Яггата: Ха-ха-ха! Неужели никто не просветил его?

Гастин: Ну, старик Эффус подозревал, что папаня про перекатышей ни сном ни духом, и думал, что хорошая шутка выйдет, если ни о чем его не предупреждать.

Яггата: Понятно. Как была совершена эта сделка?

Гастин: Все в сети, а подтверждение – на базе, когда Эффусу перевели семьдесят галаров.

Яггата: Ваш отец купил его не глядя?

Гастин: Разумеется! В то время не было никаких нечистых делишек. Люди должны были помогать друг другу... и делать это честно, потому что от этого зависела их жизнь. Жульничество начинает процветать только с приходом цивилизации. Кроме того, мы тогда жили так далеко друг от друга, что потратили бы больше времени, если бы поехали смотреть скотину, чем если бы ее просто переправили к нам.

Яггата: Это все объясняет, сэр. Но разве ваш отец не пытался выяснить, что именно покупает?

Гастин: Конечно, пытался. Но папаня боялся показаться дубом¹⁴. Помню, он спрашивал, как кормить перекатыша. Старик Эффус сказал только, что этот перекатыш приучен к свистку и его можно отпустить на выпас в поле. В то же время кто-то еще встрял в сети и сказал, что семьдесят галаров – это очень дешево для перекатыша весом в две с половиной тысячи килограммов, так что если папаня не хочет скотину, он сам ее возьмет. Папаня тут же и заключил сделку.

Яггата: Как его доставили?

Гастин: Ну, Килкау были побогаче нас. У них имелась грузовая платформа, которая выдерживала груз до шести тысяч килограммов. Они просто погрузили перекатыша на платформу и доставили по воздуху.

Яггата: Что сказал ваш отец, когда увидел его?

Гастин: Вы имеете в виду насчет упряжи?

Яггата: Да.

Гастин: Ну, сэр, я не думаю, что папаня вообще задумывался о том, что с упряжью могут быть какие-то проблемы. У нас на Проционе был сигет, и папаня делал собственную упряжь с хорошими длинными постромками, чтобы не чувствовать вонь. Он просто решил, что ему придется сделать новую упряжь.

Яггата: Неужели он *ничего* не сказал про упряжь?

Гастин: Нет. У него не было возможности что-либо сказать. Видите ли, перекатыш немного разнервничался из-за полета. Как только его спустили с платформы, он покатился, перевернулся и прокатился прямо по мне.

¹³ Обязательная сеть – радиосеть, в которой поселенцы обязаны ежедневно отмечаться во время раннего периода заселения.

¹⁴ Дуб – глупый человек, которого легко обмануть.

Яггата: Бог ты мой! Наверняка это было очень страшно, если вы никогда раньше не видели перекатыша!

Гастин: Счастье, что ма этого не видела. Она бы тут же в обморок хлопнулась. Знаете, перекатыш весом в две с половиной тысячи килограммов развивает переднюю тягу около полутора тысяч и, когда разгонится, то катится еще как. К тому же они очень хитрые! Выглядят, как гигантские плавающие вокруг амебы, а потом вдруг оказываются прямо на тебе – в прямом смысле!

Яггата: Вы испугались, когда он по вам перекатился?

Гастин: Ну, он сбил меня с ног, на секунду стало темно, ощущалось какое-то теплое, твердое давление, а потом оно исчезло. Знаете, перекатыш ведь не нанесет вам вреда. На самом деле они очень дружелюбные. В округе Мирмон был такой случай: перекатыш спас парня от клыкоптицы. Просто сидел на этом парне до тех пор, пока клыкоптица не убралась.

Яггата: Тот еще, наверное, опыт был!

Гастин: Да уж! Знаете, перекатыш на девяносто процентов состоит из мобильной жидкости и мышц, выполняющих функцию насосов, а остальное – это шкура, похожая на гибкую броню. Для взрослого перекатыша физическая атака практически не представляет угрозы – даже если на него нападет клыкоптица, – а уж если ты неуязвим, тебя точно все полюбят.

Яггата: Как вы отреагировали на то, что вас переехал огромный живой шар?

Гастин: Когда я оправился от шока, то захотел еще раз попробовать. Я подумал, это весело. Но папаня так напугался, что загнал меня в дом. Старику Эффусу понадобилось полчаса, чтобы убедить папаню, что перекатыш никого не обидит. Его вес распространяется по такой большой поверхности, что по ощущениям это похоже на хороший массаж.

Яггата: Ха-ха-ха! Значит, ваш отец приобрел перекатыша, а как запрягать, не знал.

Гастин: Вот именно. До обеда он об этом даже не думал. К тому времени старик Эффус уже уехал. Перекатыш катался себе на улице, расчищая кусты фритча. Перекатыши вообще хорошо убирают заросли.

Яггата: И как же ваш отец решил эту проблему?

Гастин: Ну... он просто подошел к перекатышу, пощелкал языком, посвистел, как ему велел старик Эффус. Потом подвел перекатыша к сараю, где хранился наш водонепроницаемый плуг. Это был плуг с тремя лемехами с размахом крыльев в два с половиной фута.

Яггата: Как его предполагалось тянуть?

Гастин: С помощью роторного двигателя. Но у нас был только один блок питания, и мы не хотели рисковать из-за ротора.

Яггата: Что сказал ваш отец?

Гастин: Он сказал: «Что ж, давайте думать, как подсоединить эту скотину к вон той штуке...» И тут до него дошло. Как запрячь животное, которое все время перекачивается и двигается, меняя центр тяжести? Та еще проблемка.

Яггата: Я видел диаграммы. Они кажутся довольно очевидными. Ваш отец не сразу сообразил, как это сделать?

Гастин: Иногда очевидное становится на самом деле очевидным только после того, как кто-нибудь показал вам его, мистер. Не забывайте, папаня никогда раньше не видел ничего, даже отдаленно похожего на перекатыша. Тягловых животных он представлял себе исключительно как нечто с определенным количеством ног и телом, которое можно впрячь в какую-нибудь упряжь. Вроде сигета. Перекатыш был совсем не такой.

Яггата: Конечно, но...

Гастин: А то, к чему вы привыкли, может так крепко засесть у вас в голове, что вы не сумеете разглядеть ничего другого.

Яггата: Почему ваш отец просто не позвал соседа и не спросил, как запрячь перекатыша?

Гастин: Папаня был слишком гордый. Не хотел спрашивать и выставять себя дураком, но и сдаваться тоже не собирался. В течение недели на ферме такой бардак творился! Потом мы узнали, что старик Эффус и половина его клана смотрели на нас с холмов в бинокль и ржали. Даже ставки делали, что мы такое дальше придумаем.

Яггата: А что вы придумали *сначала*?

Гастин: Да простую петлю. Папаня сделал довольно большую петлю, чтобы пропустить через нее перекатыша. Поцелкал языком, подозвал животное, шлаг закрепил где-то сверху и спереди – в смысле, с дальней стороны от плуга. У перекатыша в общем-то нет переда. Затем он велел животному тянуть. Перекатыш подался вперед, как будто знал, что делает. Плуг сдвинулся фута на четыре, а потом ремень оказался под перекатышем. Папаня снова подозвал его, запряг и опять велел двигаться вперед. Попробовал так раза три и понял, что ничего вспахать не сумеет, если придется через каждые четыре фута впрягать его по новой.

Яггата: Ваши соседи за всем этим наблюдали?

Гастин: Да. На второй день весь округ был в курсе. Собралась куча народу, чтобы поглазеть, как мы его гоняем.

Яггата: Что он предпринял дальше?

Гастин: Упряжь, похожую на паутину с роликами. У нас на нее ушло три дня. Тем временем мы попробовали вертикальную упряжь, которая надевалась сверху и проходила под перекатышем. Мы смазали ту часть, которая соприкасалась с перекатышем, но этого хватило ненадолго. Как только смазка кончалась, упряжь начинала натирать. Наш перекатыш мог перетереть самые жесткие ремни за десять переворотов.

Яггата: Как работала упряжь в форме паутины?

Гастин: Идея сама по себе была неплохая – лучше, чем то, чем пользовались соседи. Если бы только он ее усовершенствовал...

Яггата: Чем пользовались ваши соседи?

Гастин: Что-то вроде загона на колесах с роликами впереди, которые взаимодействовали с перекатышем. Кольца упряжки были сзади. Они открывали загон, чтобы запустить туда перекатыша, подсоединяли оборудование, и перекатыш тащил всю упряжку.

Яггата: Интересно. А почему ваш отец не попытался тайно подсмотреть, как соседи используют своих перекатышей?

Гастин: Он пытался. Но все они знали, что он замышляет. Соседи просто никогда не пахали, когда папаня заходил к ним. Прямо комические танцы. Они приглашали его выпить рюмашку. Папаня упоминал пахотные работы. Просил посмотреть их оборудование, но там никогда не было ничего, хоть отдаленно напоминающего упряжь для перекатыша.

Яггата: А... что было не так с упряжью в форме паутины?

Гастин: Она оказалась недостаточно большой, чтобы натянуть ее спереди. И ролики все время ломались, потому что стропы были так себе.

Яггата: И как же в конце концов ваш отец решил эту проблему?

Гастин: Он успокоился и начал рассуждать здраво. Для начала поместил плуг в центр нашей территории. Потом разместил перекатыша вокруг плуга, сначала с одной стороны, потом с другой. И все получилось.

Яггата: Видимо, я тоже не сразу вижу очевидное, но мне только что пришла в голову вот такая мысль. Неужели ваш отец изобрел стандартный перекатыватель?

Гастин: Это была его идея.

Миссис Килкау: Дядя Гас! Ты никогда не говорил мне, что твой отец был изобретателем. Я и не знала...

Гастин: Да не был он изобретателем! Он был просто очень хорошим и практичным поселенцем. Что касается изобретения оригинального перекатывателя, это показалось бы очевид-

ным любому, кто задумался бы над этим. Что, по-твоему, Историческое общество Гомейсы пытается...

Миссис Килкау: Ты имеешь в виду этот старый пыльный хлам на складе номер два?

Гастин: Среди этого *старого пыльного хлама* – первый турбулизатор болотного крема¹⁵ твоей матери! А еще среди этого *старого пыльного хлама*, прямо в центре – первый перека-
тыватель!

Яггата: Хотите сказать, у вас есть оригинальный перекатыватель прямо здесь?

Гастин: Прямо на складе.

Яггата: Но ведь... эта штука бесценна! Не могли бы мы посмотреть на него?

Гастин: Почему бы нет?

Миссис Килкау: О, дядя Гас! Там так грязно и...

Гастин: Немного грязи никому не повредит, Бесси! Оооох! Колено, куда меня укусила
клыкоптица, всю неделю болит. Жаль, перекатышей уже не осталось. Ничто не разгоняет кровь
лучше, чем массаж перекатыша.

Яггата: Неужели вы сталкивались с клыкоптицами?

Гастин: А то! Пару раз приходилось.

Яггата: Не могли бы вы рассказать нам об этом?

Гастин: Попозже, сынок. Пошли посмотрим на перекатыватель.

(Редактор: В этом месте провод неправильно срачен и требует починки.)

Яггата: Мы находимся на складе номер два. В ящиках, которые вы видите на заднем
плане, хранится незаменимый для косметической промышленности болотный крем – главный
продукт фермы Гастин-Килкау.

Гастин: Вон там агрегат для добычи медного сырья, которое мы обнаружили в фумаро-
лах.

Яггата: А это, наверное, оригинальный перекатыватель, прикрепленный к плугу?

Гастин: Верно. Система довольно проста: четыре деревянных ролика, расположенных в
форме буквы V, одна пара над другой, и все это крепится прямо к задней части плуга.

Яггата: Какие большие ролики...

Гастин: У нас был большой перекатыш. Видите вот этот храповик?

Яггата: Да.

Гастин: Он регулировал высоту роликов и расстояние между парами, чтобы они соот-
ветствовали переднему изгибу нашего перекатыша. Перекатыш просто двигался против роли-
ков. Одна пара роликов поднималась высоко по переднему изгибу животного, а вторая опу-
скалась низко. Перекатыш как бы вклинивался между ними и толкал.

Яггата: А что это за колеса на плуге?

Гастин: Чтобы плуг шел ровно.

Яггата: И в самом деле, очень простой механизм.

Гастин: Очень! Мы надрессировали перекатыша так, что он сам мог им пользоваться!

Яггата: Что подумали об этом ваши соседи?

Гастин: Уж смеяться над папаней они точно перестали! Дней через сорок о старых заго-
нах все забыли. Сначала новые упряжки называли перекатывателями Гастина, но название
вскоре сократилось.

Миссис Килкау: Я и не знала! Подумать только! Прямо у нас на складе! Как же... Исто-
рическое общество...

Гастин: Эти пусть подождут, пока я не испущу дух! Мне нравится иногда приходить
сюда и просто трогать весь этот *старый пыльный хлам*. Полезно иногда вспомнить свои корни.

¹⁵ Турбулизатор болотного крема – грубый механизм, использовавшийся раньше для отделения сгустков, выделяемых *calorphyllum gomeisum*, обыкновенным болотным кустарником на Гомейсе III.

Миссис Килкау: Но, дядя Гас...

Гастин: А твои корни – это переселенцы-нищоброды, Бесси! Прекрасные люди! Если бы не они и не этот *старый пыльный хлам*, ты бы не каталась сейчас как сыр в масле!

Миссис Килкау: По-моему, с твоей стороны эгоистично держать эти *бесценные*...

Гастин: Конечно, эгоистично! Но это привилегия тех, кто хорошо потрудился и прожил достаточно долго, чтобы иногда оглядываться назад. Задумайся на секунду, девочка, что именно я обнаружил, какие чудеса болотный крем творит с цветом кожи. Я заслужил свое право быть эгоистом!

Миссис Килкау: Да, дядя Гас. Я слышала эту историю.

Яггата: Но мы ее не слышали, мистер Гастин. Не хотите ли...

Гастин: Да, хочу... но как-нибудь в другой раз, сынок. Сейчас я что-то подустал слегка, мне нужно передохнуть.

Яггата: Конечно, сэр! Может быть, назначим время...

Гастин: Я тебе позвоню, сынок. Не звони мне. Оооох! Чертова рана! Но я тебе вот что скажу, сынок: я передумал насчет этой твоей дребедени. Всем полезно иногда вспомнить свои корни. Если у тех, кто посмотрит твою запись, есть хоть какие-то мозги, они тоже вспомнят свои корни. Им полезно!

(Редактор: Запись обрывается здесь. В комментарии говорится, что Хильмот Гастин заболел на следующий день. Второе интервью отложено на неопределенный период.)

Сенатор Золам: Вам есть что еще предоставить сейчас, господин секретарь?

Секретарь Аблар: Я надеялся, что мой помощник секретаря по культурным вопросам будет здесь сегодня. К сожалению, его пригласили на межкультурный прием с представителями планет Кольца.

Агент саботажа Макки: Это сделал я, господин секретарь. У членов комитета сегодня мало времени.

Секретарь Аблар: Ясно.

Сенатор Золам: В отсутствие дальнейших дел Особый подкомитет по межгалактической культуре распущен до 16:00 завтрашнего дня.

Старый блуждающий дом

Всвою последнюю ночь на Земле Тед Грэхам вышел из телефонной будки со стеклянными стенами и нагнулся, избегая столкновения с мотыльком, который отчаянно бился о голую лампочку над будкой.

У Теда Грэхам была длинная шея и слегка вытянутая яйцеобразная голова, макушку которой покрывали песочного цвета волосы, рано начавшие редеть. Нечто в его худобе и напряженном виде намекало на его профессию: лицензированный государственный бухгалтер.

Он остановился за спиной у своей жены, которая изучала страницу с объявлениями в газете, и нахмурился.

– Сказали ждать здесь. Они за нами приедут. Говорят, что ночью самим трудно отыскать это место.

Марта Грэхам подняла глаза. Это была по-детски миловидная женщина с кукольным личиком и на предпоследнем месяце беременности. В желтом свете фонаря над будкой ее забранные в хвост темно-рыжие волосы выглядели не такими яркими.

– Я просто *должна* жить в доме, когда родится ребенок, – сказала она. – Какое у тебя впечатление от разговора с ними?

– Даже не знаю... Я слышал что-то странное – как будто они спорили на иностранном языке.

– Они говорили, как иностранцы?

– В некотором роде. – Он махнул рукой в сторону вереницы темных трейлеров, в одном из которых два окна горели янтарным светом. – Давай подождем внутри. Жуки здесь просто убийственные.

– Ты сказал им, какой трейлер наш?

– Сказал... Знаешь, мне почему-то показалось, что он их не очень интересует. И вообще странно, что они хотят обменять дом на трейлер.

– Ничего странного. Наверное, их просто одолела жажда странствий, как когда-то было с нами.

Казалось, он ее не слушал.

– Язык, на котором они спорили, очень странный. Как всплески шума.

В трейлере Тед Грэхам сел на зеленый диван, который при необходимости раскладывался в двуспальную кровать.

– Здесь не помешает хороший налоговый бухгалтер, – сказал он. – Когда я впервые увидел это место, то сразу об этом подумал. Кажется, в этой долине состоятельные жители. Странно, что никто раньше не открыл здесь офис.

Жена села в кресло с высокой спинкой возле стойки, разделявшей кухню и жилой отсек, и сложила руки на округлом животе.

– Я просто устала от того, что подо мной все время вертятся колеса, – сказала она. – Я хочу сидеть и до конца жизни смотреть на один и тот же вид из окна. Не знаю, почему трейлер вообще казался нам таким привлекательным, когда...

– Жажда странствий у нас была из-за наследства, – сказал он.

По гравии снаружи заскрипели шины.

Марта Грэхам выпрямилась.

– Может, это они?

– Что-то уж очень быстро. – Он подошел к двери, открыл ее и уставился на человека, который как раз занес руку, чтобы постучать.

– Вы мистер Грэхам? – спросил гость.

– Да. – Тед впился глазами в посетителя.

– Я Клинт Раш. Вы звонили по поводу дома?

Мужчина вышел на свет. Поначалу он показался Теду стариком с усталым, грубым лицом, изборожденным морщинами. Но когда посетитель повернулся к свету, морщины будто испарились, а вместе с ними и годы.

– Да, это мы звонили, – сказал Тед и отошел в сторону. – Хотите прямо сейчас осмотреть трейлер?

Марта Грэхам подошла к мужу.

– Он в очень хорошем состоянии, – сказала она. – Мы никогда не допускали серьезных поломок.

«Она слишком волнуется, – подумал Тед Грэхам. – Лучше бы оставила меня с ними одного».

– Мы можем приехать еще раз завтра и осмотреть трейлер при свете дня, – сказал Раш. – Моя машина здесь, если хотите осмотреть наш дом.

Тед Грэхам помедлил. Его не покидало смутное чувство тревоги, но он никак не мог понять, с чем именно оно связано.

– Может, нам лучше воспользоваться своей машиной? – спросил он. – Мы могли бы ехать следом за вами.

– В этом нет необходимости, – ответил Раш. – Все равно мы потом едем назад в город. Можем вас подвезти.

Тед Грэхам кивнул.

– Сейчас, только дверь запру.

В машине Раш пробормотал кое-какие указания. Его жена, сидевшая на пассажирском сиденье, напоминала тень. Гладко зачесанные волосы были уложены сзади в простой пучок. У нее были цыганские черты лица. Он называл ее Рэйми.

«Странное имя», – подумал Грэхам. Ему показалось, что ее возраст тоже как будто тает на свету.

Миссис Раш повернула свое цыганское лицо к Марте Грэхам.

– У вас будет ребенок?

Это прозвучало не как вопрос, а как бесстрастное утверждение.

Машина резко рванула вперед.

– Он должен родиться через два месяца, – сказала Марта Грэхам. – Мы надеемся, это будет мальчик.

Миссис Раш посмотрела на мужа.

– Я передумала, – сказала она.

– Это слишком... – начал Раш, не отводя глаз от дороги. Он запнулся, потом заговорил на странном, напоминающем мешанину звуков языке.

Тед Грэхам узнал язык, который слышал по телефону. Миссис Раш отвечала на том же языке, и в ее напряженном голосе слышались гневные нотки. Муж говорил спокойнее.

Наконец миссис Раш угрюмо замолчала.

Раш откинул голову назад.

– Иногда моей жене не хочется расставаться со старым домом, – пояснил он. – Она прожила в нем много лет.

– А-а, – протянул Тед Грэхам. Потом спросил: – Вы испанцы?

Раш колебался.

– Нет. Мы баски.

Машина выехала на хорошо освещенный проспект, который вливался в шоссе. Они свернули в переулок. Затем повернули еще несколько раз – налево, направо, направо. Тед Грэхам окончательно перестал ориентироваться.

Машина наехала на длинный ухаб, отчего Марта резко вздохнула.

– Надеюсь, вас это не очень потревожило, – сказал Раш. – Мы уже почти приехали.

Автомобиль свернул на многополосную дорогу. Свет фар то и дело озарял похожие на скелеты силуэты деревьев, и до чего же странными были эти деревья: высокие, мрачные, голые. От их вида Теду Грэхаму окончательно стало не по себе.

Дорога пошла под откос до низкой стены дома из красного кирпича с ленточными окнами под нависающими карнизами. Стена и широкая дверь, видневшаяся слева, выглядели ультра-современными.

Тед Грэхам помог жене выйти из машины, и они последовали за Рашами к двери.

– Вы, кажется, говорили, что у вас старый дом, – заметил Тэд.

– Его дизайн был разработан одним из первых модернистов, – ответил Раш, разбираясь со странным изогнутым ключом. Широкая дверь открылась в не менее широкий холл с ворсистым ковром на полу. В конце холла виднелись высокие окна, за которыми сияли огни города.

Войдя в холл, Марта Грэхам раскрыла рот, словно погрузилась в транс. Шедший следом за ней Тед Грэхам услышал, как за ними закрылась дверь.

– Он такой... такой... такой *большой*, – воскликнула Марта Грэхам.

– И вы хотите обменять это на наш трейлер? – с недоверием спросил Тед Грэхам.

– Нам тут слишком неудобно, – ответил Раш. – Я работаю по ту сторону гор на побережье. – Он пожал плечами. – А продать его мы не можем.

Тед Грэхам с подозрением посмотрел на него.

– Разве здесь нет состоятельных людей? – Он вдруг представил себя бухгалтером без клиентов.

– Здесь полно состоятельных людей, но нет никого, кто интересовался бы недвижимостью.

Они вошли в гостиную. Вдоль стен стояли секционные диваны. По углам мерцали неяркие лампы. На стенах друг против друга висели две картины, изображавшие продолговатые сочетания странных линий и изгибов, от вида которых Тед Грэхам почувствовал легкое головокружение.

В сознании будто завыла сигнализация.

Марта Грэхам подошла к окну и посмотрела на огни далеко внизу.

– Я и не думала, что мы поднялись так высоко, – удивленно сказала она. – Это похоже на волшебный город.

Миссис Раш издала короткий нервный смешок.

Осматривая комнату, Тед Грэхам подумал: «Если весь дом выглядит вот так, он стоит тысяч пятьдесят-шестьдесят. – Он вспомнил их собственный трейлер. – Хороший, но больше семи тысяч за него не дашь».

Беспокойство горело у него в сознании, словно неоновый знак.

– Все это кажется таким... – Он покачал головой.

– Не хотите осмотреть остальную часть дома? – предложил Раш.

Марта Грэхам отвернулась от окна.

– О да.

Тед Грэхам пожал плечами. «Вреда не будет», – решил он.

Когда они вернулись в гостиную, Тед Грэхам удвоил ранее рассчитанную им стоимость дома. Он был потрясен увиденным: солярий с множеством солнечных ламп на потолке, автоматическая прачечная – достаточно бросить грязную одежду в люк, и она доставляется с другого конца выстиранной и отглаженной...

– Возможно, вам с женой хотелось бы обсудить это наедине, – сказал Раш. – Мы вас ненадолго покинем.

И они ушли, прежде чем Тед Грэхам успел возразить.

– Тед, – сказала Марта Грэхам, – о таком я никогда в жизни даже мечтать не смела...

– Дорогая, здесь что-то не так...

– Но, Тед...

– Этот дом стоит не меньше ста тысяч долларов. А может, и больше. А они хотят обменять *это*, – он обвел комнату взглядом, – на трейлер стоимостью семь тысяч?

– Тед, они иностранцы. И если они настолько глупы, что не осознают цену этого дома, почему мы должны...

– Мне это не нравится, – сказал он и снова осмотрелся, вспоминая потрясающее оборудование дома. – Но, возможно, ты и права.

Он посмотрел на огни города за окнами. Они напоминали кружево: высокие дома, соединенные полосами мерцающих огоньков. Где-то вдалеке в небо устремилось нечто, похожее на римскую свечу.

– Хорошо! – сказал Тед. – Если они хотят меняться, пойдем заключим сделку...

Внезапно дом содрогнулся. Городские огни погасли. Раздалось какое-то гудение.

Марта Грэхам схватила мужа за руку.

– Тед! Что... что это было?

– Не знаю. – Он повернулся. – Мистер Раш!

Никакого ответа. Только гудение.

В другом конце комнаты открылась дверь. Из нее выступил незнакомый человек. Одет он был в короткое, похожее на тогу одеяние из блестящей серой ткани, подпоясанное каким-то светящимся материалом, который переливался всеми цветами спектра. От человека исходила аура холода и власти, вызывавшая ощущение непререкаемого превосходства.

Он окинул взглядом комнату и заговорил на том же языке, на котором говорили Раши.

– Мистер, я вас не понимаю, – сказал Тед Грэхам.

Человек положил руку на мерцающий пояс. Тед и Марта почувствовали, что не могут сдвинуться с места. Каждый нерв в их телах был натянут, словно струна.

Незнакомец снова заговорил на странном языке, но теперь они его понимали.

– Кто вы? – спросил он.

– Меня зовут Грэхам. Это моя жена. Что происходит?..

– Как вы сюда попали?

– Раши... они хотели обменять этот дом на наш трейлер. Они нас сюда привезли. Послушайте, мы...

– Какой у вас талант... профессия?

– Налоговый бухгалтер. Послушайте! С чего все эти...

– Этого следовало ожидать, – сказал незнакомец. – Хитро! Ох, как хитро! – Он снова поднес руку к поясу. – А теперь помолчите. Это может вас на секунду выбить из колеи.

Сознание обоих Грэхамов заполнили разноцветные огни. Они пошатнулись.

– У вас есть нужная квалификация, – сказал незнакомец. – Вы нам подходите.

– Где мы? – шепотом спросила Марта Грэхам.

– Координаты вам ничего не скажут, – сказал он. – Я представляю Рожак. Вам достаточно знать, что вы под покровительством Рожак.

– Но... – пролепетал Тед Грэхам.

– В некотором роде вас похитили. Рэйми сбежали на вашу планету – незарегистрированную планету.

– Мне страшно, – дрожа, пробормотала Марта.

– Вам нечего бояться, – сказал человек. – Вы уже не на той планете, где родились... даже не в той Галактике. – Он бросил взгляд на запястье Теда. – Это устройство у вас на руке... оно показывает ваше местное время?

– Да.

– Это поможет в поисках. А ваше Солнце – можете описать его термоядерный синтез?

Тед Грэхам порылся в памяти, пытаясь припомнить уроки в школе и факультативные занятия по воскресеньям.

– Я помню, что наша Галактика имеет форму спирали, как...

– Большинство галактик имеют форму спирали.

– Это что, какой-то розыгрыш? – спросил Тед Грэхам.

Незнакомец улыбнулся холодной улыбкой, в которой светилось превосходство.

– Это не розыгрыш. Сейчас я сделаю вам предложение.

Тед недоверчиво кивнул.

– Что ж, послушаем.

– Люди, которые привели вас сюда, были сборщиками налогов. Мы, Рожак, наняли их на одной из планет, находящихся в нашем подчинении. Согласно оговоренным условиям, они не могли покинуть ее. К сожалению, они оказались достаточно умны, чтобы понять, что если найдут кого-то, кто сможет выполнять их работу, то освободятся от своих мысленных уз. Очень хитро!

– Но...

– Вы можете выполнять их работу, – сказал мужчина. – В обычной ситуации вас поставили бы работать с низшими эшелонами, но мы верим в справедливость там, где это возможно. Вне всякого сомнения, Рэйми наткнулись на вашу планету случайно и заманили вас сюда без...

– Откуда вы знаете, что я смогу выполнять эту вашу работу?

– То сияние было тестом на профессиональную пригодность. Вы прошли. Ну что, вы согласны?

– А как же наш ребенок? – обеспокоенно спросила Марта Грэхам.

– Вам будет дозволено держать его при себе, пока он не достигнет возраста принятия решений – примерно столько, сколько ребенку требуется, чтобы выглядеть, как взрослый.

– А потом? – настаивала Марта Грэхам.

– Ребенок займет свое место в обществе – в зависимости от его способностей.

– Мы сможем видеться с ним после этого?

– Возможно.

Тед Грэхам спросил:

– В чем подвох?

Снова эта холодная, высокомерная улыбка.

– Вы будете работать на тех же условиях, что и Рэйми. И мы должны будем исследовать ваши воспоминания, это поможет нам найти вашу планету. Хорошо бы отыскать новый обитаемый мир.

– Почему они заманили нас в эту ловушку? – спросила Марта Грэхам.

– Работать приходится в изоляции, – объяснил незнакомец. – Ваш дом на самом деле космическое судно, которое путешествует по маршруту сборов, а путешествовать приходится много. Кроме того... у вас не будет друзей и времени на что-либо, кроме работы. Иногда наши методы суровы, но это необходимо.

– *Путешествовать?* – в отчаянии повторила Марта Грэхам.

– Почти постоянно.

Тед Грэхам ощутил, как мысли роятся у него в голове. За спиной всхлипывала жена.

Рэйми сидели в трейлере, ранее принадлежавшем Грэхамам.

– В какой-то миг я испугалась, что он не согласится, – сказала она. – Я знала, что тебе не удастся превозмочь ментальное кондиционирование в достаточной степени, чтобы оставить их там без их согласия.

Рэйми усмехнулся.

– Да. А теперь я буду заниматься всем тем, чего Рожак никогда не позволял. Буду сочинять баллады и стихи.

– А я – рисовать, – сказала она. – О, как же прекрасна свобода!

– Все благодаря жадности, – заметил он. – Не зря мы так долго изучали Грэхамов. Они не могли отказаться от обмена.

– Я была уверена, что они согласятся. Поняла это по их глазам, когда они увидели дом! Они оба выглядели... – Она запнулась. В глазах у нее появилось выражение ужаса. – Один из них не дал согласия!

– Оба дали. Ты же слышала...

– А ребенок?

Он уставился на жену.

– Но... он не достиг возраста принятия решений!

– Примерно через восемнадцать лет по отсчету этой планеты он *достигнет* возраста принятия решений. И что тогда?

Его плечи поникли. Он содрогнулся.

– Я не смогу сопротивляться. Мне придется построить передатчик, связаться с Рожак и во всем признаться!

– И они приберут к рукам очередную обитаемую планету, – упавшим голосом произнесла она.

– Я все испортил, – воскликнул он. – Я все испортил!

Ты пойдешь высокой дорогой

Сцепив руки за спиной и так сжав кулаки, что побелели костяшки пальцев, Льюис Орн мрачно смотрел из окна второго этажа на утро, наступившее на планете Гамаль II. В безоблачном небе ярко сияло большое желтое солнце, уже взошедшее над далекими горами. День обещал быть жарким.

У себя за спиной Орн слышал поскрипывание ручки, быстро скользящей по бумаге, – это сотрудник Службы Расследования и Урегулирования писал комментарии к только что проведенной беседе.

«Может, я и зря нажал на сигнальную кнопку, – думал Орн, – что, впрочем, не дает этому умнику права издеваться надо мной! В конце концов, это мое первое задание. Нельзя же ожидать совершенства с первого раза!»

Скрип ручки начал действовать Орну на нервы.

На квадратном лбу обозначились глубокие складки. Орн положил левую руку на грубую деревянную раму окна, а правой провел по жесткой щетине коротко стриженных рыжих волос. Свободный покрой его белого форменного комбинезона – стандартной одежды агентов Службы Исследования и Обучения – подчеркивал коренастое телосложение Орна. Такие мощные мускулы практически без единого грамма жира обычно имели люди, выросшие на планете с повышенной силой тяжести – в данном случае Каргон из системы Гемма. Лицом он походил на бульдога, что эффективно скрывало мягкость его натуры.

Однако в данный момент Орн чувствовал не свойственное ему ожесточение.

«Если я не прав, меня вышибут со службы, – думал он. – У И – О и Службы Расследования и Урегулирования вечно какие-то трения. Но если подтвердятся мои подозрения по поводу этого места, уж я заставлю их попрыгать! – Орн покачал головой. – Впрочем, не исключено, что я ошибаюсь».

Чем больше он об этом думал, тем больше сожалел о том, что вызвал И – О. Вряд ли планета Гамаль II агрессивна по своей природе. Скорее всего, здесь нет людей, потенциально готовых развязать войну, так что снабжать их оружием не опасно.

В другом конце здания кто-то, топая, поднимался вверх по лестнице. Под ногами у Орна задрожал пол. Правительственная гостиница располагалась в старом здании, построенном из грубо обработанного дерева. В помещении витал застарелый кисловатый запах, оставленный многочисленными постояльцами, в разное время проживавшими в отеле.

Из окна второго этажа Орн видел часть вымощенной брусчаткой рыночной площади деревни Питцибен. За ней расстиралось широкое полотно горной дороги, поднимавшейся с равнин Рогга. Вдоль дороги в два ряда тянулись вереницы крестьян и охотников, возвращавшихся на рынок в Питцибен. Над дорогой клубилась янтарная пыль, смягчавшая все вокруг и придававшая предметам слегка расплывчатый, романтический вид.

Фермеры, покачиваясь и тяжело переступая, толкали перед собой низкие двухколесные телеги. Все как один были одеты в длиннополые зеленые плащи, желтые береты, сдвинутые на бок над левым ухом, желтые брюки с потемневшими от дорожной пыли отворотами, и открытые сандалии, обнажавшие загрубевшие ступни, похожие на копыта тягловых животных. На телегах громоздились кучи зеленых и желтых овощей, будто бы специально подобранных в тон к одежде, чтобы не нарушать цветовую гамму.

Рядом, словно стража, шли охотники, одетые во все коричневое. Они держали головы высоко поднятыми, и перья на их шляпах весело подпрыгивали. Каждый нес лихо закинутое на плечо ружье с широким раструбом, на другом плече висела подозрительная труба в кожаном футляре. За охотниками следовали их подручные, тащившие трехколесные телеги с тушами

болотных оленей, уток и *порхо* — длиннохвостых грызунов, которых уроженцы Гамалия считали деликатесом.

Внизу, в далекой долине, высился темно-красный шпиль корабля Службы Р – У, который приземлился сразу после рассвета, следуя сигналу, отправленному передатчиком Орна. Корабль тоже был окутан чарующей дымкой – из кухонных очагов на фермах, которыми была усеяна долина, вился синеватый дымок. Красное судно, словно исполин, возвышалось над домами и смотрелось крайне неуместно на фоне маленьких домишек – будто украшение, забытое после праздника для великанов.

На глазах у Орна один из охотников остановился, отстегнул подзорную трубу и принялся разглядывать корабль Р – У.

Дымок и горячее желтое солнце создавали идиллическую картину цветущей сельской местности. Все выглядело настолько мирно – подозрительно мирно! – что Орна охватило чувство глубокой досады.

«Черт возьми! Не важно, что говорят люди из Р – У! Все-таки не зря я их вызвал! Люди Гамалия явно что-то скрывают. Не такие уж они и мирные! Кто на самом деле совершил ошибку, так это тупица, который установил Первый Контакт и все время болтал о важности мирной истории!»

* * *

Скрип ручки стих, и агент Р – У кашлянул.

Орн повернулся, посмотрел на оперативника. Агент Р – У сидел за грубо сколоченным столом возле незастеленной кровати Орна. По всему столу были разбросаны бумаги и отчеты. На одной из кип в качестве пресс-папье лежал небольшой диктофон. Агент Р – У сгорбился на громоздком деревянном стуле. Это был тощий, длинный тип с большой головой, грубыми, крупными чертами лица и темными, редкими волосами. Полуопущенные веки придавали его лицу надменный и высокомерный вид, свойственный большинству работников Р – У. На нем был синий камуфляжный костюм с заплатами и без погон. Орну он представился как Умбо Стетсон, старший оперативник Р – У в этом секторе.

Заметив, что Орн смотрит на него, Стетсон сказал:

– Полагаю, у меня все. Давайте-ка проверим еще раз. Вы прибыли сюда десять недель назад, верно?

– Да. Меня доставил сюда челнок с транспортника Службы И – О, «Арнеб Редискавери».

– И это было ваше первое задание?

– Да. Я закончил Уни-Галакта с выпуском '07, стажировку проходил на Тимурлане.

Стетсон нахмурился.

– А потом вы прибыли прямо сюда, на заново открытую планету на задворках Вселенной?

– Правильно.

– Ясно. Вы были прямо-таки одержимы старым миссионерским духом, готовы просветить ближнего и все такое.

Орн покраснел и нахмурился.

– Вижу, в старом добром Уни-Галакта все еще преподают эту чушь на тему «культурного возрождения», – продолжал Стетсон. Положив руку на грудь, он с пафосом произнес: – Мы должны снова объединить потерянные планеты с центрами культуры и промышленности и возобновить великий марш человеческого прогресса, так жестоко прерванный Окраинными войнами!

После чего сплюнул на пол.

– Думаю, это мы можем пропустить, – пробормотал Орн.

Стетсон усмехнулся.

- Вы соверше-е-енно правы! Итак... что вы привезли сюда с собой?
- У меня был словарь, составленный человеком, установившим Первый Контакт, но он весьма бегло описывал...
- Кстати, кто установил Первый Контакт?
- Я с ним незнаком, но в словаре указано его имя – Андре Буллон.
- А... уж не родственник ли это Ипскотта Буллона, верховного комиссара?
- Не знаю.
- Стетсон что-то записал в одной из бумаг.
- И в этом отчете говорится, что это мирная планета с примитивной экономикой, основанной на фермерстве и охоте, да?
- Да.
- Ага. Что еще вы привезли?
- Бланки и формы для отчетов, как обычно, и передатчик.
- И два дня назад вы нажали на кнопку сигнала тревоги на этом передатчике, так? Мы достаточно быстро прилетели, как вам кажется?
- Орн сердито уставился в пол.
- Полагаю, у вас, как у всех них, фотографическая память, забитая культурной, медицинской и промышленной информацией.
- Я квалифицированный агент И – О.
- Устроим минуту молчания в знак глубокого уважения, – сказал Стетсон и вдруг стукнул кулаком по столу. – Это просто тупость, черт возьми! Чистой воды политические игры!
- Охваченный гневом, Орн выпрямился.
- Что вы имеете в виду?
- Уловки Службы И – О, сынок. Все это делается для того, чтобы привлечь внимание... Все ради политики. Помяни мое слово: мы заново *откроем* слишком много планет, обеспечим этих людей промышленной базой, которой они не заслуживают, – а потом начнется такая Окраинная война, что все прошлые по сравнению с ней покажутся детскими играми!
- Орн сделал шаг вперед.
- Зачем я, по-вашему, черт возьми, нажал на кнопку сигнала тревоги?
- Стетсон откинулся на спинку стула.
- Дружище, именно это мы и пытаемся выяснить. – Он постучал ручкой по передним зубам. – Итак... зачем вы на самом деле нас вызвали?
- Я уже *сказал* вам: точно не знаю! Просто... – Он пожал плечами.
- Вам стало одиноко, и вы захотели, чтобы Р – У подержали вас за руку. Так?
- Ох, идите к черту! – рявкнул Орн.
- Всему свое время, сынок. Всему свое время. – Полуопущенные веки Стетсона опустились еще ниже. – Так... что вас, дурачков из И – О, сейчас учат искать в первую очередь?
- Орн проглотил вертевшийся на языке гневный ответ.
- В смысле... из признаков войны?
- Чего же еще?
- Мы должны искать фортификации, отслеживать военные игры среди детей, тренировки или другие признаки групповых занятий, похожих на армейские, военные шрамы и раны на людях и следы повреждений на зданиях, признаки всеобщего уничтожения... ну, вы понимаете.
- Очевидные улики, – сказал Стетсон. – И вы считаете полученные данные адекватными?
- Нет, не считаю!
- Вы соверше-е-енно правы, – протянул Стетсон. – Гм-м-м... Копнем поглубже: что вас настораживает в этих людях?
- Орн вздохнул.

– У них нет духа, нет искры. И напрочь отсутствует чувство юмора. Здесь все такие серьезные, если не сказать мрачные.

– Да ну?

– Да. Я... Я... э... – Орн облизнул губы кончиком языка. – Я... э... как-то в шутку сказал Совету лидеров, что наши люди очень заинтересованы в надежном поставщике костей *фрулапов* для изготовления фарфоровых блюд для левшей.

Стетсон рывком подался вперед.

– Что?

– Я... э... сказал...

– Да! Это я понял. Что произошло дальше?

– Они на полном серьезе попросили подробное описание *фрулапа* и приемлемого метода подготовки костей для перевозки.

– И что вы им сказали?

– Ну, я... Ну, они, опираясь на мое описание, пришли к выводу, что на Гамале *фрулапы* не водятся.

– Ясно, – сказал Стетсон.

– Вот что с этим местом не так: здесь нет *фрулапов*.

Стетсон глубоко вдохнул и снова откинулся на спинку стула. Потом, постучав ручкой по столу, устался в никуда.

* * *

«Ну, теперь мне конец, – подумал Орн. – Почему я не могу держать язык за зубами? Похоже, я только что убедил его, что я псих!»

– Как они воспринимают переобучение? – спросил Стетсон.

– О, их очень интересует промышленная сфера. Поэтому я здесь, в деревне Питцибен. Мы обнаружили неподалеку залежи вольфрама и...

– А что медики? – спросил Стетсон. – Нервничают?

– Наверное, – сказал Орн. – Но вы же знаете медиков – они всегда считают, что уже все знают. Впрочем, я продвигаюсь.

– Каков у них уровень медицины?

– Они хорошо знают основы анатомии... хирургию, кости. И все такое.

– Как вам кажется, почему они настолько отстают? – спросил Стетсон.

– Согласно их истории, планету случайно заселили шестнадцать выживших – одиннадцать женщин и пятеро мужчин – с тритшейнского крейсера, пострадавшего в каком-то сражении в начале Окраинных войн. Они спустились сюда на челноке, не имея при себе особого снаряжения и знаний. Насколько я понимаю, спастись удалось в основном рабочим из машинного отделения.

– И они просто сидели здесь до появления И – О, – сказал Стетсон. – Чудесно. Просто чудесно.

– Это было пятьсот стандартных лет назад, – пояснил Орн.

– И эти добрые люди по-прежнему занимаются фермерским хозяйством и охотой, – пробормотал Стетсон. – Ох, замечательно! – Он посмотрел на Орна. – Сколько времени планете, подобной этой, требуется, чтобы превратиться в явную военную угрозу – при наличии необходимой агрессивности?

– Ну... – пробормотал Орн. – В этой системе есть две необитаемые планеты, откуда они могли бы получать сырье. О, я бы сказал, двадцать – двадцать пять лет после того, как на их собственной планете разовьется необходимая промышленная база.

– А сколько времени потребуется агрессивному ядру, чтобы понять, как уйти под землю... если это необходимо... так что нам придется разнести планету на куски, чтобы до них добраться?

– От шести месяцев до года.

– Вы начинаете понимать, какую милую проблемку вы, дурачки из И – О, создаете для нас! – Стетсон вдруг обвиняюще указал на Орна. – Всего лишь одна ошибка! Давайте объявим планету агрессивной, введем оккупационные войска, а ваши шпионы тем временем узнают, что мы допустили ошибку! – Он сжал руку в кулак. – *Ага!*

– Они уже начали строить фабрики для производства машинных инструментов, – сказал Орн. – Они довольно быстро учатся. – Он пожал плечами. – Впитывают все, как какая-нибудь... мрачная губка.

– Очень поэтичное сравнение, – прошипел Стетсон. Поднявшись со стула, он прошел на середину комнаты. – Что ж, давайте взглянем поближе. Но я вас предупреждаю, Орн: лучше бы вы не зря нам позвонили. У Р – У есть дела поважнее, чем нянчиться с И – О!

– А вам лишь бы как-нибудь нас подставить! – огрызнулся Орн.

– Вы соверше-е-енно правы, сынок.

– Ладно! Будем считать, что я ошибся!

– Посмотрим. Идем. Внизу меня ждет вездеход.

«Теперь уже ничего не поделаешь, – подумал Орн. – Этот козел не станет внимательно присматриваться, ведь куда проще просто сидеть и насмехаться над И – О! Мне конец, а ведь я еще толком и не начал работу!»

Они вышли на мощенную брусчаткой площадь. В раскаленном воздухе чувствовалось приближение жары. С флагштока на крыше гостиницы уныло свисал желто-зеленый флаг. Темп работ заметно снизился. Кучки флегматичных уроженцев Гамалы стояли возле прикрытых навесами лотков с овощами и угрюмо таращились на транспортное средство Р – У.

Вездеход был белым, с двумя сиденьями и панорамным окном. Сзади располагался турбинный двигатель.

Орн и Стетсон сели и пристегнулись.

– Вот что я имел в виду, – сказал Орн.

Стетсон завел мотор, нажал на педаль сцепления. Вездеход пару раз подпрыгнул на брусчатке, а потом включилась гидропружинная система.

– В каком смысле? – не понял Стетсон. – Что вы имели в виду?

– Посмотрите на этих тупиц на противоположной стороне улицы. В любом другом месте во Вселенной они бы уже окружили эту тачку, залезли бы в вентиляционные отверстия турбины, покопались бы под колесами. А эти кретины просто стоят на расстоянии и мрачно смотрят!

– Нет *фрулатов*, – сказал Стетсон.

– Именно!

– А что в этом такого? – спросил Стетсон. – Стеснительные люди...

– Забудьте! Зря я вообще затронул эту тему.

– Судя по вашим отчетам, на Гамале нет окруженных стенами населенных пунктов, – сказал Стетсон, замедлив ход, чтобы протиснуться между двумя телегами.

– Я не видел.

– И не бывает военных учений с большим количеством народа?

– Я не видел.

– Тяжелого вооружения тоже нет?

– Я не видел.

– Да что вы заладили одно и то же! – возмутился Стетсон. – Вы подозреваете, что они что-то скрывают?

- Подозреваю.
- Почему?
- Потому что на этой планете что-то не так. А когда что-то не так, всегда имеются недостающие фрагменты.
- Стетсон отвел взгляд от улицы, покосился на Орна и снова уставился на улицу.
- Значит, вы что-то подозреваете.
- Орн ухватился за ручку двери, когда вездеход резко свернул за угол и выехал на широкую дорогу.
- Я так и говорил с самого начала.
- Мы всегда с превеликим удовольствием расследуем дела, с которыми связаны малейшие подозрения агентов И – О, – сказал Стетсон.
- Лучше пускай ошибусь я, чем вы, – прорычал Орн.
- Заметьте, они строят в основном из дерева, – сказал Стетсон. – Постройки из дерева – признак мирной цивилизации.
- Разве миролюбивость зависит не от того, каким оружием они пользуются? – спросил Орн.
- Этому вас учат в старом добром Уни-Галакта?
- Нет. Это мое личное наблюдение. Если у них имеется артиллерия и мобильная кавалерия, то форты бесполезны.
- И как они создадут кавалерию? На Гамале нет ездовых животных. По крайней мере, согласно вашим отчетам.
- Ну, я ни одного не видел... пока!
- Хорошо, – сказал Стетсон. – Проявлю благоразумие. Вы говорили об оружии. Какое оружие они используют? Я не видел ничего опаснее ружей для отстрела дичи, которые несли их охотники.
- Если бы у них были пушки, это многое бы объяснило, – пробормотал Орн.
- Например, отсутствие фортов?
- Черт возьми, вы правы!
- Интересная теория. Кстати, как они делают эти ружья?
- Их изготавливают умелые оружейники... своего рода гильдия.
- Своего рода гильдия. Надо же! – Стетсон резко затормозил на пустынном участке дороги. – Тот, кто установил Первый Контакт, не видел никаких признаков наличия пушек?
- Вы же знаете, что нет.
- Стетсон кивнул.
- Гм-м-м.
- Но это могла быть случайность, – сказал Орн. – Больше всего мне не нравится, что этот кретин с ходу разболтал местным, как для нас важно, чтобы заново открытая планета выглядела мирной.
- Вы совершенно-е-енно правы. В данном случае, – сказал Стетсон и вылез из вездехода. – Идите сюда и помогите мне.
- Орн выскользнул с другой стороны.
- Зачем мы здесь остановились?
- Стетсон всучил ему конец рулетки.
- Подержите ее у того края дороги, хорошо?
- Дорога оказалась около семи метров шириной. Стетсон записал цифру в блокнот, пробормотал что-то насчет «линии регрессии».
- Вернувшись в коляску, они поехали дальше.
- Чем важна ширина дороги? – спросил Орн.

– У Р – У имеется прибыльный бизнес на стороне, – пояснил Стетсон. – Продаем омнибусы. Я просто хотел проверить, пройдет ли нынешняя модель по этой дороге.

«Шутник!» – подумал Орн, а вслух сказал:

– Полагаю, Р – У все сложнее становится находить оправдание своему бюджету!

Стетсон рассмеялся.

– Вы соверше-е-енно правы! Скоро мы запустим в производство успокоительное для агентов И – О.

– Ха!

Орн откинулся в угол кабины. Его одолевали мрачные мысли. «Мне конец! Этот умник не найдет ничего, кроме того, что нашел я сам. У меня не было причин вызывать Р – У, вот только все здесь кажется каким-то странным!»

Дорога резко пошла вниз и вправо, сквозь заросли низкорослых деревьев.

– Наконец съезжаем с главной дороги, – сказал Стетсон.

– Если бы мы ехали прямо, то уперлись бы в болото, – пояснил Орн.

– Да ну?

Они выехали в широкую долину, окруженную лесной полосой. За деревьями в неподвижном воздухе курился дым.

– Что это за дым? – спросил Стетсон.

– Из домов.

– Вы проверяли?

– Да, проверял!

– Какой вы обидчивый, однако.

Дорога спустилась к реке. Они проехали по примитивному деревянному мосту. На противоположном берегу Стетсон притормозил, разглядывая выющуюся вдоль реки узкую двойную колею, оставленную колесами телеги.

Они двинулись дальше, в сторону другого хребта.

– Давайте еще раз обсудим их правительство, – задумчиво произнес агент Р – У.

Орну пришлось повысить голос, чтобы перекрычать визг турбины, когда они начали подниматься в горы.

– Что вы имеете в виду?

– Вопросы наследования.

– Я уже говорил, что членство в Совете, судя по всему, передается старшему сыну.

– Судя по всему? – Стетсон направил коляску вверх и выехал на дорогу, которая шла вниз с гребня холма.

– Ну, они говорили какую-то чушь про процедуру выборов в случае смерти старшего сына.

– Ясно. А в какие игры играют эти люди?

– Я видел только одну: в нее играет шестнадцать человек в командах по четыре человека. Они используют квадратное поле площадью метров в пятьдесят с ровными диагональными канавами, которые тянутся от одного угла к другому. Четыре человека встают в каждом углу и по очереди играют.

– И что они делают? Ползут навстречу друг другу по канавам?

– Очень смешно! Они используют два тяжелых мяча с отверстиями для пальцев. Один мяч зеленый, другой – желтый. Сначала в игру вступает желтый мяч: его катят по канаве. Зеленый необходимо бросить так, чтобы он врезался в желтый мяч на пересечении.

– И зрители кричат: «Ура!» – сказал Стетсон.

– Зрителей нет, – ответил Орн.

– В любом случае, игра кажется мирной, – заметил Стетсон. – У них хорошо получается в нее играть?

– На мой взгляд, они ужасно неуклюжие. Но им, кажется, это нравится. Если подумать, эта игра – единственное, что явно доставляет им удовольствие.

– Вы как отчаявшийся миссионер, – сказал Стетсон. – Люди не умеют развлекаться – вы хотите встрять и организовать игры!

– Военные игры, – сказал Орн. – Вам когда-нибудь приходило такое в голову?

– А? – Стетсон на мгновение отвлекся от дороги. Они съехали на обочину. Он резко переключил внимание обратно на вождение.

– Представьте себе хитрого агента И – О, который объявит себя императором этой планеты, – сказал Орн. – Он мог бы положить начало собственной династии. А вы узнаете об этом только тогда, когда полетят бомбы!

– Худший кошмар Р – У, – сказал Стетсон и замолчал.

* * *

Солнце поднималось все выше.

Дорога спустилась в низину, косо подошла к очередному хребту, повернула налево вдоль пиков. Вдалеке в горах виднелось еще одно поселение. Подъехав ближе, они разглядели желто-зеленый флаг на крыше административного здания. Стетсон затормозил, открыл окно и заглушил мотор. Вой турбины медленно стих. При открытом окне отключился кондиционер, в кабине стало нестерпимо жарко.

По телу Орна градом катился пот, на пластиковом сиденье под ним образовалась лужица.

– Что мы здесь делаем? – спросил Орн.

– Ждем.

– Чего конкретно мы ждем?

– Чего-нибудь, – ответил Стетсон. – Как местные относятся к миру?

– О, они считают, что это замечательно! Мирная деятельность И – О приводит членов Совета в восторг.

– А теперь скажите мне наконец, почему вы нажали на кнопку сигнала тревоги! – потребовал Стетсон.

Орн беззвучно пошевелил губами, затем выпалил:

– Я уже сказал: не знаю!

– Я хочу знать, что вас на это подвигло, – сказал Стетсон. – Что оказалось соломинкой, сломавшей ракету?

Орн сглотнул скопившуюся во рту слюну и тихо проговорил:

– Они устроили банкет...

– Кто устроил банкет?

– Совет. Они устроили банкет в мою честь. И... э...

– И подали *фрилапа*, – сказал Стетсон.

– Вы будете слушать или нет?

– Мальчик мой, я сгораю от нетерпения.

– Вы соверше-е-енно правы, – передразнил Орн. – В общем... мне подали похлебку из хвостов порхо, которая...

– Порхо?

– Это такой грызун, который здесь считается деликатесом. Особенно его хвосты. Короче, вот что они сделали... Перед тем как принести похлебку и подать ее на стол, повар связал живого порхо какой-то веревкой, которая быстро растворилась в горячей жидкости. Животное выскочило из горшка и бросилось на меня.

– И?

– Минут пять они хохотали.

– То есть они вас разыграли, и вы рассердились? Помнится, вы говорили, что у них нет чувства юмора?

– Послушайте, умник! Вас не настораживают люди, которые шутки ради способны засушить живое существо в кипящую жидкость?!

– Мрачноватый юмор, – согласился Стетсон. – Но все-таки это розыгрыш. И вы поэтому вызвали Р – У?

– Отчасти!

– А еще потому, что вас терзают жуткие подозрения!

Лицо Орна потемнело от злости.

– Да, я разозлился и повел себя глупо! Ну, давайте! Сделайте из этого соответствующие выводы и действуйте!

– Как раз собираюсь, – сказал Стетсон. Он вытащил микрофон из-под приборной панели и произнес: – Это Стетсон.

«Все кончено!» – подумал Орн.

* * *

Из-под приборной панели раздалось гудение, а вслед за этим голос:

– Говорит корабль. Как ситуация?

– Дело дрянь, Хэл, – сказал Стетсон. – Отправляй чрезвычайный запрос на оккупацию. Орн дернулся и уставился на агента Р – У.

Динамик щелкнул, и голос спросил:

– Насколько плохо?

– Хуже мне редко доводилось видеть. Собери данные о том, кто установил Первый Контакт: какой-то тупица по имени Буллон. Его должны уволить. Да плевать мне, даже если он мамочка комиссара Буллона! Только слепой идиот назовет это местечко мирным!

– При возвращении у вас могут возникнуть проблемы? – спросил голос.

– Не думаю. Они пока не подозревают, что мы их раскусили.

– Дай мне свои координаты... на всякий случай.

Стетсон посмотрел на индикатор на приборной панели.

– А-8.

– Понял.

– Отправь запрос, парень! – сказал Стетсон. – К завтрашнему утру я хочу увидеть здесь бойцов оккупационных войск!

– Сию минуту.

Гудение стихло.

Стетсон убрал микрофон и повернулся к Орну.

– Значит, вы действовали по наитию?

Орн покачал головой.

– Я...

– Взгляните назад, – сказал Стетсон.

Орн высунул голову в открытое окно и посмотрел на дорогу, по которой они приехали.

– Не видите ничего любопытного? – спросил Стетсон.

У Орна слегка закружилась голова.

– Вижу припозднившегося фермера и одного охотника с подручным, – сказал он. – Они двигаются быстро.

– Я имел в виду дорогу, – сказал Стетсон. – Считайте это первым уроком в сфере работы Р – У. Широкая дорога, идущая вдоль горных хребтов, – это военная дорога. Всегда. Сельские

дороги – узкие и идут вдоль воды. Военные дороги широкие, обходят болота и пересекают реки под прямым углом. Эта подходит по всем параметрам.

– Но... – Орн замолчал, когда мимо машины, не глядя на них, прошел охотник.

– Что это у него на спине за футляр? – спросил Стетсон.

– Подзорная труба.

– Урок номер два, – сказал Стетсон. – Телескоп – это астрономический прибор. Подзорная труба всегда создается как дополнение к оружию дальнего действия. По моим прикидкам, эти ружья для отстрела дичи эффективны в радиусе около ста метров. Следовательно, это можно считать доказательством того, что у них имеется артиллерия.

Орн кивнул.

– Посмотрим теперь на деревню, – сказал Стетсон. – Обратите внимание на флаг. Флаг часто возникает как знамя, под которым идут в бой. Не всегда, конечно. Однако, учитывая все остальное, это можно считать косвенной уликой.

– Ясно.

– А теперь рассмотрим этот ваш Совет лидеров, – сказал Стетсон. – Это не что иное, как гражданская аристократия. Первое правило в нашей книге гласит: там, где есть имущие и неимущие, ищи средства для сохранения существующего положения дел. Это всегда означает наличие армии. Готов поставить свою последнюю кредитку на то, что те игровые поля с зелеными и желтыми мячами – на самом деле замаскированные плацдармы для тренировок.

Орн проглотил комок в горле.

– Жаль, что это не пришло мне в голову.

– Пришло, – сказал Стетсон. – Бессознательно. Вы все это поняли, не отдавая себе отчета, и вас это чертовски насторожило. Поэтому вы и нажали на кнопку сигнала тревоги.

– Наверное, вы правы.

* * *

– Еще один урок, – сказал Стетсон. – Самое важное в индексе агрессии: истинно мирные люди вообще не обсуждают мир. Они о нем даже не думают. Единственное обстоятельство, при котором развивается постоянный интерес к миру, это когда есть насильственный контраст в виде войны.

– Конечно! – Орн глубоко вдохнул, уставился на деревню. – Но как объяснить отсутствие фортов?

– Мы можем принять как данность, что у них есть артиллерия, – сказал Стетсон. – Гм-м-м. – Он потер подбородок. – Что ж, этого, наверное, достаточно. Наверное, чтобы исключить из уравнения форты, необязательно иметь мобильную кавалерию.

– Наверное.

– Вот что здесь, скорее всего, произошло, – сказал Стетсон. – Тот, кто установил Первый Контакт, этот кретин Буллон, сделал неверные выводы по поводу этих людей и случайно открыл им наши намерения. Видимо, правители Гамаля собрались вместе, заключили перемирие, скрыли или замаскировали все известные им признаки войн и сосредоточились на том, чтобы выжать из нас все, что можно.

– Понятно, – сказал Орн, начиная ощущать успокоительное облегчение.

– Думаю, из вас получится неплохой оперативник Р – У, – сказал Стетсон.

– Из меня получится... Что?

– Мы возьмем вас к себе, – сказал Стетсон.

Орн уставился на него.

– Вы можете это сделать?

– В правительстве еще имеются умные люди, – сказал Стетсон. – Можете не сомневаться, мы обладаем такими полномочиями. – Он нахмурился. – Большинство наших людей мы находим так же, как нашли вас!

– Это... – начал Орн и вдруг замолчал.

Мимо машины Р – У прошепствовал фермер, толкая скрипучую телегу. Они наблюдали за тем, как странно покачивается его спина, как твердо он переставляет ноги, как гладко катится по дороге нагруженная овощами телега.

– Я сам леворукий *фриланс*, да? – пробормотал Орн. Он указал на удаляющуюся спину. – Вот и ездовое животное. Эта чертова телега – не что иное, как колесница!

Стетсон стукнул правым кулаком по раскрытой левой ладони.

– Черт! Все это время оно было прямо у нас перед носом! – Он мрачно улыбнулся. – Когда придут наши оккупационные силы, кое-кто здесь сильно удивится и разозлится.

И, как выяснилось, он был «соверше-е-енно прав».

Недостающее звено

– Мы должны очистить эту планету от всех живых существ, – пробормотал Умбо Стетсон, начальник отдела Службы Расследования и Урегулирования.

Стетсон не находил себе места в рубке управления своего разведывательного крейсера. Стук шагов по полу, служившему во время полета задней стеной рубки, действовал на нервы. Корабль покоился на хвостовых стабилизаторах, возвышаясь блестящей красно-черной четырехсотметровой громадой над буйной зеленью планеты Гиена III. Сквозь раскрытые люки рубки над горизонтом виднелось желтое, словно масло, солнце. До заката оставалось около часа.

– Как яйцо от скорлупы! – рявкнул он.

Стетсон остановился и выглянул в окно по правому борту, сплюнул на выжженную турбинами крейсера поверхность земли посреди джунглей.

Начальник отдела Службы Р – У был худым темноволосым человеком с большой головой и крупными чертами лица. Мешковатая синяя камуфляжная одежда лишь подчеркивала его сутулость. Хотя он руководил данной операцией, обладая полномочиями дивизионного генерала, на форме отсутствовали знаки отличия. В целом он выглядел неопрятным, запущенным.

Льюис Орн – младший полевой оперативник Р – У, только что вступивший в должность, – стоял у окна напротив, изучая лесистый горизонт. Он то и дело поглядывал на консоль управления в рубке, на хронометр над ней, на огромную, свисавшую с переборки напротив карту, на которой высвечивалось их местоположение. Орн родился на планете с повышенной силой тяжести, поэтому на Гиене III, где гравитация составляла семь восьмых от стандарта Земли, ему было чертовски не по себе. Хирургические шрамы от вживления микрокоммуникационного оборудования на шее ужасно зудели. Он почесался.

– Ха! – воскликнул Стетсон. – Политиканы!

В окно влетело черное насекомое с узким телом и перламутровыми крыльями и устроилось в коротко стриженных рыжих волосах Орна. Орн аккуратно снял насекомое с головы и отпустил его. Оно снова попыталось сесть ему на волосы. Он уклонился. Пролетев всю рубку, жучок скрылся в окне рядом со Стетсоном.

Орн обладал подтянутым, крепким телом, но в грубоватых, неправильных чертах его лица было что-то комичное.

– Я устал ждать, – сказал он.

– Ты устал! Ха!

По зеленым верхушкам внизу пронесся ветерок. То тут, то там из моря зелени выныривали красные и фиолетовые цветы, качая головками, словно внимательная публика.

– Только посмотри на эти чертовы джунгли! – буркнул Стетсон. – А все они со своими дурацкими приказами!

На панели управления зазвенел сигнал вызова. Над динамиком вспыхнул красный огонек. Стетсон бросил на него гневный взгляд.

– Слушаю, Хэл!

– О'кей, Стет. Только что поступили приказы. Приводим в действие План С. Командующий велит провести инструктаж полевого агента и лететь отсюда.

– Ты спросил, возможно ли использовать другого полевого агента?

Орн настороженно поднял голову.

– Да, – ответил голос. – Говорят, необходимо использовать Орна из-за архивов «Дельфина».

– Так, может, нам хотя бы дадут больше времени на инструктаж?

– Нет. Готовность номер один. Командование все равно собирается разнести планету к чертям.

Стетсон сердито посмотрел на координатную сетку.

– Ах, эти свиньи с заплывшими жиром мозгами, политиканы проклятые! – Он пару раз глубоко вздохнул и успокоился. – Хорошо. Передай, приказ будет исполнен.

– Есть еще кое-что, Стет.

– Что теперь?

– Есть подтверждение контакта.

Стетсон тут же подскочил и напрягся.

– Где?

– Километрах в десяти отсюда. Секция ААВ-6.

– Сколько?

– Толпа. Пересчитать их?

– Нет. Что они делают?

– Направляются к нам. Вам лучше поторопиться.

– Хорошо. Держи нас в курсе.

– Есть.

* * *

Стетсон перевел взгляд на младшего полевого агента.

– Орн, если решишь, что не хочешь выполнять это задание, только скажи. Я тебя прикрою.

– С чего мне отказываться от первого же задания?

– Слушай, и все поймешь. – Стетсон подошел к шкафчику, встроенному за подсвеченной картой, вытащил белую униформу с золотыми знаками отличия и бросил ее Орну. – Переодевайся, пока я буду тебя инструктировать.

– Но это же форма И – О... – начал Орн.

– Заткнись и напяливай форму!

– Есть, сэр, адмирал Стетсон, сэр. Сию минуту, сэр. Но я думал, что уже отслужил в Службе Исследования и Обучения, когда вы забрали меня в Р – У с Гамалы... сэр. – Он начал переодеваться из синей формы в белую и как бы невзначай прибавил: – ...Сэр.

Крупные черты лица Стетсона расплылись в улыбке, напоминавшей волчий оскал.

– Я та-а-ак счастлив, что тебе удастся сохранять дух подчинения начальству.

Орн застегнул молнию на форме.

– О да, сэр... сэр.

– Так, Орн, слушай внимательно. – Стетсон указал на карту, на которую наложились зеленые квадраты координатной сетки. – Мы здесь. Вот город, над которым мы пролетели, когда садились. Как только мы тебя высадим, ты отправишься прямо туда. Это место достаточно большое, так что, если будешь двигаться на север, никак его не пропустишь. Мы...

Снова раздался звонок.

– Что теперь, Хэл? – буркнул Стетсон.

– Перешли на План Н, Стет. Новый приказ.

– Пять дней?

– Больше они нам дать не могут. Командующий говорит, что не может дольше скрывать информацию от Верховного комиссара Буллона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.